

КОНВЕРГЕНЦИЯ ИЛИ ЗАИМСТВОВАНИЯ?

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ
В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ
ГОЛОЦЕНА ЕВРАЗИИ

Материалы конференции
(Санкт-Петербург, 13–15 мая 2026 г.)

Институт истории материальной культуры РАН
Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Самарский государственный социально-педагогический университет
Государственный Эрмитаж
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
Государственный исторический музей
Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Конвергенция или заимствования?

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ ГОЛОЦЕНА ЕВРАЗИИ

Материалы конференции (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2026 г.)

Санкт-Петербург
2026

УДК 902/904

ББК 63.4

Д73

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры РАН

Ответственные редакторы:

д. и. н. А. А. Выборнов, к. и. н. Д. В. Герасимов, к. и. н. Е. Н. Дубовцева, к. и. н. Е. А. Кашина,
д. и. н. Е. М. Колпаков, А. Н. Мазуркевич, к. и. н. Е. С. Ткач, к. и. н. М. А. Холкина

Рецензенты:

к. и. н. О. В. Лозовская (ИИМК РАН), к. и. н. О. В. Яншина (МАЭ РАН)

Конвергенция или заимствования? Сходства и различия в материальной культуре и культурных процессах голоцена Евразии : Материалы конференции (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2026 г.). — СПб.: ИИМК РАН, 2026. — 109 с.

Сборник содержит материалы докладов, представленных на конференции «Конвергенция или заимствования? Сходства и различия в материальной культуре и культурных процессах голоцена Евразии», проходившей в Санкт-Петербурге 13–15 мая 2026 г. Основной задачей конференции являлось рассмотрение схожих культурно-исторических процессов и археологических типов на евразийском пространстве, а также попытка выявления диффузионных и конвергентных процессов. В разделе «Наскальное искусство каменного века Евразии» представлены писаницы и петроглифы каменного века Евразии, сходства и различия в технологии их создания, а также культурно-исторические интерпретации. В блоке «Посуда и варианты ее распространения» рассмотрены появление двух типов посуды — гребенчатой и накольчатой, сходства и различия в путях их распространения, хронология, смешение с иными культурными блоками и появление гибридной керамики. В блоке о типах каменных артефактов рассмотрены процессы появления схожих типов артефактов на разных территориях Евразии с учетом специфики технологии их обработки, источников сырья и использования орудий в мезолите и неолите. В задачу блока «Системы жизнеобеспечения» входило представление разных видов адаптации древнего населения в различных экологических нишах — от морского побережья до пустынного ландшафта. Отдельное внимание уделено рыболовным конструкциям и приспособлениям из торфяниковых памятников Евразии. В блоке «Украшения» рассмотрены различные типы, выявленные на поселениях и в погребениях Евразии голоценового каменного века. Книга рассчитана на представителей гуманитарных наук (археологов, историков, этнографов и др.) и специалистов смежных дисциплин, студентов гуманитарных факультетов вузов, а также широкий круг читателей, интересующихся гуманитарным знанием.

ISBN: 978-5-6052468-7-9

doi.org/10.31600/978-5-6052468-7-9

- © Институт истории материальной культуры РАН, 2026
- © Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2026
- © Самарский государственный социально-педагогический университет, 2026
- © Государственный Эрмитаж, 2026
- © Институт истории и археологии УрО РАН, 2026
- © Государственный исторический музей, 2026
- © Институт истории СПбГУ, 2026

В. В. Бобров. Новации в неолитических культурах Сибири
(реальные факты и теоретический экскурс) |6

I

Наскальное искусство каменного века Евразии

- Е. М. Колтаков.* Люди как боги: петроглифы Севера |9
- А. М. Жульников.* О хронологическом соотношении онежских
и беломорских петроглифов: проблемы изучения общего и особенного
в иконографии образов |12
- В. С. Джос.* Об одной изобразительной композиции
в мезонеолитическом искусстве Восточной Европы |16

II

Посуда и варианты ее распространения: гребенчатая и накольчатая керамика

- В. Е. Медведев.* О параллелях в неолите юга Дальнего Востока (Нижний Амур)
и дзёмоне Японии |19
- И. В. Бердников, Н. Б. Соколова, И. В. Уланов.* «Гребенчатые» и «накольчатые» мотивы
на усть-бельской керамике Байкало-Енисейской Сибири:
разные культурные компоненты или вариации одной традиции? |21
- А. В. Сомов.* Культуроопределяющие признаки
неолитических керамических комплексов лесостепного Поволжья |23
- М. И. Ткачёва.* Развитие керамики с гребенчато-накольчатым орнаментом
в Юго-Восточной Беларуси в эпоху неолита |25
- П. Н. Ятин.* Гребенчато-накольчатая керамика стоянки Коромка 9 |27

III

Типы каменных артефактов

- А. В. Табарев.* Проявления микроклиновидной техники в докерамическом неолите
Юго-Восточной Турции и ее японские «анalogии» |30
- К. М. Андреев.* Общая характеристика кремневых индустрий
финального палеолита — энеолита лесостепного Поволжья:
«волновая траектория развития» |32
- А. А. Выборнов, В. С. Мосин.* Кельтеминарские наконечники
от Зауралья до Волги |35
- Е. Л. Лычагина.* Каменная индустрия ранне-неолитических памятников
с гребенчатой керамикой в лесной полосе Волго-Камья |37
- Н. А. Цветкова.* Культурные вариации в мезолите и раннем неолите
Волго-Окского междуречья (по результатам изучения каменных индустрий) |39
- Д. С. Тупахин.* Функциональная дифференциация и технологическое единство
сланцевых наконечников стрел и копий в неолитических комплексах
Нижней Оби |41

- В. Н. Карманов, А. С. Макаров.* География и хронология тепловой обработки кремнистых пород |43
- А. А. Можалева.* Каменные наконечники энеолитических культур Волго-Камья: сходства и различия как критерии конвергенции и культурного заимствования |45
- О. В. Вороненко.* Наконечники стрел кундской культуры: конвергенция или заимствование (по материалам стоянок Коромка 4 и 5 в Верхнем Поднепровье) |47
- А. С. Кудашов.* Некоторые особенности комплекса каменных орудий раннего неолита марийского Поволжья |50
- Б. Д. Мадреймов.* Типы каменных артефактов мезолита Устюрта и проблема культурных взаимодействий |52
- А. В. Колесник.* О генетической основе технологии расщепления камнядонецкой мезонеолитической культуры |55
- Н. В. Манько.* Особенности редукции нуклеусов донецкого типа в мезонеолитическую эпоху |57
- П. Г. Клименко.* Анализ каменного инвентаря со стоянки Зимовская |59
- В. В. Бобров, А. В. Веретенников.* Каменная булава из поселения позднего неолита Автодром-2/1 (Барабинская лесостепь): к проблеме конвергенции и заимствования |62
- А. А. Василенко.* О заимствованиях и конвергенции по каменным артефактам Волго-Камья |64
- Н. С. Смертина, К. В. Никулина.* Коллекция каменных орудий стоянки Глубокое Озеро II Чердынского городского округа Пермского края |66

IV

Системы жизнеобеспечения

- А. Н. Попов.* Особенности приморской адаптации и процесса неолитизации в прибрежных районах Российского Дальнего Востока в раннем и среднем голоцене (12–5 тыс. л. н.) |69
- Н. Е. Зарецкая, Е. В. Попов, С. В. Копытов, В. Н. Карманов, Е. Л. Лычагина, Д. В. Баранов.* Освоение человеком эоловых ландшафтов северо-востока Европы в голоцене |71
- Е. С. Ткач, А. А. Малютина.* Костяная индустрия носителей цедмарской культуры Юго-Восточной Прибалтики |74
- Д. В. Герасимов, М. А. Холкина, Р. И. Муравьев.* «На берегу пустынных волн...»: освоение морских кос древним населением Нарвско-Лужского междуречья |76
- Н. С. Дога, Ф. Ф. Гилязов, А. А. Выборнов, М. А. Кулькова.* Адаптационные стратегии древних сообществ в неолите Северного Прикаспия |78
- Н. В. Косорукова, М. А. Кулькова, В. А. Лукинцева, Т. С. Гринина.* Рыболовные конструкции на памятнике Караваиха 4 в бассейне озера Воже |80
- Т. М. Гусенцова.* Сетевые и индивидуальные грузила в рыболовстве эпох неолита — энеолита Восточной Балтики: общее и отличия |83
- А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова, И. В. Аськеев, А. О. Аськеев, С. П. Монахов.* Остатки неолитических рыболовных конструкций и приспособлений из торфяников бассейна Западной Двины |86

Украшения

- А. Ю. Смертина.* Морфологическая классификация «фигурного кремня» с территории Приуралья |89
- И. М. Бердников.* Предметы мелкой пластики с изображениями водоплавающих птиц в среднем неолите Байкало-Енисейской Сибири |92
- А. М. Скоробогатов.* Кольцевидные изделия из камня как редкий вид украшений в энеолите Доно-Волжского региона |94
- Р. В. Смольянинов.* Энеолитические погребения с украшениями на Верхнем Дону |97
- В. А. Лукинцева, Н. В. Косорукова, С. А. Воронков, Т. С. Гринина.* Подвески из кости и зубов животных в материалах мезолитического торфяникового памятника Погостище 15 |100
- А. И. Юдин.* Орнаментация неолитических костяных изделий: критерии сходства и различия |102
- Е. А. Турина, Е. А. Кашина, А. А. Малютина, М. М. Чернявский.* Круглые костяные изделия с центральным отверстием и насечками по краю в материалах финала каменного века лесной зоны Восточной Европы |105
- Е. Г. Шалахов.* Сланцевые подвески на поселениях с гребенчато-ямочной керамикой (по материалам разведочных работ в марийском Поволжье) |107
- Список сокращений |109

Новации в неолитических культурах Сибири (реальные факты и теоретический экскурс)

В. В. Бобров*

В археологической науке аксиомой является то, что в неолитический период эпохи камня произошли значительные прогрессивные изменения в материальной и духовной культуре населения на большей части ойкумены. Они результат качественно нового этапа технико-технологического развития и развития всех видов производственной сферы жизнеобеспечения. Это касается не только ареалов становления производящих форм хозяйственной деятельности, но и гигантских по масштабу пространств, на которых сохранялись традиционные способы обеспечения жизни. Более того, в неолитический период завершилось формирование хозяйственно-культурных типов, в частности, в среде охотников, рыболовов и собирателей на территории Северной Евразии.

Неолитический технико-технологический прогресс, основанный на опыте и знаниях поколений предшествующих времен, отражен в обширном списке (в археологическом аспекте) категорий многообразного производственного и бытового инвентаря, в монументальном творчестве и искусстве малых форм, в ритуальных предметах. Для многих из них вполне реально употребление термина «впервые». Вряд ли будет грубой ошибкой, если неолит определять «эпохой новаций».

Насколько актуальна задача поиска истоков происхождения того или иного конкретного нового типа предмета? Она в большей степени соответствует диффузионному направлению в науке. Однотипные или близкие к этому определению предметы могли возникнуть автохтонно в разных точках. Свидетельством тому не только этнографические знания, но и история техники, среди достижений которой много прототипов от главного конструктора — природы. А в когнитивных способностях человека сомневаться не приходится. Проблема в том, что доказательств конвергентного происхождения конкретных предметов материальной культуры со свойственными только ей тенденциями и динамикой развития очень мало, к тому же достаточно зыбких. Часто используемый в качестве аргументации пространственный фактор утрачивает свое значение в результате археологически выявленных тысячекilометровых маршрутов обсидиана на территории Пасифики или анатолийского обсидиана в Передней Азии. Функциональное предназначение многих орудий, в частности деревообрабатывающих, было решено в очень простых формах, что определило их сходство в разных неолитических культурах не только Северной Евразии. Топоры и тесла Восточной Сибири от западносибирских идентичных орудий отличают размеры и форма сечения.

Другой стороной культурных новаций являлось заимствование. Археологически оно более выражено в материальной культуре. Хорошо известным инструментарием на этом исследовательском поле является типология. Атипичность — один из признаков заимствования. Пример — шлифованные ножи с вогнутым лезвием,

* Бобров В. В. — Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемеровский государственный университет, Кемерово, РФ (bobrov4545@mail.ru).

© Бобров В. В., 2026

типичные для неолита Байкальской Сибири, в погребениях кузнецко-алтайской культуры лесостепного Приобья; даже если признать, что их появление здесь связано с миграцией, то вряд ли эту причину можно относить к единичным находкам ножей в лесном Зауралье. Небезынтересно то, что ножи этого типа в Приобье стали «популярными» в энеолитическое время. Горизонтальная и вертикальная связь. К числу, вероятно, заимствованных каменных изделий можно отнести асимметрично-ромбические наконечники, вкладыши-бифасы, составные рыболовные крючки, листовидной формы ножи-клинки. Одностороннюю направленность с востока на запад можно объяснить относительно низким уровнем каменной индустрии неолитического населения Западной Сибири, обусловленным качеством ограниченных или даже отсутствующих во многих районах источников сырья. Не случайно во всех неолитических культурах западносибирской низменности распространилась техника шлифования для изготовления наконечников. Археологическая карта Западной Сибири иллюстрирует масштабное долговременного характера (жилища) освоение территории в неолите. Факт сооружения жилищ, а также сооружений пассивной формы рыбной ловли вызывал потребность в деревообрабатывающих орудиях. Дальние экспедиции за сырьем, обмен, который, на мой взгляд, приобрел стабильный характер, создавали условия для заимствования, прежде всего наиболее эффективных достижений. С совершенствованием орудий были связаны прогрессивные изменения в различных сферах жизнеобеспечения населения неолита Сибири.

Работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН по теме: «Динамика культурно-исторических процессов в Сибири и сопредельных районах Центральной Азии от древности до Нового времени: тенденции и локальная специфика» (№ гос. регистрации 126030318256-9).

I

**Наскальное искусство
каменного века Евразии**

Е. М. Колпаков*

В наскальном искусстве Северной Европы присутствуют антропоморфные фигуры с «нечеловеческими» признаками (рис. 1). Такие фигуры немногочисленны, но при этом их наличие является простым аргументом в пользу мифологического характера (интерпретации) в целом петроглифов Северной Фенноскандии. Есть фигуры как с обозначением мужского или женского пола, так и без всяких половых признаков.

Для начала имеет смысл выбрать фигуры, «нечеловеческий» характер которых почти очевиден. С формальной (изобразительной) точки зрения от «обычных человеческих» фигур они отличаются проявлениями одного из трех признаков или их сочетаниями: 1) формой головы (с рогами, ушками-рожками; квадратная — прямоугольная; с головой животного — медведя, лося) (рис. 1: 1–21, 29, 30, 33–37), 2) формой тела (прямоугольное, ихтиоморфное, «ребристое») (рис. 1: 1, 22, 31, 32), 3) хвостом или его подобием (прямой или изгибающийся) (рис. 1: 23–28).

Интерпретация антропоморфов с «ушками-рожками» как фантастических существ не является надежной, поскольку их можно рассматривать как «нормальных» людей в масках или в шапках. Не включены в отряд «нечеловеков» антропоморфы с лицом: фигуры анфас, головы которых имеют признаки изображения лица, и профильные, которые можно трактовать как попытки изобразить контур лица в профиль (таких фигур много в петроглифах Выга). Также не включены антропоморфы с деталями на голове, которые напоминают прическу, косы, дреды и т. п.

При отборе «нечеловеческих» антропоморфов необходимо учитывать стиль изображений в каждой группе петроглифов, поскольку необычность фигуры может быть обусловлена локальным стилем. Поэтому, в частности, не учтены антропоморфы в «рентгеновском» стиле группы Amtmannsnes в Альте, которых логично всех поголовно записать в сверхъестественные существа. При этом особый стиль, весьма вероятно, и был применен для того, чтобы отделить «богов» от «людей».

Наибольшее количество нечеловеческих фигур представлено на Канозере, если не считать 8 одинаковых «ушасто-рогатых» антропоморфов в одной композиции Альты (рис. 1: 36). Большинство несомненных композиций с участием «нечеловеческих» антропоморфов представлено также на Канозере. К повторяющимся композициям с ними относятся три типа: «Бес с бабой», «Любовный треугольник» и «Семья».

Тип «Бес с бабой» (мужской антропоморф «хватает» женского) в двух случаях включает несомненного фантастического антропоморфа (в том числе «вырастающего» из плавника нестандартного ихтиоморфа), что заставляет предполагать такую же его оценку и в других композициях этого типа.

Тип «Семья» (ряд из трех фигур уменьшающихся размеров) в четырех случаях включает антропоморфа с лосиной головой и/или рогами. Понятно, что эти типы фигур и композиций можно рассматривать как некую «иллюстрацию» мифов о человеке-олене, встречающихся у северных народов, в том числе у саамов.

Тип «Любовный треугольник» (три фигуры в «борьбе за женщину») в двух случаях включает антропоморфа с хвостом.

* Колпаков Е. М. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ (eugenkolp@yandex.ru).

© Колпаков Е. М., 2026

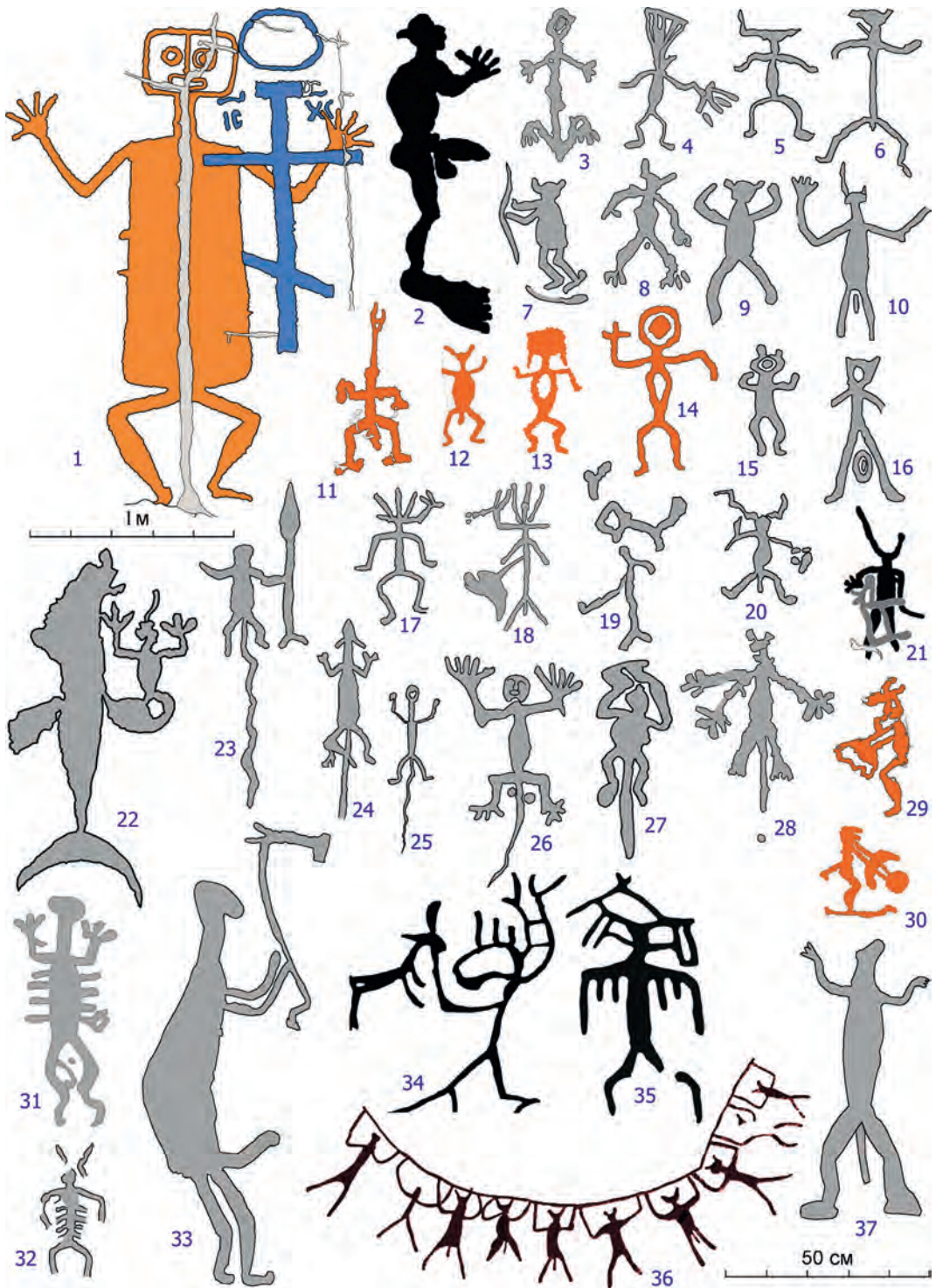

Рис. 1. 1, 11–14, 29, 30 — Бесов Нос; 2 — Бесовы Следки; 3 — Чальмн-Варрэ; 4–10, 15–20, 22–28, 31–33, 37 — Канозеро; 21 — Нэмфоршен; 34–36 — Альта.

По: Poikalainen, Ernits 2019; 2021; Равдоникас 1938; Колпаков и др. 2018; Колпаков, Шумкин 2012; Колпаков, Киселёва 2022; Kolpakov 2015; Larsson, Broström 2011; Tansem 2009

Все остальные «нечеловеческие» антропоморфы либо не входят в надежно выделяемые композиции, либо заняты в неповторяющихся неясных композициях.

Из нашего довольно поверхностного анализа можно сделать ряд заключений.

1. По формальным признакам к «нечеловеческим» антропоморфам относятся разные существа (хвостатые, рогатые, звероподобные и т. п.), то есть в петроглифах представлена целая группа разных сверхъестественных персонажей.

2. Эти существа (боги, герои, предки и т. д.) взаимодействуют с обычными (с формальной точки зрения) людьми в различных ситуациях.

3. Изобразительно выдающиеся фигуры относятся именно к необычным антропоморфам (бес на Бесовом Носе, бес на Бесовых Следках, персонаж с вороном на Канозере и другие бесы), то есть они занимают особое положение в наскальном искусстве.

4. Все это представляет доказательства в пользу того, что главным содержанием петроглифов Северной Фенноскандии являются мифологические сюжеты.

Колпаков, Киселёва 2022 — *Колпаков Е. М., Киселёва А. М.* Петроглифы Канозера: 2019–2021 // Кольский сборник 3 / отв. ред. Е. М. Колпаков. СПб.: ООО «ЛЕМА», 2022. С. 66–109. doi: 10.31600/978-5-00105-761-1.

Колпаков, Шумкин 2012 — *Колпаков Е. М., Шумкин В. Я.* Петроглифы Канозера. Rock Carvings of Kanozero. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.

Колпаков и др. 2018 — *Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И.* Петроглифы Чальмн-Варрэ. Čalmn-Varré petroglyphs. СПб.: ЛЕМА, 2018. 160 с.

Равдоникас 1938 — *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 2: Наскальные изображения Белого моря = Les Gravures Rupestres des Bords du lac Onega et de la mer Blanche. Seconde Partie: Les Gravures Rupestres de la mer Blanche. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 168 с. (Труды Института антропологии, археологии и этнографии. Т. 9–10. Археолог. серия. № 1).

Kolpakov 2015 — *Kolpakov E.* Russian Demons // Adoranten 2015. Tanums hällristningsmuseum. Underslöv, 2015. P. 92–97.

Larsson, Broström 2011 — *Larsson T. B., Broström S.-G.* The Rock Art of Nämforsen, Sweden. The survey 2001–2003. Archaeological Reports from Umeå University 62. Umeå, 2011.

Poikalainen, Ernits 2019 — *Poikalainen V., Ernits E.* Rock carvings of lake Onega II. The Besov Nos region. Estonian Society of Prehistoric Art. Tartu, 2019. 610 p.

Poikalainen, Ernits 2021 — *Poikalainen V., Ernits E.* Rock carvings of lake Onega III. The Besov Nos region. Estonian Society of Prehistoric Art. Tartu, 2021. 416 p.

Tansem 2009 — *Tansem K.* Alta museum archive. Alta. Tracing of 2009.

О хронологическом соотношении онежских и беломорских петроглифов: проблемы изучения общего и особенного в иконографии образов

А. М. Жульников*

В зависимости от конкретной ситуации (особенности ландшафта, способ создания изображений — гравировка или рисунок краской и т. п.), применяемые исследователями методы определения хронологии наскальных изображений и этапов их развития имеют определенные особенности и ограничения, что требует их критического осмысления.

1. Выявление и изучение палимпсестов. В настоящее время это один из наиболее востребованных методов в определении хронологии наскальных гравировок Северной Европы [Tansem 2020; Larsson, Broström 2011; и др.]. К сожалению, установление факта перекрывания одних фигур другими, без наличия признаков существенных различий в стиле изображений, не гарантирует, что палимпсест не был создан в процессе достаточно короткого времени. Наличие в скоплении наскальных изображений множества палимпсестов косвенно указывает на длительность функционирования наскального «полотна».

2. Некоторыми исследователями предложены схемы развития иконографии образов, основанные на некоторых общих представлениях о логике развития первобытного искусства. Например, развитие Беломорских петроглифов, по А. Д. Столяру, на определенном этапе шло от крупных фигур к более мелким [1977]; по Н. В. Лобановой, к начальному этапу Онежских петроглифов относятся схематичные фигуры птиц, а позднее происходит усложнение облика орнитоморфов и общее расширение репертуара образов на онежских скалах [2016]. Подобные типологические, во многом умозрительные схемы могут быть «развернуты» и в противоположном направлении: от мелких фигур к крупным, от сложных по иконографии образов к схематичным и т. п. Маловероятным представляется и однолинейное развитие иконографии образов в первобытном изобразительном творчестве.

3. Использование статистических данных по стоянкам, расположенным поблизости от скоплений наскальных изображений. Обилие рядом с некоторыми группами петроглифов поселений, относящихся к определенным хронологическим периодам, иногда трактуется исследователями как показатель их синхронности [Лобанова 2014]. Надежность этого метода сомнительна, поскольку по этнографическим данным поселения и святилища часто отделены друг от друга топографическими рубежами или удалены на значительные расстояния.

4. Изучение хронологии особых видов артефактов (имеющих характер подношений или признаки связанного с наскальными изображениями ритуала), обнаруженных рядом с петроглифами или писаницами. Как правило, собранные рядом с наскальными изображениями подобные находки имеют довольно широкий хронологический диапазон, что можно трактовать как признак длительного почитания древними людьми скопления наскальных изображений. Тем не менее этот метод

* Жульников А. М. — Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Республика Карелия, РФ (rockart@yandex.ru).

© Жульников А. М., 2026

позволяет вполне определенно судить о начальной фазе возникновения наскальных изображений в тех ситуациях, когда топография памятника не позволяет предполагать наличие обычного поселения рядом со скалами с изображениями [Колпаков и др. 2022].

5. Установление возраста наскальных изображений с использованием метода высотной датировки. Применение этого возможно в тех местах, где выход пригодных для создания изображений скал из воды происходил по мере послеледникового поднятия Балтийского щита. Определение времени выхода на поверхность скал в настоящее время осуществляется по данным геологии [Gjerde 2010; Helsing 2014] и археологии (по нижним высотным отметкам типов керамики) [Жульников 2010]. Вследствие различных темпов изостатического поднятия в разных частях Балтийского щита, региональных блоковых поднятий требуется разработка локальных графиков изменений уровня моря. При использовании данной методики необходим также учет данных о трансгрессивных колебаниях уровня водоема.

6. Планиграфические наблюдения. Родоначальником этого метода для петроглифов Карелии следует считать первооткрывателя Беломорских петроглифов А. М. Линевского, который, изучая особенности распределения некоторых фигур на скальных панно, установил, в частности, поздний возраст Беса и его следов на Бесовых Следках [1939].

7. Анализ различий в микроэрозии сколов на естественной поверхности скалы и на древних гравировках [Bednarik 1992]. Трудность в использовании этого способа датирования петроглифов состоит в том, что далеко не всегда можно установить возраст скальной поверхности (своего рода репер), с которой сравниваются древние гравировки. В условиях наличия/отсутствия волнового воздействия процессы изменений на поверхности скалы (условно — «патинизация») происходят, по-видимому, по-разному.

8. Определение способов создания гравировок трасологическим методом и установление их возраста в зависимости от использованного для создания выбивок материала орудия (камень, медь, бронза, железо, сталь и т. п.). Противоречивые, на мой взгляд, данные, полученные при использовании этой методики при определении возраста Онежских петроглифов [Федорова, Гиря 2024], требуют дальнейшего обсуждения.

9. Для писаниц возможно применение прямых методов датирования путем установления радиоуглеродного возраста образцов органики, содержащейся в краске.

10. Изучение современных гравировок, расположенных в топографических условиях, которые сходны с теми, которые были в период создания той или иной группы петроглифов. Метод позволяет, в частности, определить период, в течение которого выбивки становятся трудноразличимыми для визуального распознавания. Развитие этого метода, судя по почти полному отсутствию упоминаний о его применении в археологической литературе, находится в начальной стадии.

11. Поиск признаков сходства в особенностях иконографии фигур в наскальном и мобильном искусстве, включая изображения на керамике [Жульников 2025].

12. Использование для установления хронологии изображений на скалах признаков сходства с отдельными видами древних изделий (оружие, украшения, орудия труда и т. п.). Наиболее успешно этот метод в настоящее время используется для датирования изображений эпохи бронзы и раннего железного века Южной Скандинавии, Сибири и ряда иных регионов мира.

13. В археологической литературе упоминаются опыты использования для датирования наскальных изображений лихенологического метода, видимо, пригодного лишь для относительно поздних изображений.

14. Одной из наиболее часто применяемых методик установления возраста древних изображений является построение региональных типологических схем развития иконографии образов: выявление типологических различий фигур и композиций в пределах скального полотна, между группами наскальных изображений одного локального района, между региональными скоплениями. Из перечня сходных признаков, пригодных для создания региональных периодизаций наскальных изображений, на мой взгляд, следует исключить уникальные фигуры или композиции, встречающиеся в пределах только одного локального скопления. Кроме того, существует еще одна группа сходных признаков, зачастую имеющих широкий евразийский охват (трехпалые антропоморфы, «рогатые» антропоморфы; фигуры в рентгеновском стиле; лодки с форштевнем в виде головы животного; «эротические» сюжеты и т. д.). Широкие пространственные и хронологические рамки данной группы признаков свидетельствуют о том, что мы имеем дело в основном с проявлениями универсальной культуры, в которых отразились мифологические представления древних людей, близость экологических условий и облика материальной культуры и т. п. Возникновение подобных сходных черт во многих скоплениях наскальных изображений Евразии с большой долей вероятности имело конвергентный характер, что требует дополнительного обоснования критериев возможности использования подобных признаков в хронологических периодизациях древних наскальных изображений.

В целом, при оценке возможности и трудности применения вышеперечисленных способов установления хронологии наскальных изображений применительно к петроглифам в низовье р. Выг и на восточном берегу Онего, основным фактором, не позволяющим использовать здесь единую методику, является существенное отличие в геоморфологической ситуации районов расположения наскальных изображений. Наиболее целесообразной в данном случае представляется разработка для Онежских и Беломорских петроглифов отдельных региональных периодизаций и их последующая синхронизация, основанная, прежде всего, на типологическом изучении набора тех сходных черт, которые наблюдаются в основном только между этими двумя петроглифическими святилищами.

Федорова, Гиря 2024 — Федорова Д. Н., Гиря Е.Ю. Виды выбивок в наскальном искусстве мыса Бесов Нос Онежского озера // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 1. С. 140–148.

Жульников 2010 — Жульников А. М. О хронологии наскальных изображений Белого моря // Уральский археологический вестник. 2010. № 1 (26). С. 62–69.

Жульников 2025 — Жульников А. М. Изображения на нео-энеолитической керамике Северной и Восточной Европы в контексте наскального и мобильного искусства // Археология Евразийских степей. 2025. № 1. С. 73–91.

Колпаков и др. 2022 — Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Тарасов А. Ю., Малютина А. А., Степанов К. Н. Петроглифы Канозера: раскопки // Записки ИИМК РАН. 2022. Вып. 26. С. 52–63.

Линевский 1939 — Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: КАРГОСИЗДАТ, 1939. 194 с.

Лобанова 2014 — Лобанова Н. В. К вопросу о хронологии и периодизации наскальных изображений Онежского озера // Российская археология. 2014. № 3. С. 98–110.

Лобанова 2016 — Лобанова Н. В. Новые данные о периодизации наскального искусства Онежского озера // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2016. № 1. С. 12–34.

- Столяр 1977 — *Столяр А. Д.* Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья (Карелия) // Советская археология. 1977. № 3. С. 24–41.
- Bednarik 1992 — *Bednarik R.* A new method to date Petroglyphs // *Archeometry*. 1992. 34. P. 279–291.
- Helskog 2014 — *Helskog K.* Communicating with the World of Beings: The World Heritage Rock Art Sites in Alta, Arctic Norway. Oxford and Philadelphia: Oxbow Books, 2014. 240 p.
- Gjerde 2010 — *Gjerde J. M.* Rock art and Landscape. Studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia. Tromsø: University of Tromsø, 2010. 550 p.
- Larsson, Broström 2011 — *Larsson T. B., Broström S.-G.* The Rock Art of Nämforsen, Sweden. The Survey 2001–2003. Umeå: Umeå University, 2011. 117 p.
- Tansem 2020 — *Tansem K.* Retracing Storsteinen: A deviant rock art site in Alta, northern Norway // *Fennoscandia Archaeologica*. 2020. XXXVII. P. 83–107.

Об одной изобразительной композиции в мезонеолитическом искусстве Восточной Европы

В. С. Джос*

С наступлением голоценовой эпохи, одновременно с характерными для данного периода изменениями, происходят коренные изменения в изобразительном искусстве населения Евразии. На смену реализму, свойственному для изобразительного искусства эпохи верхнего плейстоцена, приходит весьма своеобразный нефигуративный стиль линейно-геометрических изображений, часто носящий декоративно-орнаментационный характер.

Изобразительное искусство населения Восточной Европы позднемезолитической и неолитической эпохи, по мнению исследователей, представлено в традиционных для этих исторических периодов формах — петроглифах, геометрических гравировках и знаках на орудиях труда, оружии, украшениях, и неутилитарных предметах, а также декоре керамики.

В пределах Восточной Европы основными регионами сосредоточения объектов мезолитического и раннеолитического искусства являются лесная и степная зоны европейской части России, на территории которой исследователями выделено несколько центров бытования мезолитического и раннеолитического искусства.

В степной зоне одним из центров изобразительного искусства является комплексный памятник археологии Каменная Могила, расположенный в Северо-Западном Приазовье, на территории которого исследователями выявлено 69 местонахождений с петроглифами.

Среди местонахождений с петроглифами Каменной Могилы возможно выделить два компактных скопления местонахождений с изображениями позднемезолитической и неолитической эпохи, основными чертами которых являются нефигуративные линейно-геометрические изображения, носящие, скорее всего, символический характер.

Типичными элементами данных местонахождений являются изображения прямоугольных рам, а также овальных и реже треугольных фигур, заштрихованных прямой или косой сеткой, в которых возможно видеть изображения разнообразных рыболовецких орудий (сети, верши, заклы), установленных в водоеме. Существенным дополнением этих изображений являются рисунки решетчатых композиций, зигзагов, ромбов, гарпуноподобных и вилоподобных предметов, а также схематические рисунки рыб и лодок. По мнению В. Н. Даниленко, все эти рисунки отображают рыболовецкий характер изображений.

Нередко такие изобразительные элементы, как зигзаги, лесенки, елочки, ромбы, косые сетки и кресты, аналогии которым широко известны среди материалов позднемезолитических и неолитических памятников лесной и степной зоны Восточной Европы, объединяются в сложные изобразительные композиции.

* Джос В. С. — филиал Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник „Херсонес Таврический“» «Историко-археологический музей-заповедник „Каменная могила“», Мелитополь, Россия (viktordzhos@mail.ru).

© Джос В. С., 2026

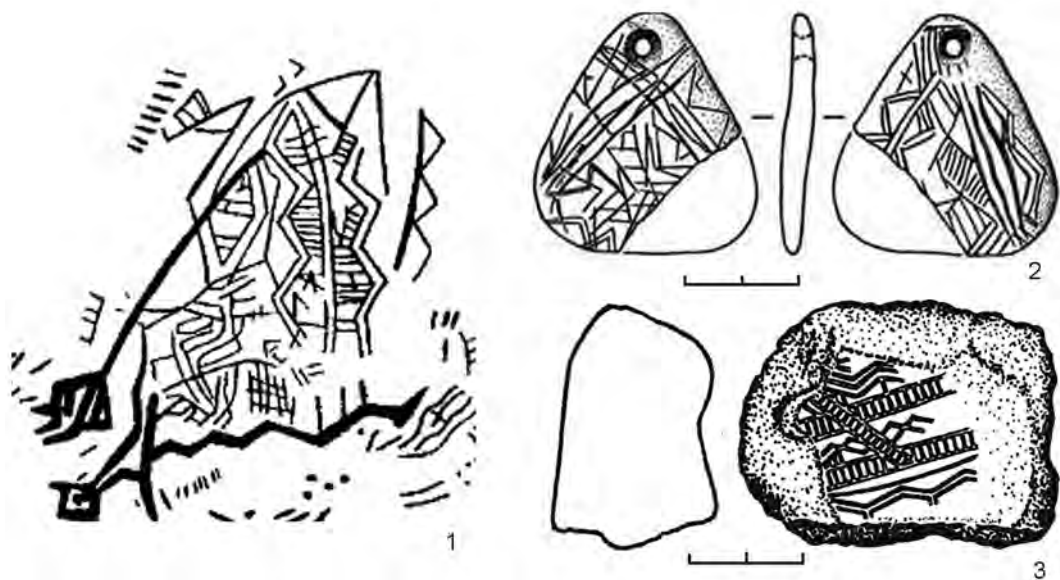

Рис. 1. Изобразительные композиции мезо-неолитического периода:
 1 — Каменная Могила, фрагмент петроглифов местонахождения № 19 б;
 2 — Раздорская 2, гравировки на поверхности каменного грузила;
 3 — Замостье 2, гравировки на гальке-чуринге

Одной из таких композиций является сложная изобразительная композиция, занимающая центральное положение среди изображений местонахождения с петроглифами № 19б, основными элементами которой являются несколько двойных зигзагов. Определенные аналогии данной композиции известны среди материалов мезонеолитических поселений Нижнего Дона (гравированное каменное грузило из второго Раздорского поселения) и Волжско-Окского междуречья (гравированная плитка из поселения Замостье-2) (рис. 1).

Существующие аналогии отдельным элементам линейно-геометрических изображений, а также отдельным изобразительным композициям Каменной Могилы на столь отдаленных от нее территориях, на наш взгляд, могут указывать на то, что, несмотря на разницу в природно-климатических условиях обитания, материальной культуре, а также в социально-экономических и культурных процессах у населения эпохи мезолита и неолита, проживающего на обширных территориях Восточной Европы, их изобразительное искусство имеет много общего — что в определенной мере может указывать на общие черты их мировоззрения и хозяйственной деятельности, которые, по всей видимости, были связаны с почитанием водной стихии, основанным на интенсивной эксплуатации водных ресурсов.

II

**Посуда и варианты ее распространения:
гребенчатая и накольчатая керамика**

О параллелях в неолите юга Дальнего Востока (Нижний Амур) и дзёмоне Японии

В. Е. Медведев*

Есть очевидные основания считать существующей проблему параллелей в развитии отдельных сторон материальной и духовной сфер жизни неолитических обществ Японии и Нижнего Приамурья. Тема эта многогранная, и внимание к ней должно быть соответствующее. Названные процессы были, вероятнее всего, разносторонними, обусловленными природно-климатическими и культурными особенностями сравнительно близких друг от друга территорий — тихоокеанских побережий и островов.

Можно говорить о синхронном функционировании в амурской осиповской культуре ее развитого этапа начального неолита и в древнейшем дзёмоне периода сосо Японского архипелага 10–12 тыс. л. н. стационарных (оседлых) поселений с жилищами-полуземлянками и землянками. Сходной у первобытных обществ Нижнего Амура и Японии была экономика, базирующаяся на чрезвычайно продуктивном рыболовстве, в особенности на Амуре (в Японии видное место принадлежало добыче моллюсков), охоте (в том числе промысел морских животных) и собирательстве. Известно, что уже в раннем дзёмоне Японии 6–5 тыс. л. н. культивировалась, к примеру, тыква-горлянка, в среднем — перилла, а в позднейшем — гречиха, тем не менее эту эпоху часто называют неолитом без земледелия и скотоводства. В Нижнем Приамурье, его южной части, первые признаки земледелия появились, скорее всего, не раньше конца раннего железного века (2,2–1,9 тыс. л. н.). Имеющиеся факты позволяют считать не случайностью появление архаичной керамики на Амуре и в Японии практически в одно время.

Дзёмонская керамика японских островов и начальнеолитическая Нижнего Амура заметно различаются между собой. Все амурские сосуды плоскодонные, в то время как дзёмонские — почти всегда круглодонные. Формы последних намного разнообразнее. У исследователей дзёмона пока нет твердого мнения по проблеме наличия орнамента на его древнейшей керамике. Однако на считающейся в последнее время древнейшей стоянке Одай Ямомото-1 культуры чоджакубо возрастом более 13 тыс. л. н. обнаружены черепки с полосчатым (желобчатым) орнаментом, характерным для осиповской утвари Амура. В целом же в части орнамента древнейшей амурской и древнейшей дзёмонской керамики есть как общее, так и отличное. Емкости начального дзёмона декорированы значительно разнообразнее по сравнению с осиповскими. Объяснить это можно более ранним возрастом последней, а также значительно бóльшим количеством исследованного дзёмонского материала. Сравнительно недавно на севере Японии была выделена культура микосиба с архаичной керамикой. Культура определяется как предшественница начального дзёмона (переходного периода), в которой есть сходство с осиповской культурой.

О прямых или опосредованных контактах, родстве идеологии обитателей Японского архипелага, главным образом его северной части, и населения Нижнего

* Медведев В. Е. — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ (medvedev@archaeology.nsc.ru).

© Медведев В. Е., 2026

Приамурья можно довольно уверенно утверждать на основе существовавшего у них культа плодородия, включая фаллический. В среднем и позднем дзёмоне Японии известно много образцов материализованного проявления данного культа — отполированных каменных палок сэкибо длиной порой до 2 м. Один или оба конца изделий имеют форму головки фаллоса. Нижнеамурские предметы меньше своими размерами, но они типологически разнообразнее дзёмонских и изготовлялись не только из камня, но и глины (обжигались). Они округлого сечения с оформленной головкой или заострены с одного конца. Эти изделия фаллического культа в большом количестве выявлены в памятниках раннего, среднего и позднего неолита Амура. В них же известны связанные с культом плодородия многие женские терракотовые скульптурки, а в японском дзёмоне — разнообразные «догу». Есть и другие ископаемые реалии, свидетельствующие о сравнительно близких параллелях в развитии культур каменного века двух рассматриваемых регионов Северо-Восточной Азии.

«Гребенчатые» и «накольчатые» мотивы на усть-бельской керамике байкало-енисейской Сибири: разные культурные компоненты или вариации одной традиции?

И. М. Бердников, Н. Б. Соколова, И. В. Уланов*

Вопросы соотношения керамических комплексов с сосудами так называемых гребенчатой и накольчатой традиций декорирования на протяжении десятилетий не теряют своей актуальности в исследованиях неолитического гончарства Северной Евразии. Не вдаваясь в подробности полемики относительно природы этих явлений, которая до сих пор ведется российскими археологами, изучающими древние стоянки и поселения на широких просторах от берегов Балтики до Енисея, можно утверждать, что сложился определенный стереотип, подразумевающий, что они представляют собой независимые традиции и выступают, соответственно, культурно-значимыми признаками. Сравнительный анализ «гребенчатой» и «накольчатой» керамики нередко ложился в основу выделения археологических культур, разработок для моделей миграций и взаимодействия разных популяций охотников-собирателей на определенных территориях. Однако, как показывает практика исследований, в одних случаях такой подход вполне себя оправдывает, в других же становится препятствием для получения корректных представлений о культурной динамике в неолите, что, в свою очередь, приводит к продолжительным дискуссиям, безрезультативность которых, по нашему мнению, обусловлена алогичным характером самого сравнения и противопоставления понятий «гребенчатый» и «накольчатый» декор (орнамент).

В материалах стоянок и поселений Байкало-Енисейской Сибири также имеются сосуды с «гребенчатыми» и «накольчатыми» мотивами, и наиболее ярко выражены они в традициях усть-бельской керамики среднего неолита (~7–6 тыс. кал. л. н. — 5 тыс. до н. э.). Орнамент ее довольно разнообразен, хотя выделяются общие мотивы и принципы строения композиций орнамента. В комплексах данного этапа встречаются сосуды, украшенные при помощи инструментов, оставлявших следы различной морфологии — гребенчатые/зубчатые в нескольких вариациях (овальные, дугообразные, продолговатые или короткие прямые) и гладкие (аналогичных форм, а также округлые — так называемые ямки). Причем это разнообразие, по нашим наблюдениям, связано с широким использованием инструментов естественного происхождения.

Можно выделить две основные техники декорирования: наколы/штампы, нанесенные отдельно или с приемом отступания. При этом, несмотря на то, что отступающая техника чаще использовалась при украшении сосудов инструментами с гладким рабочим концом округлой или прямой формы (так называемая отступающая лопатка), зафиксировано достаточно случаев, когда таким же способом наносились и мотивы (линии), состоящие из гребенчатых элементов. То же самое относится и к технике «отдельно поставленных наколов / оттисков штампов», среди которых есть как гладкие, так и гребенчатые разных форм. То есть устоявшихся традиций

* Бердников И. М., Соколова Н. Б., Уланов И. В. — Иркутский государственный университет, Иркутск, РФ (geoarch.isu@gmail.com; snb-87@mail.ru; ussr-ilya@yandex.ru).

© Бердников И. М., Соколова Н. Б., Уланов И. В., 2026

использования той или иной техники в зависимости от формы рабочего конца инструмента не было.

Кроме того, можно отметить, что на некоторых сосудах наблюдается смешение техник декорирования, «гребенчатых» и «накольчатых» мотивов, как, например, в композициях, где группы линий «отступающих» гребенчатых элементов перемежаются рядами отдельно поставленных гладких наколов либо где венчики украшены узкими гребенчатыми оттисками, а тулово исключительно «отступающей лопаткой» или отдельными овальными/дугообразными вдавлениями. Несмотря на это, в комплексах местонахождений порой все же выделяются группы сосудов, которые могли быть декорированы только «гребенкой» (часто полностью) либо только «отступающей лопаткой» (в последнем случае, как указано, в сочетании с «гребенчатыми» мотивами в зоне венчика), но декоративное разнообразие ими не ограничивается, и до сих пор для данного типа керамики не удалось выделить черты, которые могли быть характерны только для конкретного объекта или района Байкало-Енисейской Сибири.

В комплексах многослойных местонахождений разнообразно декорированные сосуды зафиксированы в одних культуросодержащих горизонтах (например, Казачка 1, Деревня Мартынова, Усть-Белая). Данные планиграфии, как правило, не дают возможностей для более четкой их дифференциации, при этом сосуды не обнаруживают и других значимых вариаций (в особенностях сырья, составе формовочных масс, способах конструирования), которые соответствовали бы особенностям декора. О чем это говорит? Наиболее вероятным представляется объяснение, что мы фиксируем свидетельства посещения одних и тех же локаций в течение определенного периода (который мог исчисляться как годами, так и десятилетиями) малыми и, вероятно, высококомобильными группами — отдельными коллективами гончаров с общими культурными традициями, но с собственной манерой украшения сосудов, сформировавшейся в результате самоидентификации в контексте коллективной идентичности, что и привело в итоге к такой вариабельности декора. А «гребенчатые» и «накольчатые» мотивы в случае с усть-бельской керамикой не являются свидетельством существования в среднем неолите Байкало-Енисейской Сибири двух независимых традиций декорирования, а выступают компонентами единого изобразительного стиля, в том числе в смешанном виде.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект FZZE-2026-0005.

Культуроопределяющие признаки неолитических керамических комплексов лесостепного Поволжья

А. В. Сомов*

Проблема выделения культуроопределяющих признаков неолитических комплексов лесостепного Среднего Поволжья напрямую связана с общей задачей выявления и сопоставления неолитических культур Восточной Европы. Для данного макрорегиона этот вопрос приобретает особую сложность в связи с практически полным отсутствием надежно фиксируемых «этнокультурных» маркеров в широком смысле. В условиях дефицита гомогенных и стратифицированных комплексов рассматриваемой территории единственным относительно массовым и сопоставимым источником остается керамика, поэтому ключевые критерии культурной атрибуции приходится искать в морфологии, орнаментации и технико-технологических особенностях посуды.

На сопредельных территориях в неолитическое время фиксируются культуры с относительно однородными керамическими комплексами. К югу (степное Поволжье и Северный Прикаспий) доминируют накольчатая и накольчато-прочерченная традиции [Выборнов 2008]. К юго-западу, на поселении Ракушечный Яр, также преобладает накольчатая посуда, наряду с неорнаментированной [Мазуркевич, Долбунова 2012]. К северу, в камском регионе, широко распространена гребенчатая керамика [Лычагина 2020].

На этом фоне лесостепное Среднее Поволжье в развитом и позднем неолите демонстрирует иную картину: здесь существуют накольчатые и гребенчатые группы, при этом каждая из них имеет собственные векторы генезиса. Накольчатые традиции связаны с южными импульсами, тогда как гребенчатые восходят к северному направлению [Выборнов 2008: 209–211].

Сопоставимый и методически показательный материал дают неолитические культуры Южного и Среднего Зауралья, где прослеживаются динамика и переформление керамических традиций, сопровождающиеся сменой культурных обозначений. Ранний неолит связывается с кошкинской и козловской (накольчатой и прочерченно-накольчатой) традицией. Поздненеолитические комплексы представлены боборыкинской и полуденской традициями с гребенчатой посудой [Ковалева 1989].

В отличие от этой ситуации, для лесостепного Среднего Поволжья прослеживается иная картина. Здесь накольчатые и гребенчатые группы нельзя рассматривать как изолированные или последовательно сменяющие друг друга. Между ними фиксируется устойчивая преемственность, выявляемая на уровне технологии изготовления и морфологии сосудов. Совокупность радиоуглеродных дат указывает на период совместного бытования накольчатых и гребенчатых традиций, укладывающийся в конец VI — начало второй четверти V тыс. до н. э. [Андреев, Сомов 2020], что позволяет интерпретировать зафиксированные контакты как длительный и устойчивый процесс.

* Сомов А. В. — Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ (somov.anatoly@gmail.com).

© Сомов А. В., 2026

Особое значение имеет немногочисленная, но выразительная синкретическая накольчато-гребенчатая группа керамики. Ее наличие свидетельствует не о механическом смешении различных керамических традиций, а о единстве (единстве или преемственности) генетической связности и постепенной трансформации орнаментальных систем в рамках единого культурного пространства. Аналогичные модели смены и сосуществования орнаментальных традиций известны и в других регионах Восточной Европы, в частности на Среднем Дону [Сурков 2019] и Верхней Волге [Костылева 1994].

Для рассматриваемого региона фиксируется преемственность накольчатых и гребенчатых комплексов в рамках единого культурного образования. Имеющиеся материалы позволяют говорить о существовании особой лесостепной линии неолитического развития Волго-Донского региона. В этом контексте средневожская культура может рассматриваться как целостное образование, внутри которого разнообразие орнаментальных традиций отражает не культурную фрагментацию, а длительный процесс взаимодействия и внутренней трансформации.

Андреев, Сомов 2020 — *Андреев К. М., Сомов А. В.* Хронология средневожской культуры // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. Н. Д. Бурова, А. А. Выборнов, М. А. Кулькова. СПб.: ИИМК РАН, Российский гос. педагог. ун-т им. А. И. Герцена; Самара: Самарский гос. социально-педагог. ун-т; «Порто-принт», 2020. С. 11–12.

Выборнов 2008 — *Выборнов А. А.* Неолит Волго-Камья. Самара: Самарский гос. социально-педагог. ун-т, 2008. 490 с.

Ковалева 1989 — *Ковалева В. Т.* Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: издательство Уральского гос. ун-та, 1989. 82 с.

Костылева 1994 — *Костылева Е. Л.* Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник / отв. ред. И. Н. Черных, В. М. Воробьев, А. Н. Хохлов, М. А. Ефимов. Тверь: Тверской гос. объединенный музей, 1994. № 1. С. 53–57.

Лычагина 2020 — *Лычагина Е. Л.* Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: Пермский гос. гуманитарно-педагог. ун-т, 2020. 362 с.

Мазуркевич, Долбунова 2012 — *Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В.* Древнейшая глиняная посуда Восточной Европы: технология, морфология и орнаментация (по материалам 23–14 слоев поселения Ракушечный Яр) // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2012. Вып. 227. С. 286–295.

Сурков 2019 — *Сурков А. В.* Среднедонская неолитическая культура: проблемы выделения, хронологии и периодизации // Самарский научный вестник. 2019. № 2. С. 243–250.

Работа проведена по гранту РНФ № 23-78-10088.

Развитие керамики с гребенчато-накольчатым орнаментом в Юго-Восточной Беларуси в эпоху неолита

М. И. Ткачёва*

Регион Юго-Восточной Беларуси в административном плане включает восточную часть Могилевской и северо-восточную часть Гомельской области и расположен в лесной зоне Восточно-Европейской равнины. Основной водной артерией региона является река Сож (левобережный приток первого порядка реки Днепр), служившая основной магистралью движения древних сообществ в эпоху неолита, о чем свидетельствует богатство и разнообразие археологических комплексов памятников данной территории.

Исследование базируется на материалах восьми наиболее крупных и хорошо исследованных памятников Посожья: Рудня 1, Старый Дедин 4, Гронов 3 (ур. Курганье), Струмень 6 (ур. Лоша), Струмень 7 (ур. Нараг), Дубовый Лог 5 (ур. Титов Бугор), Дубовый Лог 8 (ур. Подлужье), Себровичи 1 (ур. Липов Брод) (раскопки И. И. Артеменко, Е. Г. Калечиц, А. В. Колосова).

Особенно информативной в понимании культурных и хронологических изменений прошлого является керамика. В неолите (середина VI тыс. — начало II тыс. до н. э.) рассматриваемая территория входила в зону распространения археологических культур с гребенчато-накольчатой керамикой (днепро-донецкой этнокультурной общности, далее ДДО), а именно верхнеднепровской неолитической культуры (ВК), выделенной И. М. Тюриной в 1967 г. [Тюрина 1967] и впоследствии подробно описанной Е. Г. Калечиц [Калечиц 1987]. И хотя в разные годы статус ВК оспаривался, все же на данный момент основания для выделения данной культуры имеются достаточно весомые. Большинство культуроопределяющих признаков ВК связано с особенностями керамического производства. К общим для ДДО признакам (поясок ямок под венчиком, значительное преобладание гребенчатого штампа среди других видов орнамента, остродонность горшков) глиняная посуда Юго-Восточной Беларуси за время своего существования приобрела и свойственные только ей черты (лапчатый орнамент, округлое и орнаментированное с двух сторон донце и др.). Эволюция керамического производства в разные периоды неолита проходила как под влиянием культур соседних территорий (в особенности культур ямочно-гребенчатой керамики (ЯГК) волго-окского междуречья через бассейн р. Десны), так и при участии представителей среднеднепровской культуры (круг культур шнуровой керамики). Взаимное появление гибридной посуды в среде среднеднепровских племен и ВК еще раз подтверждает последний тезис.

Находясь у восточной границы области ЯГК, именно племена ВК, среди других неолитических культур Беларуси, ощутили их влияние. Подобные процессы, скорее всего, происходили и в среде племен Северо-Восточной Украины, где появилась лисогубовская культура ДДО.

Выявленный на памятнике Рудня 1 глиняный сосуд с изображением водоплавающих птиц, выполненных гребенчатым штампом, также может косвенно

*Ткачёва М. И. — Институт истории НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь (tkachova.maryia@gmail.com).

© Ткачёва М. И., 2026

свидетельствовать о связи с ЯГК, так как в культурах гребенчато-накольчатой области подобные изображения не встречаются.

Кроме того, выявление керамики типа Струмель-Гастятин на памятниках Юго-Восточной Беларуси позволяет говорить о влиянии племен Северной Украины на раннем этапе неолита.

Калечиц 1987 — *Калечиц Е. Г.* Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Мн., 1987. 155 с.

Тюрина 1967 — *Тюрина И. М.* Верхнее Поднепровье в эпоху неолита: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Акад. наук СССР, Ин-т археологии. М., 1967. 14 с.

П. Н. Ятин*

Стоянка Коромка 9 расположена в 4 км на север от агрогородка Кистени Рогачевского района Гомельской области, на восточной стороне склона первой надпойменной террасы, переходящей в пойму правого берега р. Днепр. В 2025 г. автором и О. В. Вороненко был открыт новый памятник бронзового века. В ходе разведки в мае 2025 г. при обследовании правобережья Днепра был обнаружен недавно сделанный противопожарный ров, в ходе осмотра которого был собран археологический материал: кремневые орудия труда и лепная керамика. На месте наибольшей концентрации находок был разбит шурф площадью 24 м². Памятник получил название Коромка 9. В результате раскопок основным видом находок были различные кремневые изделия и отходы их производства. Вторыми по количеству артефактов были фрагменты лепных глиняных сосудов периода неолита — бронзового века, в количестве 131 фрагмента (рис. 1). Гребенчато-накольчатой керамики было найдено 38 фр. (29,01 % от общего количества фрагментов керамики), которые образуют четыре группы.

Первая группа (19 фр.) представляет собой лепную керамику с гребенчатым орнаментом, выполненным торцом палочки в елочном мотиве. В этой группе, к сожалению, отсутствуют венчики и донца, и она представлена стенками среднего размера — от 20 до 70 мм, средняя толщина стенок 5 мм. На внутренней и внешней стороне отсутствуют следы нагара. В формовочной массе присутствует дресва и шамот. Преобладающий цвет — темно-коричневый, у нескольких фрагментов — коричнево-оранжевый. По предварительным данным, керамика данной группы принадлежала трем-четырем сосудам, орнаментация которых покрывала всю поверхность. Подобный тип орнаментации встречается на большой территории Поднепровья. Ближайший пункт, где встречается подобная орнаментация, — это микрорегион Рогачев-Лучин, в частности на памятнике Борок Семиновский.

Вторая группа (8 фр.) керамики с круглоямочным орнаментом представлена стенками толщиной 7 мм. Имеет два разных состава теста. В первом составе наблюдается большое количество мелкой дресвы, темно-коричневый цвет и отсутствие следов нагара с внутренней стороны. Во второй группе в формовочной массе присутствует небольшое количество мелкой дресвы, но при этом есть растительные примеси, с внутренней стороны — следы нагара, цвет темно-коричневый. Фрагменты принадлежали двум разным сосудам, поверхности которых покрывались полностью орнаментом. Подобная керамика фиксируется на памятнике Узвалье (Завалье) и относится к последним этапам днепро-донецкой культуры.

Третья группа (6 фр.) включает в себя фрагменты керамики с зубчатым орнаментом, который формирует геометрические мотивы. Стенки толщиной 5 мм, в тесте наблюдается большое количество дресвы, растительные примеси. Цвет темно-коричневый, следы нагара отсутствуют. Фрагменты принадлежат одному горшку. Схожий материал выявлен на памятнике Василевичи 3А и относится к III этапу восточнополюсского варианта днепро-донецкой культуры.

* Ятин П. Н. — Государственное научное учреждение «Институт истории НАН Беларуси», Минск, Республика Беларусь (snorknoob@ya.ru).

© Ятин П. Н., 2026

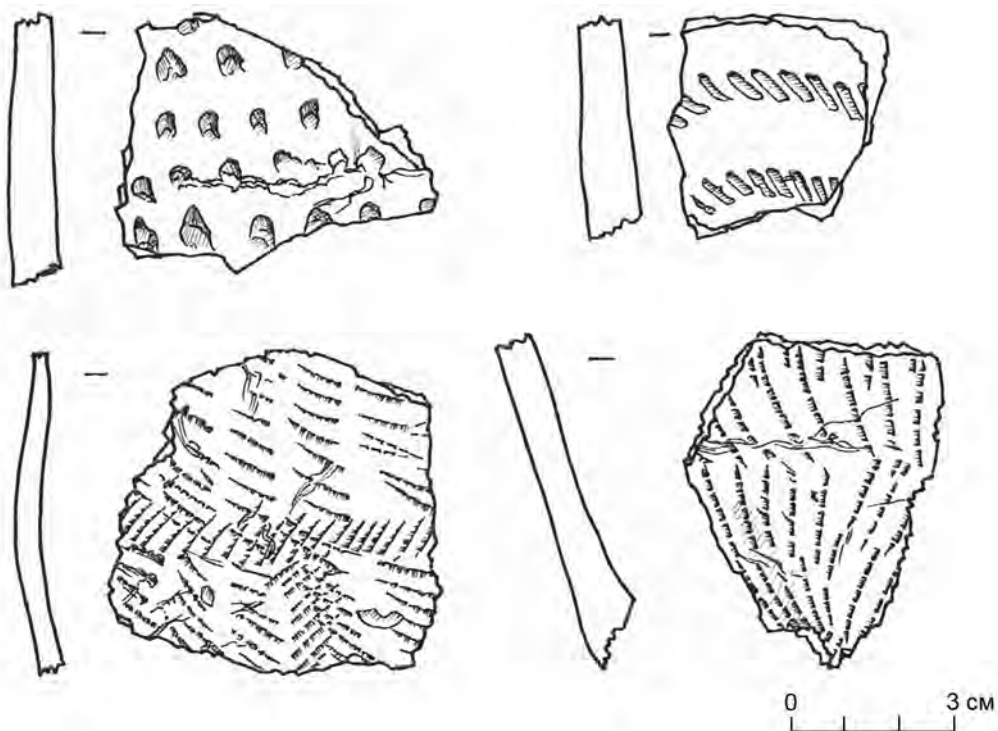

Рис. 1. Фрагменты керамики со стоянки Коромка 9. Рисунок Т. В. Зинченко

Четвертая группа (5 фр.) представляет собой керамику с косым гребенчатым орнаментом. Найденные фрагменты представляют собой стенки и придонные части толщиной 4 мм. Формовочная масса с большим количеством дресвы, следов нагара нет, цвет темно-коричневый. Орнамент покрывал всю поверхность сосуда. Все фрагменты принадлежат одному горшку. Схожая керамика присутствует на памятнике Прорва 4 (раскоп 1 1999 г.). По мнению И. Н. Езепенко, она относится к IV этапу днепро-донецкой культуры.

Таким образом, гребенчато-накольчатая керамика встречается повсеместно на территории Белорусского Поднепровья и является наиболее массовым видом керамики, характерным для последних этапов днепро-донецкой культуры.

III

Типы каменных артефактов

Проявления микроклиновидной техники в докерамическом неолите Юго-Восточной Турции и ее японские «анalogии»

А. В. Табарев*

В рамках Первого Всемирного неолитического конгресса, проходившего в ноябре 2024 г. в г. Шанлыурфа (Турция), автором была организована секция, посвященная особенностям технологии обработки камня на переходе от палеолита к неолиту (G19 — Reading the Stones, Tracing the Changes). В числе представленных докладов была и презентация З. Б. Агирсой (Университет Анкара) о каменной индустрии памятника Гре Филла в Северной Месопотамии, который относится к докерамическому неолиту А (PPNA). В одной из полуподземных структур (структура 8) с каменными стенами и перегородками в горизонтах 2–3 обнаружено большое количество артефактов из обсидиана и отходов их производства. Горизонты датируются временем 10 350–9600 кал. л. н. В числе примечательных находок — клиновидные микронуклеусы на отщепах и фрагменты отжимника с роговой рукоятью. Турецкая коллега акцентировала на них внимание и сравнила с нуклеусами типа *юбецу*, известными по памятникам палеолита на Японском архипелаге.

В ходе последующего диалога нами было уточнено, что микронуклеусы в большей степени соответствуют параметрам техники *тогесита* — подготовке микроядрищ на отщепе с полной (унифасиальной) или частичной обработкой дорсальной поверхности, снятия нескольких технических сколов для оформления фронта и площадки с последующей редукцией микронуклеуса в компактном ручном приспособлении из дерева или рога с помощью отжимника.

Отметим, что в отечественной археологии интерес к различным модификациям микроклиновидных нуклеусов в палеолите Японии обозначился уже в 1970-х гг., познавательные возможности были ограничены языковой спецификой, знакомством с материалами преимущественно на уровне пересказа в англоязычной литературе, но российские археологи успешно находили в сибирско-дальневосточном палеолите изделия, аналогичные *юбецу*, *хороко*, *осероко*, *ранкоси* и др. В 1980–1990-х гг. на фоне интенсификации научных контактов и прямого доступа к коллекциям ситуация существенно изменилась, варианты техник перестали выстраиваться в эволюционной цепочке, больше внимания уделялось локальным особенностям, сырью и экспериментальным данным. Тем не менее хронология появления и существования специфических техник сохраняет свою актуальность — в нашем случае *тогесита* является одной из наиболее поздних модификаций — на рубеже финального палеолита и изначального дзёмона (около 16 000 кал. л. н.). Примечательно, что и на сопредельных территориях Российского Дальнего Востока клиновидные микронуклеусы на унифазах также относятся к самому финалу палеолита и полностью исчезают в неолите.

Буквально на следующий день Конгресса во время посещения памятника с монументальной архитектурой Сефер-Тепе прямо у раскопа автор обнаружил микронуклеус на отщепе из кремнистого сланца и показал его соорганизатору сессии —

* Табарев А. В. — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ (olmes@yandex.ru).

© Табарев А. В., 2026

японскому специалисту Й. Каномата (Университет Тохоку), который однозначно идентифицировал его как *тогесита*.

Анализ литературы и комментарии турецких специалистов позволили уточнить, что данный вариант микронуклеусов отмечен на целом ряде памятников PPNA в юго-восточной части Турции (Бонкуклу Тарла и др.), зачастую эта техника сочетается как с коническими/микропризматическими модификациями, так и с пластинчатыми (Naviform cores), сохраняя при этом свои отличительные характеристики.

Данный сюжет представляется нам весьма интересным — речь, с одной стороны, не идет о «японско-турецких» палеолитических контактах, а о совпадении логики эффективного получения микропластинок, использовании сходных портативных устройств и высококачественных сортов камня и вулканического стекла. С другой стороны, налицо удобство и мобильность, комфортный перенос технологий. Иными словами, феномен докерамического неолита в Юго-Восточной Турции не только в монументальных комплексах, но и в интересных траекториях развития каменной индустрии, представляющих привлекательную перспективу для сравнительных исследований.

Общая характеристика кремневых индустрий финального палеолита — энеолита лесостепного Поволжья: «волновая траектория развития»

К. М. Андреев*

Финальный палеолит (XII (?) — середина IX (?) тыс. до н. э.) лесостепного Поволжья представлен комплексами двух стоянок Постников и Орлов Овраги. Оба памятника обладают высокой степенью близости кремневых индустрий, для которых характерно доминирование ударной техники получения заготовок (отщепов и осколков) при незначительной доле пластин, лишь небольшая часть из которых, возможно, получена отжимом. Нуклеусы одноплощадочные торцевые, реже подпризматические. Ведущими категориями орудий являются скребки (в основном концевые, с ретушью на три четверти и концебоковые), им количественно уступают резцы (преимущественно угловые, реже двойные, двугранные и ретушные), остальные типы орудий не образуют серий. По миниатюрному изделию со стоянки Орлов Овраг I с ретушью по двум торцам и выемкой на продольной грани — геометрический микролит (параллелограмм или трапеция) — определяется вектор связей региона с Нижним Прикамьем в данный период.

Эпоха мезолита (середина IX — начало VII тыс. до н. э.) на раннем этапе представлена комплексом Старотокской стоянки, для которого характерно абсолютное доминирование отжимной техники получения заготовок — пластин — с торцевых, призматических и конических нуклеусов, а также полное преобладание орудий, изготовленных на них, чей типологический набор весьма ограничен (концевые скребки, угловые и срединные резцы, единичные перфораторы и др.). Вектор связей лесостепного Поволжья меняется, и наиболее близкие аналогии прослеживаются в материалах романовско-ильмуурзинской культуры Южного Приуралья. Средний этап данного периода характеризуется как сохранением отмеченных выше тенденций (Чекалино II), так и появлением новаций в виде рубящих орудий с пришлифовкой, наконечников стрел с нерегулярной ретушью пера и насада (Кочкари I) и геометрических микролитов — асимметричные трапеции (Черновка I). Вероятный вектор связи первых — русско-луговская культура (лесное Среднее Поволжье), вторых — янгельская культура Южного Зауралья. Представленная картина остается неизменной вплоть до позднего мезолита (Красный Яр I, Лужки II), при этом наблюдается постепенное снижение индекса пластинчатости и относительное увеличение количества изделий на отщепах и сколах, хотя пластина, полученная отжимом, остается основной заготовкой для изготовления орудий.

Неолитический период (вторая половина VII — начало V тыс. до н. э.) на раннем этапе представлен комплексами елшанской культуры, керамика которой обнаруживает ближайшие аналогии в материалах кельтеминарской культуры Среднеазиатского междуречья, к сожалению, ее кремневая индустрия может быть охарактеризована лишь по коллекции одного памятника — Нижняя Орлянка II. Сырьем служил в основном цветной кремль низкого качества, нуклеусы преимущественно аморфные

* Андреев К. М. — Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ (konstantin_andreev_88@mail.ru).

© Андреев К. М., 2026

и торцевые, доминирующей заготовкой для изготовления орудий является отщеп или осколок, пластины единичны. Преобладают типологически разнородные скребки, так называемые ножи, многофасеточные и угловые резцевидные изделия на случайных заготовках, многочисленными становятся деревообрабатывающие (топоры и тесла), остальные категории орудий единичны. Кремневая индустрия развитого неолита (средневожская культура) может быть охарактеризована по «чистым» комплексам стоянок Калмыковка I и Нива I, а также типологически выделенной группе артефактов с Лужков II. Главным поделочным материалом остается цветной кремнь низкого качества, нуклеусы представлены аморфными и торцевыми экземплярами, абсолютно преобладает ударная техника расщепления, пластины единичны и имеют нерегулярную огранку. Основными категориями орудий остаются типологически разнообразные скребки, «ножи» саблевидной и прямолезвийной форм и деревообрабатывающие (появляются изделия с шлифовкой), немногочисленные перфораторы, окончательно деградирует техника резцового скола. Выразительной категорией находок становятся треугольно-черешковые, реже ромбические и подтреугольные наконечники, изготовленные в технике двусторонней оббивки. Обнаруженные на стоянке Лужки II четыре изделия на пластинах или пластинчатых отщепах — геометрические микролиты — трапеции со струганной спинкой, маркируют на этом этапе связь с орловской культурой, которая является источником заимствования накольчатой традиции орнаментации.

Ранний и средний энеолит (V тыс. до н. э.) представлен комплексами пришлых самарской и хвалынской культур. Опорными памятниками для характеристики их камнеобработки в первую очередь могут служить могильники — Съезженский, Хвалынский I и II, Екатериновский мыс, Хлопковский. Индустрия базируется на использовании кварцита и кремня (последний преобладает) и широком применении отжима наряду с ударом, причем распространение получает техника усиленного отжима, позволяющая получать крупные пластинчатые заготовки, однако наряду с ними встречаются миниатюрные пластинки-вкладыши. Доминирующим типом наконечников являются бифасиально обработанные треугольные с прямым или вогнутым основанием, в рамках самарской культуры широкое распространение получает традиция изготовления шлифованных рубящих орудий. Характеристика бытового инвентаря затруднена в связи с отсутствием «чистых» поселенческих комплексов данных культур, однако коллекции ряда стоянок, например Утюж I, свидетельствуют о преобладании пластинчатых заготовок для изготовления орудий (ножи, скребки, проколки и проч.). Рассмотрение кремневой индустрии позднего энеолита региона (конец V — первая половина IV тыс. до н. э.) на современном этапе изучения затруднено по причине смешанности большинства коллекций или неопределенности хронологической позиции части из них (например, Лебяжинка III).

Таким образом, для археологических эпох лесостепного Поволжья характерна «волновая траектория развития» кремневых индустрий, с наступлением нового периода происходит кардинальное изменение технологии расщепления (схематично ее можно выразить фавулой — «удар — отжим — удар — отжим») и, следовательно, орудийного набора. Конвергенция может быть прослежена лишь в рамках отдельных периодов (мезолит или неолит), но не выходит за их пределы. Данное обстоятельство, вероятно, характеризует специфику контактного региона — лесостепи, — в котором происходит периодическая смена традиций и их носителей. Допущения о «преемственности» или «непрерывности» в развитии каменных индустрий лесостепного Поволжья являются следствием недостаточной критики источника

и смешанности комплексов ряда памятников (Ильинка, Красный Городок), которые долгое время рассматривались в качестве гомогенных. Однако как показывают исследования стоянки Лужки II, присутствие в коллекции двух технологических традиций (отжимной и ударной) является результатом банального наложения разнокультурных и разновременных материалов, что подтверждается надежной серией УМС дат, в «чистых» комплексах мезолита и неолита подобные «гибриды» не встречаются.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-78-10088.

А. А. Выборнов, В. С. Мосин*

Наконечники с боковой выемкой распространяются на территории Среднеазиатского междуречья неравномерно, но представлены около 400 экз. в двух вариантах (хорезмийский и кызылкумский), что значительно превышает их количество на остальных территориях вместе взятых [Виноградов 1979]. Их обнаружение в комплексе с керамикой со струйчатым орнаментом на более северных памятниках стало основанием для миграционной гипотезы раннего неолита лесного Зауралья. Эта версия отражала состояние источниковой базы, и в дальнейшем были внесены определенные коррективы. Обнаружение подобных наконечников в поздненеолитических стоянках Предуралья [Матюшин 1975] и шапкульских Зауралья [Старков 1980] усложнило картину. Исходя из этого, специалисты делают вывод, что участие кельтеминарской в генезисе ряда северных культур в раннем неолите обусловило более поздние конвергентные явления [Виноградов 1981]. Последующие находки наконечников в шувакишских [Чаиркина 2005], липчинских [Храмцов 2023] и других культурных типов стоянках позволили относить данный тип изделия к энеолиту. В то же время в ранних (7100–6900 BP) гомогенных дарьсайских комплексах наконечники отсутствуют [Szymczak, Khudzhanazarov 2006]. Не являются они массовыми и на стоянках развитого этапа. Так, на стоянке Толстова их всего 2 экз. Что касается его хронологии, то даты от последней четверти V до начала III тыс. до н. э. [Виноградов 1981]. Хроноинтервал от последней четверти V и до первой четверти IV тыс. до н. э. присущ и энеолитическим культурам Зауралья, включая таежную полосу Западной Сибири [Чемякин и др. 2015]. Поэтому эти артефакты, по мнению специалистов, отражают не инфильтрацию населения, а контакты [Чаиркина 2005].

На промежуточной от Приаралья до Зауралья территории исследователи предполагают бытование немногочисленных кельтеминарских наконечников как в ранненеолитических, так и в более поздних комплексах и полагают, что это связано не с заимствованием, а с развитием местной технологической традиции [Шевнина, Логвин 2024]. Известны такие наконечники и в Предуралье. Их появление на стоянках позднего неолита — энеолита на р. Юрюзань, Средней Оке, Нижней Белой четко фиксирует (включая экземпляры из яшмы) зауральский вектор [Выборнов 2008]. Что касается Северного Прикаспия, то все 12 предметов не имеют культурной привязки. В гомогенных комплексах мезолита — энеолита они не найдены. На промежуточной территории Мангышлака такие формы связывают с позднеюжноклиньскими и хвалынскими (сибирскими) материалами [Астафьев 2014]. В южном пункте Джебел несколько наконечников приходятся на IV слой вместе с воротничковой керамикой и датой 6140 лет BP. В степном Поволжье один наконечник связан с керамикой прикаспийско-хвалынского типа [Юдин 2012]. В лесостепном Поволжье наконечники кельтеминарского типа известны на стоянках Захар-Калма, II Чесноковская, Красный Яр VII и сопряжены с материалами позднего неолита — энеолита. В южной части Среднего Прикамья (Непряха VI, Зверев) эти артефакты, как и на Муллино

* Выборнов А. А. — Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ (vybornov_kin@mail.ru). Мосин В. С. — Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, РФ (mvs54@mail.ru).

© Выборнов А. А., Мосин В. С., 2026

и Русском Азибее в Икско-Бельском междуречье, обнаружены вместе с воротничковой или борской посудой, а на стоянке Утуж в Среднем Посурье — с хвалынской.

Таким образом, современный уровень изучения кельтеминарских наконечников на территории от Зауралья до Волги представляет весьма мозаичную картину, которая по времени охватывает как поздний неолит, так и ранний энеолит, а в плане механизмов их распространения фиксируются разные варианты.

- Астафьев 2014 — *Астафьев А. Е.* Неолит и энеолит полуострова Мангышлак. Астана: Филиал ИА им. А. Х. Маргулана, 2014. 360 с.
- Виноградов 1979 — *Виноградов А. В.* О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа // *Этнография и археология Средней Азии.* М.: Наука, 1979. С. 3–10.
- Виноградов 1981 — *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 174 с.
- Выборнов 2008 — *Выборнов А. А.* Неолит Волго-Камья. Самара: ПГСГА, 2008. 490 с.
- Матюшин 1975 — *Матюшин Г. Н.* О наконечниках кельтеминарского типа на Урале // *Памятники древнейшей истории Евразии.* М.: Наука, 1975. С. 143–151.
- Старков 1980 — *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 218 с.
- Храмцов 2023 — *Храмцов М. В.* Каменный инвентарь Липчинского поселения в Нижнем Притоболье // *Археология Евразийских степей.* 2023. № 1. С. 170–181.
- Чаиркина 2005 — *Чаиркина Н. М.* Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: Институт истории и археологии Уральского отд. РАН, 2005. 313 с.
- Чемякин и др. 2015 — *Чемякин Ю. П., Погодин А. А., Клементьева Т. Ю.* Кельтеминарские наконечники стрел на Урале и в Зауралье // *Археология Западной Сибири и Алтая.* Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2015. С. 188–194.
- Шевнина, Логвин 2024 — *Шевнина И. В., Логвин А. В.* Неолит Торгая. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2024. 336 с.
- Юдин 2012 — *Юдин А. И.* Поселение Кумыска и энеолит степного Заволжья. Саратов: Научная книга, 2012. 212 с.
- Szymczak, Khudzhazarov 2006 — *Szymczak K., Khudzhazarov M.* Exploring the neolithic of the Kyzyl-Kums. Warsaw: Warsaw university, 2006. 252 p.

В. С. Мосиным исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования», рег. номер 124032100052-6.

Каменная индустрия ранненеолитических памятников с гребенчатой керамикой в лесной полосе Волго-Камья

Е. Л. Лычагина*

Во второй половине VI тыс. до н. э. на обширных просторах лесной зоны европейской части России появляются памятники с керамикой, в орнаментации которой присутствует гребенчатый штамп. Их появлению в ряде регионов предшествуют памятники со слабо-/неорнаментированной и накольчатой керамикой. В то же время стоянки, относящиеся к позднему мезолиту, также могут доживать до VI тыс. до н. э. и являться непосредственной подосновой для появления первых памятников с гребенчатой керамикой.

В связи с этим особый интерес вызывает каменный инвентарь наиболее ранних памятников с гребенчатой керамикой в регионе.

Анализ материалов стоянок, расположенных в Прикамье, Камско-Вятском междуречье и на Европейском Северо-Востоке, показывает наличие различных техник обработки камня, присущих данной эпохе.

В частности, на ряде памятников продолжается использование в качестве заготовок для изготовления орудий пластин правильных форм, количество орудий на пластинах превышает количество орудий на отщепах, встречаются резцы на углу сломанной пластины, пластины с краевой дорсальной ретушью [Гусенцова 1993: 94].

В то же время появляются новые способы обработки камня и новое сырье, а ведущей заготовкой на большинстве памятников становятся отщепы. В качестве сырья начинает широко использоваться плитчатый кремь серого и коричневого цветов, который применяется для изготовления ножей при помощи двусторонней ретушировки лезвия. Появляются орудия, сделанные при помощи двусторонней оббивки. Но самой характерной чертой данных комплексов является появление наконечников стрел и ножей, изготовленных при помощи бифасиальной техники, но без вторичного утончения и использования тепловой обработки. Еще одной характерной чертой становится систематическое применение техники шлифования для изготовления в первую очередь орудий для работы по дереву (топоров, тесел, долот, стамесок). В качестве основных форм орудий выступают скребки на отщепах, ножи (различных форм на разных заготовках), долотовидные орудия, наконечники стрел листовидной и ромбовидной формы. Практически на каждом памятнике встречаются орудия из некремневых пород — отбойники, шлифовальные плиты, абразивы, грузила [Карманов 2020: 77–79; Лычагина и др. 2024: 190–191].

Схожая ситуация наблюдается и на западной границе региона в руднянской культуре (Днепро-Двинское междуречье), для орнаментации посуды которой применялся, наряду с наколами и ямками, тонкий изогнутый гребенчатый штамп (фаза «d»). В частности, для нее характерно использование отщепов, размером до 3 см, в качестве основной заготовки орудий, широкое распространение краевой крутой и полукрутой ретуши при создании скребков, ножей, острий, бифасиальной

* Лычагина Е. Л. — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ (LychaginaE@mail.ru).

© Лычагина Е. Л., 2026

обработки при изготовлении наконечников стрел, серийность шлифованных орудий [Долбунова и др. 2023: 13].

На наш взгляд, распространение двусторонней оббивки, бифасиальной обработки, техники шлифования носит стадийный характер и может рассматриваться в качестве характерных технологий неолита лесной полосы в целом («магистральный путь»). Их формирование как единого «технологического пакета» происходит на рубеже раннего и развитого неолита во второй половине VI — начале V тыс. до н. э. Сохранение на ряде памятников высокого уровня пластинчатости, серийности применения техники резцового скола можно рассматривать в качестве своеобразного пережитка предшествующей эпохи либо как частный случай, особенность отдельных культурных групп.

Гусенцова 1993 — *Гусенцова Т. М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1993. 240 с.

Долбунова и др. 2023 — *Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н., Мэгро Й., Филиппова В. Л.* Днепро-Двинское междуречье в конце 6 тыс. до н. э. и ранние керамические традиции циркумбалтийского региона // *Поволжская археология*. 2023. № 1 (43). С. 8–26.

Карманов 2020 — *Карманов В. Н.* Камская неолитическая культура на Северо-Востоке Европы // *Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки*. 2020. Т. 2, № 3. С. 70–83.

Лычагина и др. 2024 — *Лычагина Е. Л., Батуева Н. С., Демаков Д. А.* Памятники камской неолитической культуры в Северном Прикамье // *Археология евразийских степей*. 2024. № 4. С. 184–194.

Работа проведена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>.

Культурные вариации в мезолите и раннем неолите Волго-Окского междуречья (по результатам изучения каменных индустрий)

Н. А. Цветкова*

В мезолите и в раннем неолите на территории Верхневолжского региона обитали носители традиций разных археологических культур. В литературе упоминаются волго-окская мезолитическая культура (М. В. Воеводский, А. А. Формозов), валдайская (Н. Н. Гурина), бутовская, иеневская (Л. В. Кольцов), култинская, пургасовская, заднепильевская, рессетинская (А. Н. Сорокин), замостьинская мезолитическая культурная традиция (В. М. Лозовский), подольская (Г. В. Синицына), акуловская традиция (В. В. Сидоров), верхневолжская (Д. А. Крайнов), волго-окская раннеолитическая (Ю. Б. Цетлин).

Все они были обособлены как самостоятельные историко-культурные единицы согласно принципам: 1) характеристика техники расщепления; 2) облик основной заготовки (отщеп — пластина); 3) особенности вторичной обработки; 4) специфические черты каменной индустрии, в первую очередь охотничье вооружение. В раннем неолите археологические культуры выделены по керамическим комплексам с учетом специфики сопутствующих им орудий (камень, кость).

Каменный инвентарь некоторых из этих культур кардинально различается по всем этим параметрам. Ярким примером являются индустрии бутовской, иеневской, волго-окской раннеолитической и верхневолжской культур. Материалы же валдайской, култинской, пургасовской, заднепильевской, рессетинской культур и замостьинской мезолитической традиции по технике расщепления, по типу заготовки, по типам орудий имеют довольно много сходных черт. Каменные индустрии этих культур различаются только по специфическим типам орудий, как, например, наколочки стрел.

Встает вопрос о том, действительно ли индустрии вышеперечисленных культур со сходным набором типов орудий и неотличимых друг от друга по иным признакам стоит относить к разным археологическим культурам. Возможно, что это эклектические комплексы, которые стоит и/или нужно интерпретировать как результат контактов древних охотников — рыболовов — собирателей. Окончательно однозначного ответа на него не появится в первую очередь в силу специфики источниковой базы, поскольку подавляющая часть стоянок мезолита и раннего неолита на Верхней Волге — это палимпсесты, содержащие разновременные и разнокультурные находки, без возможности выделения в них «чистых» культурно-хронологических комплексов.

Сходство каменного инвентаря в индустриях этого времени может также объясняться тем, что носители традиций разных культур обитали на одной территории в сходных природных условиях и придерживались схожих стратегий жизнеобеспечения (охота, рыболовство, собирательство). Вероятно, поэтому типы орудий, использовавшиеся для повседневных, «рутинных», стандартных операций разными группами населения, не требовали какой-либо специфики производства. Орудия

* Цветкова Н. А. — ООО «Экспедиция», Липецк, РФ (n-tsvetkova@yandex.ru).

© Цветкова Н. А., 2026

изготавливались по схожим технологиям, которые не менялись на протяжении долгого времени.

Некоторую ясность по этому вопросу может внести оценка технико-типологического облика каменной индустрии каждой отдельно взятой культуры. Благодаря ей становится понятно, имеем ли мы дело со смешанными или с «чистыми» комплексами. Ранее при выделении археологических культур мезолита — раннего неолита Волго-Окского междуречья этот критерий не учитывался.

Оценка характера каменных индустрий (пластинчатая; отщеповая; пластинчато-отщеповая; отщепово-пластинчатая) стандартно опирается на процентные показатели орудий, изготовленных из пластин и из отщепов. Определение того или иного типа индустрии основывается на результатах подсчетов соотношения процента орудий, изготовленных на пластинах и на отщепах. Обязательно учитываются: 1) количество пластин и отщепов относительно общего числа находок в каждой конкретной индустрии в рамках принадлежности к археологической культуре; 2) наличие нуклеусов для производства пластин/микропластин, отщепов / пластинчатых отщепов по отношению к сопутствующему им дебитажу. По совокупности этих данных определяется характер индустрии. Пластинчатой/отщеповой можно считать индустрию, в которой орудия на пластинах/отщепах составляют от 50 % внутри каждой отдельной категории орудий и прослеживается контекст намеренного производства заготовок определенного типа.

По имеющимся на сегодня данным, к пластинчатым индустриям в мезолите и в раннем неолите Волго-Окского междуречья достоверно относятся каменный инвентарь бутовской культуры и волго-окской ранненеолической, а к отщеповым — индустрии иеневской и верхневолжской культур. Для них известны непереотложенные комплексы. Вопрос о правомерности выделения остальных вышеупомянутых историко-культурных единиц остается пока дискуссионным.

Функциональная дифференциация и технологическое единство сланцевых наконечников стрел и копий в неолитических комплексах Нижней Оби

Д. С. Тупахин*

Сланцевые наконечники оружия — одна из ключевых категорий каменного инвентаря археологических комплексов Нижней Оби. Их изучение позволяет реконструировать не только охотничьи практики, но и технологические стратегии древнего населения, показывающие высокую степень адаптивности к местному сырью, особенность которой заключается в дефиците изотропных пород. Особый интерес представляет сочетание функционального разнообразия орудийных форм при технологической унификации обработки в разных археологических культурах. Материалы, иллюстрирующие представленные в нашей работе положения, относятся к периоду IV–III тыс. до н. э., охватывая основные этапы неолита — энеолита на территории Нижнего Приобья.

При сохраняющейся проблеме культурогенеза севера Западной Сибири наиболее важным маркером отдельных археологических комплексов остается керамический компонент, демонстрирующий высокую степень оригинальности орнаментальных приемов в рамках отдельных культурно-типологических единиц региона. Каменная индустрия комплексов, напротив, демонстрирует высокую степень сходства как в выборе сырья, представленного в большей степени кварцем и сланцем, так и в последовательности технологических приемов обработки минерального сырья. В качестве примера такого сходства мы обратимся к материалам поселений Йоркутинское 1 и Горный Самотнел 1. На первом комплексе каменный охотничий инвентарь представлен сланцевыми наконечниками копий ромбовидной, иволистной и треугольных форм, ромбовидного либо линзовидного сечения, без выраженного насада. Наконечники стрел представлены иволиственными формами, они также не имеют выраженного черешкового насада. На поселении Горный Самотнел 1 фактически не встречены наконечники копий либо их фрагменты, но в большом количестве представлены наконечники стрел иволистной формы, линзовидные в сечении. Технология изготовления наконечников вместе с тем схожа и фиксируется как по заготовкам с незавершенной обработкой, так и по готовым формам. Различие в соотношении наконечников стрел и копий в данных коллекциях обусловлено, на наш взгляд, различными хозяйственными моделями, практикуемыми древним населением региона.

На стадии оформления заготовки плитки глинистого сланца раскальвались вдоль плоскости наслоения, целью этого этапа было получение пластин, толщина заготовки определялась толщиной будущего изделия с учетом дальнейшей обработки. На стадии формообразования пластины при помощи пикетажа, краевой двусторонней уплощающей ретуши и пиления получали предварительный профиль вытянутой овальной формы, на этом же этапе формировалось общее сечение будущего орудия, утолщенное в центральной части и сходящееся к кромкам.

* Тупахин Д. С. — Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского, Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ, РФ (dantupahin@gmail.com).

© Тупахин Д. С., 2026

На следующем этапе заготовки путем абразивной обработки 6 плоскостей (четыре плоскости формировали режущие кромки, две — насад изделия) получали итоговую форму. На стадии финальной обработки орудие полировалось, затачивались режущие кромки. Подобная технология изготовления сланцевых наконечников типична для севера Евразии в целом, а экспериментальные работы показывают высокую степень эффективности технологии.

Таким образом, независимо от функции орудия и его размера, большинство наконечников демонстрирует сходную морфологию: листовидный контур и линзовидное сечение профиля, уплощенный насад. Эти черты устойчиво воспроизводятся во всех рассмотренных нами комплексах, что указывает на наличие очень схожей технологии в различных археологических культурах региона.

На наш взгляд, единая технология для сланцевых наконечников в неолите Нижней Оби обусловлена не столько культурной трансляцией, сколько рациональным использованием физико-механических свойств сланца: его слоистость, анизотропность и податливость для абразивной обработки диктуют оптимальную последовательность операций.

В. Н. Карманов, А. С. Макаров*

К настоящему времени свидетельства применения тепловой обработки пород для их подготовки к расщеплению выявлены на памятниках Северной Америки [Schindler et al. 1982]; Европы, в частности Франции [Bordes 1969; Collins 1973], Германии [Eriksen 1997; Agam et al. 2023], Польши [Domanski, Webb 1992; Domanski et al. 2009], России [Васильева, Суворов 2005а; 2005б; Гиря 1997: 55; Карманов 2018; 2019], Болгарии [Gurova et al. 2020]; на Ближнем Востоке [Delage, Sunseri 2004; Yegorov et al. 2020]; в Южной Африке [Brown et al. 2009] и Австралии с Океанией [Flenniken, White 1983].

Наиболее древние проявления тепловой обработки камня обнаружены в среднекаменном веке Африки, около 180 тыс. л. н. [Brown et al. 2009: 859], а в Европе выявлены признаки намеренного нагрева пород поздними неандертальцами 60–45 тыс. л. н. [Agam et al. 2023]. На североамериканском континенте этот прием был распространен среди палеоиндейских культур 11 500–8000 л. н. и даже среди индейских племен [Hester 1972], а в Австралии и Океании его использовали доисторические аборигены [Flenniken, White 1983]. В модельном регионе нашего исследования — крайнем северо-востоке Европы признаки термической обработки кремня выявлены на памятниках среднего неолита — раннего железного века и сопряжены с бифасиальными индустриями [Карманов, Макаров 2024].

Широта географии и хронологии тепловой обработки кремнистых пород указывает, что этот технологический прием в глобальном измерении возникал и развивался конвергентно. Однако до сих пор не определены истоки, география и хронология этой традиции в Северной Евразии, и поэтому вероятные механизмы ее распространения в этом макрорегионе пока не установлены.

Васильева, Суворов 2005а — *Васильева Н. Б., Суворов А. В.* Применение тепловой подготовки кремня к расщеплению на стоянках каменного века Вологодской области (по материалам мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья и энеолитического поселения Павшино-2) // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное историческое процесса: материалы науч. конф. (Вологда, 5–6 февраля 2004 г.). Вологда: Вологодский институт права и экономики, 2005а. С. 26–32.

Васильева, Суворов 2005б — *Васильева Н. Б., Суворов А. В.* Применение тепловой подготовки кремня к расщеплению (по материалам энеолитического поселения Павшино 2 на реке Юг) // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы междунар. семинара (Сыктывкар, 30 мая — 4 июня 2005 г.). Сыктывкар: Геопринт, 2005б. С. 37–39.

Гиря 1997 — *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменный индустрий. Методика микромакроанализа древних орудий труда. СПб., 1997. Ч. 2. 198 с. (Археологические изыскания. Вып. 44).

Карманов 2018 — *Карманов В. Н.* Тепловая обработка кремня в неолите Крайнего Северо-Востока Европы // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Том 14. № 3. С. 22–42. doi: 10.21285/2415-8739-2018-3-22-42.

* Карманов В. Н., Макаров А. С. — Институт языка, литературы и истории ФИЦ КомиНЦ УрО РАН, Сыктывкар, Республика Коми, РФ (vkarman@bk.ru; makarov_as@bk.ru).

© Карманов В. Н., Макаров А. С., 2026

- Карманов 2019 — *Карманов В. Н.* Тепловая обработка кремня на Крайнем Северо-Востоке Европы в энеолите // *Известия лаборатории древних технологий.* 2019. № 3. С. 28–45. doi: 10.21285/2415-8739-2019-3-28-46.
- Карманов, Макаров 2024 — *Карманов В. Н., Макаров А. С.* Тепловая обработка кремнистых пород как культурная адаптация (по материалам Крайнего Северо-Востока Европы) // VI Северный археологический конгресс. Материалы докладов. 8–11 октября 2024. Сургут. Екатеринбург, 2024. С. 102–104.
- Agam et al. 2023 — *Agam A., Hattermann M., Pinkas I., Richter J., Uthmeier T.* Heat Treatment of Flint at the Late Neanderthal Site Sesselfelsgrötte (Germany) // *Quaternary.* 2023. № 6 (52). <https://doi.org/10.3390/quat6040052>.
- Bordes 1969 — *Bordes F.* Traitement thermique du silex au Solutrén // *Comptes Rendus des séances mensuelles de la Société Préhistorique Française.* 1969. No. 7. P. 197.
- Brown et al. 2009 — *Brown K. S., Marean C. W., Herries A. I. R., Jacobs Z., Tribolo C., Braun D., Roberts D. L., Meyer M. C., Bernatchez J.* Fire as an engineering tool of early modern humans // *Science.* 2009. No. 325. P. 859–862.
- Collins 1973 — *Collins M. B.* Observations on thermal treatment of chert in the Solutrean of Laugerie Haute, France // *Proceedings of the Prehistoric Society.* 1973. No. 39. P. 461–466.
- Delage, Sunseri 2004 — *Delage C., Sunseri J.* Lithic Heat Treatment in the Late Epipaleolithic of Southern Levant: Critical Review of the Evidence // *Lithic technology.* 2004. Vol. 29. No. 2. P. 161–173.
- Domanski et al. 2009 — *Domanski M., Webb J., Glaisher R., Gurba J., Libera J., Zakoscielna A.* Heat treatment of Polish flints // *Journal of Archaeological Science.* 2009. No. 36. P. 1400–1408.
- Domanski, Webb 1992 — *Domanski M., Webb J. A.* Effect of Heat Treatment on Siliceous Rocks Used in Prehistoric Lithic Technology // *Journal of Archaeological Sciences.* 1992. No. 19. P. 601–614.
- Eriksen 1997 — *Eriksen B. V.* Implications of thermal pre-treatment of chert in the German Mesolithic // *Man and Flint: proceedings of the VII International Flint Symposium Warszawa Ostrowiec Swietokrzyski (September, 1995).* Warsaw, 1997. P. 325–329.
- Flenniken, White 1983 — *Flenniken J. J., White J. P.* Heat treatment of siliceous rocks and its implications for Australian Prehistory // *Australian Aboriginal Studies.* 1983. No. 1. P. 43–48.
- Gurova et al. 2020 — *Gurova M., Andreeva P., Nikolov A., Barbov B., Kostadinova-Avramova M.* Heat alterations of flint artefacts: archaeological evidence, experiments and analyses // *Bulgarian e-Journal of Archaeology.* 2020. Vol. 10.1. P. 111–141.
- Hester 1972 — *Hester T. R.* Ethnographic evidence for the thermal alteration of siliceous stone // *Tebwa.* 1972. No. 15. P. 63–65.
- Schindler et al. 1982 — *Schindler D. L., Hatch J. W., Hay C. A., Bradt R. C.* Aboriginal thermal alteration of a Central Pennsylvania jasper: analytical and behavioural implications // *American Antiquity.* 1982. No. 47. P. 526–544.
- Yegorov et al. 2020 — *Yegorov D., Mardera O., Khalailyb H., Milevskib I., Rosen S. A.* Heat treated or not heat treated: Archaeological and experimental interpretation of flint assemblage from the Middle Pre-Pottery Neolithic B site of Yiftahel // *Journal of Archaeological Science: Reports.* 2020. Vol. 29. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.102090>.

Исследование проведено при поддержке РНФ «Тепловая обработка кремнистых пород: экспериментальные исследования» (проект № 25-28-02713).

Каменные наконечники энеолитических культур Волго-Камья: сходства и различия как критерии конвергенции и культурного заимствования

А. А. Можаяева*

Энеолитические культуры Волго-Камского региона формируются в пределах лесной зоны Северо-Восточной Европы и охватывают бассейны Верхней и Средней Камы, Вятки, Вычегды и Печоры. В Прикамье локализуются гаринская и борская культуры, в Камско-Вятском междуречье — юртиковская, на территории европейского Северо-Востока — чойновтинская культура. Несмотря на различия в локализации и сырьевых базах, каменный инвентарь этих культур демонстрирует заметную близость, особенно в категории наконечников стрел.

Сходство между наконечниками различных культур региона, прежде всего, проявляется на уровне базовых морфологических и технологических элементов. Для всех указанных культур характерны бесчерешковые наконечники листовидных и производных форм, изготовленные в рамках бифасиальной обработки. Совпадают пропорции изделий, общая симметрия, ориентация на вторичное утончение заготовок. Эти признаки имеют выраженную функциональную обусловленность и широко распространены в энеолитических индустриях сопредельных территорий, что позволяет интерпретировать их как результат конвергентного развития, а не прямого культурного заимствования.

Различия между культурами проявляются не в общем облике наконечников, а в устойчивых сочетаниях морфотехнологических признаков, формирующих локальные традиции. Так, для гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья характерна высокая доля наконечников с вогнутым и усеченным основанием и развитие пятиугольных форм. В борской культуре (Чусовское Прикамье) доминируют широкие листовидные наконечники с округлым или приостренным основанием, а сама индустрия сохраняет ряд неолитоидных черт. Юртиковская культура Камско-Вятского междуречья демонстрирует преобладание изделий с округлым и приостренным основанием при отсутствии устойчивых серий наконечников с вогнутой базой. Чойновтинская (гаринская) культура европейского Северо-Востока характеризуется вариативностью форм при сохранении листовидной основы и развитой бифасиальной технологии.

О культурных заимствованиях корректно говорить в тех случаях, когда в составе индустрии фиксируются не отдельные универсальные формы, а «комплекс взаимосвязанных признаков», нехарактерных для данной традиции. Заимствуется не сама идея формы листовидного наконечника, а специфическая комбинация параметров: способ формирования базы изделия, степень стандартизации и повторяемости формы, а также последовательность приемов вторичной обработки. Появление таких комплексов признаков носит дискретный характер, не имеет локальной эволюционной предыстории и не приводит к перестройке всей типологической системы.

* Можаяева А. А. — Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ (aleksakokr@mail.ru).

© Можаяева А. А., 2026

Аналогичным образом следует рассматривать распространение технологии вторичного бифасиального утончения. Хотя отдельные приемы двусторонней обработки известны еще в неолите, устойчивое и массовое применение бифасиальной технологии в энеолите предполагает передачу специализированных знаний и навыков. Сходство технологических цепочек, этапов утончения и приемов доводки изделий в разных культурах Волго-Камья указывает на процессы культурного взаимодействия, передачу знаний, формирование умений и навыков (процесс перенимания опыта и усвоения традиций бифасиального расщепления), а не на независимое множественное (параллельное) изобретение.

Таким образом, сходство каменных наконечников энеолита Волго-Камского региона обусловлено сочетанием двух процессов. Конвергенция формирует общий морфологический и технологический облик каменных индустрий, тогда как заимствование проявляется в передаче устойчивых комплексов морфотехнологических признаков и самой традиции бифасиального производства. Это отражает сложный характер культурных процессов энеолита, в которых локальные традиции развиваются в условиях постоянного межрегионального взаимодействия.

Наконечники стрел кундской культуры:

конвергенция или заимствование?

(По материалам стоянок Коромка 4 и 5 в Верхнем Поднепровье)

О. В. Вороненко*

В настоящее время отсутствует единое мнение относительно генезиса кундской культуры. Ряд исследователей считают ее предком свидерской культуры, а остальные не связывают со свидером. Целью данного исследования является сравнение наиболее информативных в плане культууроопределения артефактов — наконечников стрел со стоянок Коромка 4 и 5 (Белорусское Поднепровье), относящихся к кундской и свидерской культурам.

Стоянки Коромка 4 и 5 открыты автором в 2024 г. Памятники расположены в 4 км на север от агрогородка Кистени Рогачевского района Гомельской области, на второй надпойменной террасе правого берега р. Днепр, на высоте 12–14 м от межени уровня воды в реке (рис. 1: I). Стоянки локализируются на расстоянии от 200 до 380 м от современной береговой линии Днепра. Стоянки разделены высохшим ручьем, который в древности являлся небольшой речкой, впадающей в Днепр, шириной от 10 до 18 м и глубиной до 3 м.

На территории стоянок Коромка 4 и 5 автором в 2024–2025 гг. производились сборы подъемного материала, в результате чего на территории стоянки Коромка 4 была получена коллекция кремневого инвентаря в количестве 1635 экз., из которых изделий с вторичной обработкой и следами использования насчитывается 309 экз. (18,9 % от общего количества). Коллекция кремневого инвентаря стоянки Коромка 5 насчитывает 1605 экз., из которых изделий с вторичной обработкой и следами использования 288 экз. (17,94 % от общего количества).

По данным планиграфии на стоянке Коромке 4 было зафиксировано три скопления кремня (одно свидерской и два кундской культур), на Коромке 5 отмечено также три скопления (одно свидерской и два кундской культур).

В коллекции стоянки Коромка 4 всего было найдено 23 наконечника стрел, из которых 6 экз. фиксируются в скоплениях кундской культуры Б (шесть наконечников) и В (восемь наконечников) и 6 экз. в скоплении А свидерской культуры. В коллекции Коромки 5 насчитывается 17 наконечников, из которых по 4 экз. были найдены в скоплениях Б и В и семь наконечников в скоплении А свидерской культуры.

Наконечники кундской культуры изготавливались из средних отжимных пластин с ровным профилем. Черешок выделялся крутой ретушью со спинки и/или брюшка. В большинстве случаев черешок подправлялся плоской ретушью с брюшка. Перо обрабатывалось со спинки крутой ретушью, редко противоположащей, и/или с брюшка плоской. Средний индекс массивности наконечников составляет 1:7,2 (рис. 1: III).

Наконечники свидерской культуры изготавливались из удлинённых ударных пластин со слегка изогнутым профилем. На некоторых наконечниках имеются негативы от встречного скалывания с двухплощадочных нуклеусов, которые неизвестны в кундской культуре. Черешки в большинстве выделялись полукрутой и реже

* Вороненко О. В. — Институт истории НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь (voronenko111@yandex.ru).

© Вороненко О. В., 2026

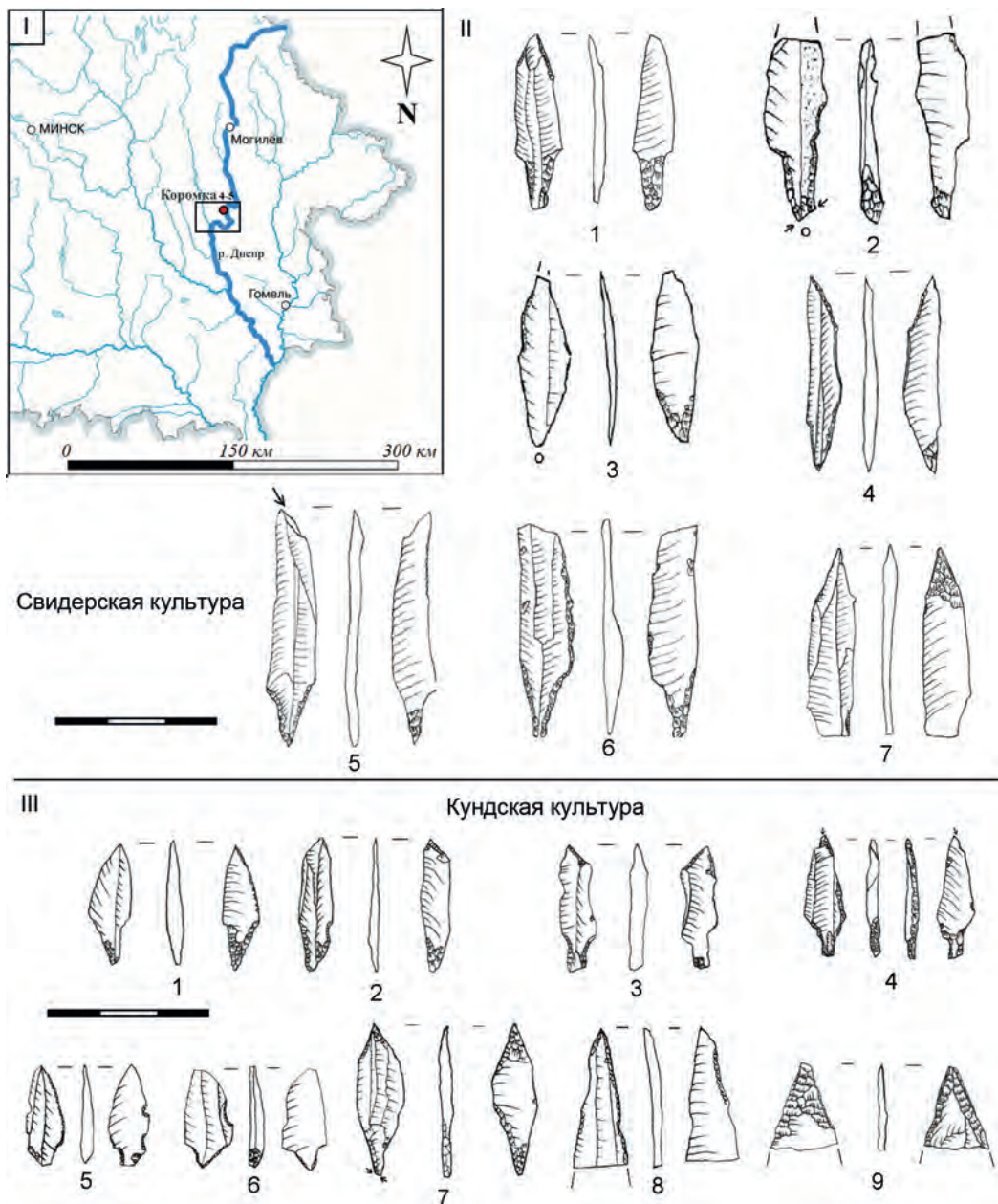

Рис. 1. I — локализация стоянок Коромка 4 и 5 на карте Центральной и Восточной Беларуси; II — наконечники стрел свидерской культуры со стоянок Коромка 4 и 5; III — наконечники стрел кундской культуры со стоянок Коромка 4 и 5

крутой ретушью со спинки и брюшка, подправлялись плоской с брюшка. Перо подрабатывалось крутой ретушью со спинки и/или брюшка, иногда резцовым сколом. Средний индекс массивности наконечников составляет 1:11,1 (рис. 1: II).

Таким образом, проведенный технико-морфологический и типологический анализ наконечников стрел кундской и свидерской культур со стоянок Коромка 4 и 5

показал, что единственным общим признаком является использование плоской ре-туши с брюшка при оформлении черешка. Все остальные признаки, такие как вид заготовки, морфология, приемы вторичной обработки и средний показатель индекса массивности, позволяют заключить, что рассматриваемые предметы охотничьего вооружения кундской и свидерской культур изготовлены в различных культурных традициях.

Исследования проводились в рамках Государственной программы Республики Беларусь «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма 12.1 «История» на 2021–2025 гг.

Некоторые особенности комплекса каменных орудий раннего неолита Марийского Поволжья

А. С. Кудашов*

В раннем неолите лесной зоны Средней Волги развиваются позднемезолитические навыки обработки камня, а также появляются некоторые новые. Используя местную сырьевую базу (серого, вишневого, коричневого цвета кремнь), пришлые коллективы — носители керамики, оказывают влияние на изменение орудийного комплекса памятников.

Изготовление орудий происходило в рамках стоянок и поселений. Это подтверждается высоким процентом отходов производства (до 93 %) и наличием желвачной корки на каменных артефактах (до 18 %). Нуклеусы часто сработанные, аморфной, призматической, торцевой формы. Среди самой массовой категории орудий — скребков — в новом каменном веке основными видами являются концевые и стрельчатые. Заготовкой преимущественно является отщеп, а также пластина и скол. Многие скребки обработаны краевой ретушью с дорсальной и вентральной стороны. Заметной чертой видится наличие скребков высоких форм (на массивных высоких отщепах и сколах) или «мысовидных». Подобные изделия отмечаются и в более раннюю эпоху. В то время как распространение стрельчатых скребков — отчетливая черта раннеолитической эпохи региона.

В раннем неолите Марийского региона, кроме прямо- и овальнолезвийных (иногда саблевидных) ножей, представлены ножи клиновидной формы. Данные изделия выполнялись на кремне, заготовкой выступал скол, пластина, а также крупный плоский отщеп. Характерная для ножа обработка ретушью по двум сходящимся граням могла наноситься не только по спинке, но и по брюшку. Интересно, что в мезолитических комплексах распространения такого рода предметов нет, а категория ножей включает в себя прямую или овальную форму изделия с ретушью, в основном по дорсальной стороне.

Если в мезолитических комплексах массово выделяются срединные резцы, то в более позднюю эпоху мы наблюдаем подавляющее преимущество резцов на углу пластины и симметричных острий [Никитин 2011]. В раннеолитическое время не найдены типичные для мезолита скошенные острия [Никитин 2018: 130, 131]. Данное орудие является еще одним предметом, от которого население отказывается.

Стоит отметить, что основными видами наконечников на неолитических памятниках являются треугольно-черешковые и иволистные, также встречаются листовидные, изготовленные на отщепах, реже пластинах. Ретушь краевая, реже сплошная, встречается как по дорсальной, так и по вентральной стороне. Важно, что в раннем неолите не фиксируются больших размеров наконечники, как это отмечается на позднемезолитических памятниках.

Из явно привнесенных предметов исследователи выделяют трапециевидное тесло с линзовидным сечением. Разнообразие деревообрабатывающих орудий в мезолите (до 6 % от орудий памятника), в том числе со следами шлифования, отразилось

* Кудашов А. С. — Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ (aleksandr.kudashov@gmail.com).

© Кудашов А. С., 2026

и позже (до 3 %). Стоит добавить, что в неолите увеличивается число тесел с выемкой или долот. Также выделяются утюжки для шлифовки костяных и деревянных предметов.

В лесостепном Поволжье, куда корнями уходят керамические традиции мигрировавшего в лесную зону населения, есть ряд схожих с интересующим регионом черт каменной индустрии. Это и отщепо-пластинчатая техника, выделение среди нуклеусов аморфных, призматических и единичных торцевых нуклеусов. Сопоставимы концевые скребки (в меньшей степени стрельчатые), прямолезвийные, овальнолезвийные и саблевиные ножи, а также резцы на углу пластины. Стоит добавить и наличие в обоих регионах черешковых и листовидных наконечников. Ретушь наносилась чаще всего краевая как только на дорсальной стороне, так и по спинке и брюшку.

Таким образом, ранненеолитические племена развивали целый ряд навыков работы с камнем и привнесли несколько новшеств. Кроме того, от нескольких видов орудий население отказалось.

Никитин 2011 — *Никитин В. В.* Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

Никитин 2018 — *Никитин В. В.* Мезолит Марийского Полесья. Йошкар-Ола: Изд-во Марийский НИИЯЛИ, 2018. 264 с.

Типы каменных артефактов мезолита Устюрта и проблема культурных взаимодействий

Б. Д. Мадреймов*

Важнейшее событие в жизни первобытного населения Средней Азии в эпоху мезолита заключалось в том, что охотник перешел от копья, метательного дротика и пращи к луку и стрелам. Лук стал самым грозным и эффективным оружием каменного века. Его изобретение означало значительный шаг вперед в практическом познании законов природы и резкий прогрессивный сдвиг во всей примитивной технике каменного века. С изобретением лука, несомненно, связано уникальное, не имеющее параллелей в истории первобытной культуры распространение геометрических микролитов.

Мезолитические памятники Устюрта распространены в пределах замкнутых урочищ, солончаков, песчаных массивов, впадин и на берегу руслообразных понижений. Обнаружено более 30 стоянок, давших богатый материал, характеризующий эпоху мезолита Устюрта (см. табл. 1). Это Айдабол-2; 4; 6; 7; 9; 14; 15; 16; 20; 21; 22; 23; 25; Актайлак 1, скопления 1, 4–5; Кыйсык-Шынгырау-2, ск. 1; Актобе-1; ск. 1; Актобе-2; Чурук-2; ск. 1; 3; 3 ск 2; 10–11; Косхатын; Дахлы; Сай-Утес; Кутесем-4; Сулама [Бижанов 1981; Виноградов 1981].

Таблица. Основные мезолитические памятники Устюртского плато

№	Памятник	Примерное расположение	Описание по материалам
1	Айдабол-2	Юго-запад Устюрта	Содержит микролитовидные изделия, асимметричные трапеции
2	Айдабол-6	Южные равнины плато	Поздний мезолит, симметричные трапеции
3	Айдабол-9	Южная часть плато	Серия стоянок, пластинчатая техника
4	Айдабол-14	Южная часть Устюрта	Развитой мезолит, асимметричные трапеции
5	Айдабол-20	Равнины Устюрта	Конец мезолита / ранний неолит
6	Актайлак-1 (скопл. 1, 4–5)	Впадина/урочище	Серия комплексов, разнообразие типов орудий
7	Чурук-2 (скопл. 1, 2)	Западная часть плато	Поздний мезолит, появляются наконечники стрел
8	Косхатын-2	Восточная часть плато	Ранний неолит / конец мезолита, крупные симметричные трапеции
9	Сулама	Равнина Устюрта	Развитой мезолит, пластинчатая техника

Для мезолита Устюрта характерна пластинчатая техника расщепления с большой долей микролитовидных элементов. Основными заготовками служили средние пластины, микропластинки и их сечения. В редких случаях использовались крупные широкие пластины и отщепы [Бижанов 1982].

При вторичной обработке применялась притупляющая ретушь, нанесенная по одному или двум краям изделия, в том числе по верхнему скошенному или прямому концу. Часто использовалась противоположащая ретушь. Заостряющая ретушь,

* Мадреймов Б. Д. — Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, Нукус, Каракалпакстан, Республика Узбекистан (bmadreymov@inbox.ru).

© Мадреймов Б. Д., 2026

оформляющая орудия с двух сторон, а также техника резцового скола наблюдаются на единичных изделиях.

Набор типов орудий включает крупные симметричные и асимметричные трапеции высоких и удлинённых пропорций с одним вогнутым и другим выпуклым боковым краем. Некоторые экземпляры имеют притупляющую ретушь по трем сторонам. Типичны пластинки с притупленной спинкой, скошенным или прямым ретушированным верхним краем, а также концевые скребки на коротких сечениях крупных пластин, в том числе двойные. Единичные скребки изготовлены на целых пластинах с ретушью на продольных краях. Незначительную часть составляют скребки на отщепах [Бижанов 1996].

Особо показательны срединные резцы и резцы на углу сломанной пластины; острия со специально выделенным концом и микроострия, а также «карандашевидные» изделия. Встречаются подконические нуклеусы с круговым скалыванием. Единично встречаются двусторонне обработанные наконечники стрел миндалевидной и листовидной формы со сплошной краевой ретушью, а также украшения из раковин [Виноградов 1981].

Периодизация и хронология мезолитических памятников Устьярта являются чрезвычайно сложной проблемой. Решение ее затрудняется главным образом отсутствием единой хронологической шкалы, необходимой для выяснения исторических процессов, происходивших в эту эпоху на территории Устьярта и в сопредельных регионах. Построение исторической стратиграфии мезолита осложняется также трудностями выбора надежного временного масштаба, поскольку в условиях аридного климата здесь отсутствуют многослойные памятники.

Мезолитические памятники располагаются преимущественно на возвышенных формах рельефа, на краях больших впадин и на склонах отдельных террас верхнехвалынской трансгрессии. Стоянки неолитического периода распространены ниже по гипсометрии [Бижанов 1982].

Однако в большинстве случаев мы вынуждены отдавать предпочтение технико-морфологическим и типологическим сопоставительным методам при определении датировки памятников, поскольку на стоянках Устьярта встречаются не единичные орудия, а значительные их серии, расположенные на ограниченной территории. Такая концентрация памятников, как мы считаем, создает благоприятные условия для хронологической периодизации памятников Устьярта. За основу периодизации взяты геометрические формы, в частности тип трапеций, в сочетании с другими орудиями комплексов [Коробкова 1977].

Хронологическая последовательность асимметричных и симметричных трапеций, отчетливо прослеживаемая в памятниках Средней Азии, Южного Урала и Ближнего Востока, в какой-то степени характерна и для мезолита и неолита Устьярта, что позволяет выделить несколько хронологических групп [Бижанов 1982].

Мезолитическая культура Устьярта формировалась под влиянием Прикаспия и Южного Урала. Появление трапеций янгельского типа объясняется миграцией населения из района Прикаспия [Бижанов 1981]. Гнездовое расположение однотипных памятников позволяет предположить, что мезолитическое общество состояло из охотничьих групп или общин с примитивной социальной структурой, определяемой экономическими и социальными факторами.

Прямых данных о хозяйстве мезолитических групп Устьярта нет, однако топография, набор орудий и облик индустрии указывают на охоту как основной вид деятельности. Различия между финальным мезолитом и ранним неолитом слабо выражены, что делает рубеж условным.

Анализ количества и состава каменного инвентаря, найденного на стоянках Устюрта в мезонеолите, позволил выделить две группы памятников [Виноградов 1981; Бижанов 1983]. Первая — *сезонные долговременные поселения*, которые характеризуются значительным количеством орудий и производственных остатков и предназначены для длительного пребывания, вероятно, в сезон охоты или рыболовства. Вторая — *промежуточные, кратковременные стоянки* с меньшим объемом каменного инвентаря, которые использовались в качестве временных привалов или для кратковременной охотничьей деятельности.

Такое деление отражает адаптацию мезонеолитических общин к экологическим условиям Устюрта и указывает на наличие у них дифференцированной сезонной хозяйственной стратегии.

Строго говоря, имеющиеся материалы не предоставляют прямой информации о типе хозяйства мезолитических обитателей региона. Тем не менее по таким признакам, как топография памятников, комплекс орудий и общий облик каменной индустрии некоторых стоянок, они хорошо коррелируют с широкой группой мезолитических памятников степной зоны, оставленных племенами, для которых охота была основным видом хозяйственной деятельности. Следует подчеркнуть, что рубеж между мезолитом и неолитом для голоценовых памятников Устюрта носит в известной мере условный характер. Материалы стоянок, относимых к финальному мезолиту, с одной стороны, и к раннему неолиту, с другой, не демонстрируют заметных различий, что подтверждается отсутствием существенных изменений в хозяйственной практике их обитателей.

Сопоставление показывает, что Устюртский мезолит занимает промежуточное положение между северными микролитическими и южными геометрическими технокомплексами. Для раннего этапа (VIII–VII тыс. до н. э.) характерно преобладание асимметричных трапеций и микропластин, типичных для Южного Урала и Восточного Прикаспия. Поздние комплексы (VII–VI тыс. до н. э.) демонстрируют усиление симметричных форм и появление двусторонней обработки, что сближает их с ранне-неолитическими культурами Туркмении и Хорасана.

Таким образом, мезолитическая культура Устюрта представляет собой важное звено в цепи культурных связей между Прикаспием, Южным Уралом и Центральной Азией, отражая постепенный переход от охотничье-собираТЕЛЬСКИХ сообществ к раннеземледельческим традициям.

Бижанов 1981 — *Бижанов Е. Б.* Изучение памятников каменного века на Устюрте в 1980 г. // Вестник КФАН УзССР. 1981. № 4. С. 59–63.

Бижанов 1982 — *Бижанов Е. Б.* Мезолитические и неолитические памятники Северо-Западного Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1 / отв. ред. В. Н. Ягодин. Ташкент: Изд-во ФАН, 1982. С. 14–38.

Бижанов 1983 — *Бижанов Е. Б.* Палеолитические местонахождения впадины Шахпакты на Устюрте // Вестник КФАН УзССР. 1983. № 2. С. 86–89.

Бижанов 1996 — *Бижанов Е. Б.* Каменный век Устюрта: Автореф. на соис. уч. степ. д. и. н. Ташкент, 1996. 23 с.

Виноградов 1981 — *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 173 с.

Коробкова 1977 — *Коробкова Г. Ф.* Мезолит Средней Азии и его особенности // Краткие сообщения Института археологии РАН. 1977. № 149. С. 108–114.

О генетической основе технологии расщепления камня донецкой мезонеолитической культуры

А. В. Колесник*

Базовой культурой поздних этапов каменного века среднего течения Северского Донца является донецкая культура, развитие которой затронуло мезолит и неолит. Культура была выделена А. Я. Брюсовым [1952] и представлена значительным количеством стоянок на дюнах в пойме Северского Донца. По мнению большинства исследователей, на обоих этапах своего развития донецкая культура испытывала влияние северо-западных и юго-восточных культурных импульсов. Донецкая мезолитическая культура относилась А. А. Формозовым к южнорусской микролитической зоне [Формозов 1977], Д. Я. Телегин включал ее в состав Донецко-Припятской микромакролитической зоны, которую он противопоставлял Причерноморско-Каспийской микролитической зоне [Телегин, Титова 1998]. Культура развивалась на протяжении двух этапов [Горелик 1984]. Донецкая неолитическая культура, по Д. Я. Телегину, вошла в состав днепро-донецкой культурно-исторической общности. Каменная индустрия основана на отжимных пластинах средних и мелких размеров, отщепах, набор орудий включает микролиты (яниславицкие острия, различные трапеции) и макролиты (топоры-резак).

В мезолитическое время в развитии донецкой культуры хорошо прослеживается сохранение единой технологической базы получения пластин на основе так называемых нуклеусов донецкого типа. Эта специфическая технология первичного расщепления прямо вырастает из технологии получения пластин методом торцового скалывания с нуклеусов из плоских отщепов. В бассейне Северского Донца метод торцового скалывания пластин с нуклеусов из массивных первичных отщепов хорошо документирован материалами граветтоидной мастерской Висла Балка у с. Сидорово Славянского муниципального округа ДНР. Метод представлен нуклеусами на разных стадиях подготовки и утилизации, складнями, технологическим и целевыми продуктами расщепления. Та же самая технология представлена в мезолитическом комплексе С-2 стоянки Черкасское в Северо-Западном Донбассе [Колесник, Весельский 2005: 93–122]. В позднем мезолите региона происходит усложнение технологии расщепления торцовых нуклеусов из массивных отщепов за счет скалывания клиновидного тыла и перехода к отжиму пластин с призматического нуклеуса.

В регионе эта технология достигает своего расцвета на неолитическом этапе развития культуры. Заготовки нуклеусов донецкого типа в виде конвергентного скребла с ретушированной перемышкой массово производились на мастерских в Северо-Западном Донбассе, что прослеживается, к примеру, в Краснянском горно-кремнеобработывающем комплексе [Колесник и др. 2023: 150–153], а также на многих поселениях в долине Северского Донца.

Таким образом, очевидно сохранение местной граветтоидной основы в технологии расщепления камня у значительной группы населения среднего течения Северского Донца.

* Колесник А. В. — Донецкий государственный университет, Донецк, ДНР, РФ; Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ (akolesnik2007@mail.ru).

© Колесник А. В., 2026

- Брюсов 1952 — *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 263 с.
- Горелик 1984 — *Горелик А. Ф.* Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. К.: Наукова думка, 1984. С. 4–23.
- Колесник, Весельский 2005 — *Колесник А. В., Весельский А. П.* Черкасское — комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца // Археологический альманах. Донецк, 2005. № 17. 166 с.
- Колесник и др. 2023 — *Колесник А. В., Дегерменджи С. М., Манько Н. В.* Краснянский горно-кремнеобрабатывающий комплекс неолита-энеолита в Северо-Западном Донбассе. Донецк; М.: Перо, 2023. 197 с.
- Телегин, Титова 1998 — *Телегин Д. Я., Титова Е. Н.* Поселения Днепро-Донецкой этнокультурной общности эпоха неолита: свод археологических источников. Киев: Наукова думка, 1998. 142 с.
- Формозов 1977 — *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1977. 143 с.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (№ FRRE-2026-0023).

Особенности редукции нуклеусов донецкого типа в мезонеолитическую эпоху

Н. В. Манько*

Одной из отличительных особенностей технологии первичного расщепления камня на мезонеолитических памятниках, расположенных в районе среднего течения Северского Донца, является получение пластин малого и среднего размера на основе нуклеусов донецкого типа — одноплощадочных торцовых заготовок на массивных плоских отщепах с ретушированной перемышкой и односторонне ретушированными, конвергентно сходящимися в основании или субпараллельными ребрами. В процессе утилизации уже готового нуклеуса происходит постепенное снятие сформированной системы ребер на его фронтальной поверхности путем постепенного нанесения краевых или торцовых сколов, однако данная операция происходила, как правило, за пределами кремнеобрабатывающих мастерских уже непосредственно на самих поселениях [Колесник и др. 2023: 153]. Итогом процесса расщепления является трансформация нуклеусов до карандашевидной формы с постепенным уменьшением их пропорций в несколько раз. Непосредственное снятие пластин с получавшихся нуклеусов происходило, вероятно, с использованием отжимника или посредника.

Первоначально данные изделия интерпретировались как своеобразные «резцы-струги», однако также высказывалось предположение об их назначении в качестве отдельного типа нуклеусов [Выборный 1987]. В дальнейшем данная идея получила подтверждение на основе коллекции артефактов из Краматорской неолитической мастерской [Колесник и др. 1993: 14]. Первая детальная схема редукции нуклеусов донецкого типа, а также их параметрические критерии были предложены и обоснованы Ю. Г. Ковалем и А. Ф. Гореликом по материалам ряда памятников позднего каменного века на территории Северо-Западного Донбасса [Коваль, Горелик 2008].

В рамках настоящей публикации была проанализирована серия из 42 нуклеусов донецкого типа, обнаруженных на кремнеобрабатывающих мастерских в Северо-Западном и Южном Донбассе (Красное, Белая Гора 12, Выдылыха, Широкое и пр.), что позволило получить следующие данные. Так, у большинства рассматриваемых экземпляров наблюдается соотношение толщины к ширине в пропорции 1:2 (реже 1:3), что подтверждает тезис предыдущих исследований [Коваль, Горелик 2008: 270]. Их длина варьируется в диапазоне от 5 до 10 см и не влияет на вышеупомянутое соотношение, а в некоторых случаях длина и вовсе практически равна ширине. В свою очередь, соотношение толщины к ширине у редуцированных карандашевидных нуклеусов нередко имеет пропорцию 1:1, что обусловлено их формой, на что указывают находки из Орехово-Донецкого 3, Ольховой V и некоторых других поселений Подонцовья.

Отметим также, что подсчет коэффициента сечения нуклеусов донецкого типа не дал удобоваримых результатов, так как в отличие от многих категорий бифасов, у данной категории изделий не удалось выделить устойчивых числовых значений для ее идентификации. В рамках полученного весьма широкого диапазона в 34–96 %

* Манько Н. В. — Донецкий государственный университет, Донецк, ДНР, РФ (nikita_manko98@mail.ru).

© Манько Н. В., 2026

можно лишь зафиксировать соотношение размеров для каждого определенного экземпляра с учетом его стадии редуцированности.

Таким образом, нуклеусы донецкого типа являются специфической категорией изделий, связанных с определенными технологическими приемами первичного расщепления кремня и которые можно детально охарактеризовать при помощи определенных параметрических критериев. Вместе с тем для более детального анализа и получения более однозначных результатов необходимо расширение выборки рассматриваемых артефактов.

Выборный 1987 — *Выборный В. Ю.* Об одном специфическом кремневом изделии мезонеолитических памятников в Донбассе // Тезисы докладов областного научно-практического семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе»: Тез. докл. областного науч.-практ. семинара 23–24 апреля 1987 г. Донецк: [б. и.], 1987. С. 25–26.

Коваль, Горелик 2008 — *Коваль Ю. Г., Горелик А. Ф.* Резцы, струги или нуклеусы? К вопросу о назначении одного из специфических изделий в индустриях каменного века Донбасса // Археологический альманах. № 19. Донецк, 2008. С. 263–274.

Колесник и др. 1993 — *Колесник А. В., Коваль Ю. Г., Дегерменджи С. М.* Краматорская неолитическая мастерская // Археологический альманах. № 2. Донецк, 1993. С. 13–22.

Колесник и др. 2023 — *Колесник А. В., Дегерменджи С. М., Манько Н. В.* Краснянский горно-кремнеобрабатывающий комплекс неолита-энеолита в Северо-Западном Донбассе. Донецк, М.: Перо, 2023. 197 с.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (№ FRRE-2026-0023).

П. Г. Клименко*

Археологический памятник — стоянка Зимовская — расположен в Фроловском районе Волгоградской области, в пойменной части левого берега Дона, в устье балки Паника.

Впервые памятник был обнаружен краеведом из г. Фролово Е. Н. Хюппененом в 2014 г. В 2020 г. поставлен на охрану и изучен археологом А. В. Ситниковым [Ситников 2021]. В 2021 г. автором на территории памятника был заложен один шурф, для выявления культурного слоя и определения стратиграфии памятника. В шурфе были найдены 20 кремневых артефактов, залегающие от дневной поверхности до глубины в 40 см. Все предметы фиксировались в слое серо-коричневой гумусированной супеси, подверженной аллювиально-делювиальным процессам, культурный материал вероятно переотложен. Других следов бытования человека и артефактов не обнаружено, поэтому наличие культурного слоя остается открытым. Возле границ памятника «стоянка Зимовская» были проведены шурфовочные работы для определения границ памятника, так как установленные границы А. В. Ситниковым определялись по подъемному материалу. Культурный материал в шурфах отсутствовал. Стратиграфически памятник сложен элювиально-делювиальными четвертичными образованиями, состоящими из нескольких перекрывающих слоев. Верхний слой светло-коричневого гумусированного песка, подверженный выветриванию, перекрывает аллювиальные горизонты.

По зачисткам и шурфам на памятнике была получена следующая последовательность слоев:

- 1) серо-коричневый гумусированный песок — современная почва, подверженная выветриванию;
- 2) коричневая гумусированная супесь — аллювиальные образования;
- 3) серо-желтый песок, частично ожелезненный;
- 4) серо-желтый суглинок с образованием карбонатов (белоглазка), относится к материнской породе для современных почв, связанных с голоценом;
- 5) светло-желтый песок.

Подъемный материал находится на выветриваемых участках памятника и участках, разрушаемых в результате антропогенного воздействия. Находки концентрируются ближе к берегу ерика, на разрушаемом участке площадью около 100 кв. м. На остальной площади памятника фиксируются единичные находки [Клименко 2022].

Собранный подъемный археологический материал составил, не считая находок из шурфа, 209 изделий из кремня и кварцита. Остальные 980 предметов относятся к сколам и отщепам первичного и вторичного расщепления, а также осколкам и обломкам.

Наиболее многочисленные группы орудий — скребки и скребла (рис. 1: 9–14), которые в свою очередь делятся на подтипы: скребла простые (5), скребла боковые (6), скребки концевые (38). Остальные орудия представлены: бифасами (2), орудиями

* Клименко П. Г. — ООО «Нижеволжское археологическое общество», Волгоград, РФ (serbia_1914@mail.ru).

© Клименко П. Г., 2026

с выемками (11), зубчато-выемчатыми орудиями (5), долотовидным орудием, лимасом, фрагментом двустороннего наконечника. Коллекция микропластин (рис. 1: 1–8) представлена фрагментами и целыми предметами общим количеством 38 экз., среди которых две пластины с альтернативной ретушью. Нуклевидные изделия представлены в большом количестве. Это в разной степени отработанные нуклеусы и их фрагменты.

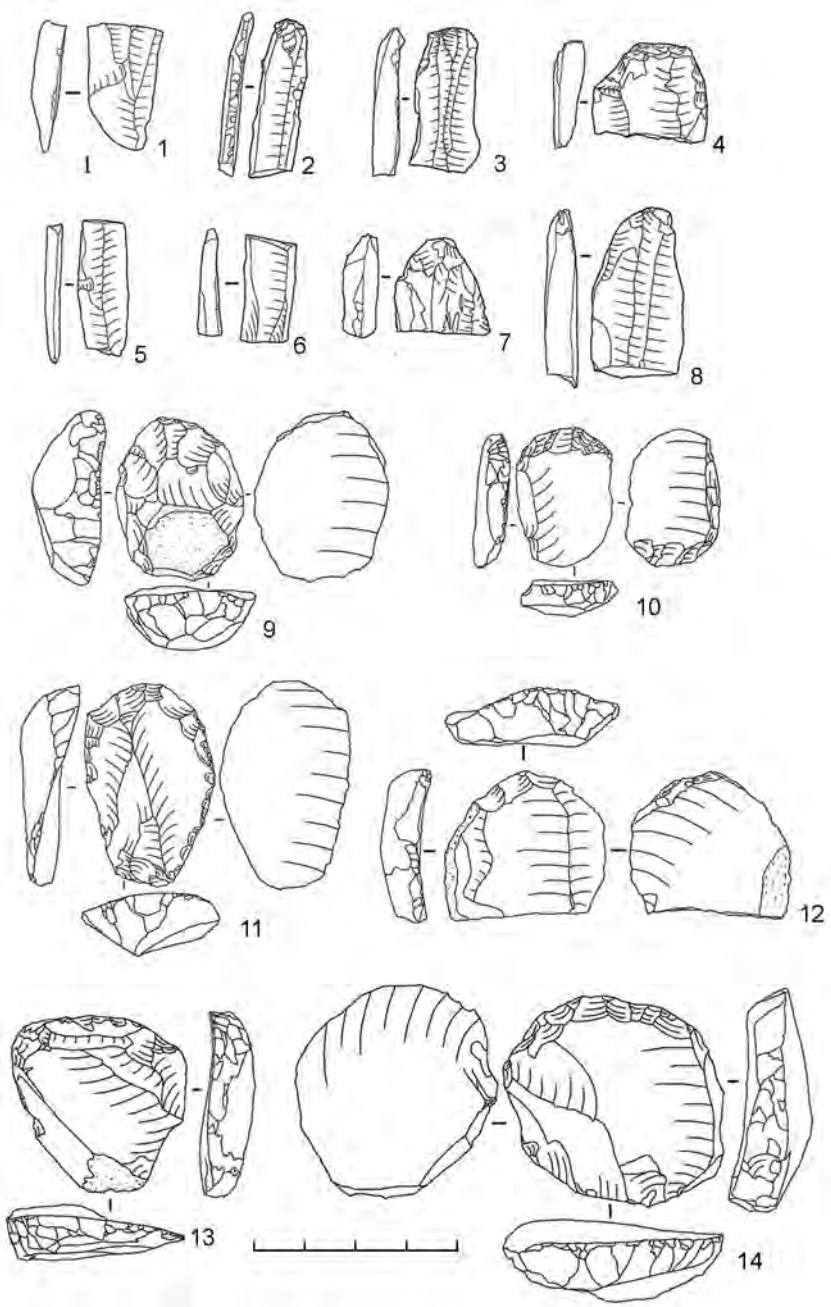

Рис. 1. Фрагменты микропластин (1–8), скребки (9, 10) и скребла (11–14) со стоянки Зимовская

Важными для определения временных границ существования стоянки в первую очередь являются нуклеидные изделия, пластинчатые и микропластинчатые изделия, наличие фрагмента двусторонне обработанного наконечника, использование при подготовке нуклеуса к расщеплению приема ликвидации карниза, характерного для поздних периодов каменного века. По этим признакам можно культурно-хронологически охарактеризовать памятник, отнеся его к более позднему периоду — эпохам мезолита — неолита. Вышеизложенные признаки являются общими для всего периода, и невозможно отнести их к какому-либо конкретному периоду или определенной культуре.

Кремневое сырье, используемое на стоянке, представляет собой хорошо окатанные галечные конкреции с плотной известковой коркой, полупрозрачной, без трещиноватостей и каверн, с маркерами в виде включений каменноугольной фауны — мшанок и брахиопод. Сырье отличается от известных сырьевых месторождений на территории Волгоградской области [Нехорошев 1999: 48–83]. Единичные изделия, представленные светло-серым желвачным кремнем, относятся к местной сырьевой базе, расположенной возле стоянки Шлях.

Актуальным вопросом является определение типа памятника. По групповому составу изделий, по процентному соотношению продуктов расщепления и орудийных форм можно предположить, что, возможно, он является стоянкой-мастерской по изготовлению каменных орудий.

Ситников 2021 — *Ситников А. В.* Отчет об археологических разведках на территории Еланского, Ольховского и Фроловского районов Волгоградской области в 2020 году. Волгоград, 2021. Архив ВОКМ. № 363.

Клименко 2022 — *Клименко П. Г.* Отчет об археологических разведках на территории Краснолиповского сельского поселения Фроловского района Волгоградской области. Волгоград, 2022. Архив ГБУ ВОНПЦ без номера.

Нехорошев 1999 — *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский дом, 1999. 171 с.

Каменная булава из поселения позднего неолита Автодром-2/1 (Барабинская лесостепь): к проблеме конвергенции и заимствования

В. В. Бобров, А. В. Веретенников*

1. Обнаружение единичных предметов, имеющих широкие территориальные и хронологические аналогии, в составе археологических комплексов актуализирует проблему культурной конвергенции и заимствования. Изучение таких предметов требует анализа контекста находки, технологии изготовления, сырья, из которого она изготовлена, и ее морфологических особенностей и может помочь определить как специфику локальных культурных традиций, так и возможности межкультурного взаимодействия и миграционных процессов.

2. В материалах поздненеолитического поселения артынской культуры Автодром-2/1 обнаружен единичный фрагмент каменной булав (рис. 1). Предмет залегал вблизи остатков жилища. Обломок имеет С-образную форму, размерами 66 × 32 × 45 мм. Предполагается, что первоначально предмет имел овальную форму со сквозным отверстием в центре. На лицевой стороне зафиксированы неглубокие пересекающиеся борозды, а по всему предмету следы шлифования и выбоины. Предмет расколот вдоль центральной оси. На торцевых гранях присутствуют конические углубления диаметром 11 и 13 мм, оставленные в результате встречной перфорации, вероятно, выполненной после фрагментации предмета. Уникальность данного артефакта для поздненеолитического комплекса Автодрома-2 заключается в его типологической особенности и применении технологии сверления каменных предметов.

Аналогичный предмет обнаружен в материалах артынской культуры в Среднем Прииртышье на памятнике Усть-Тара ХХХІІІ [Иващенко, Толпеко 2006: 84]. Шлифованный предмет в плане округлой формы, в профиле конусовидной, боковая часть обломлена, в центре сквозное отверстие [Юракова 2017: 127, рис. 69: 22], отличается от барабинского образца большей степенью зашлифованности и завершенностью формы.

В культурах позднего неолита Северной Евразии простые каменные булавы встречены на памятниках Волго-Уральского междуречья [Выборнов, Кулькова 2023: 10]. Две из них (стоянки Тентексор, Алтай) представлены в виде фрагментов, расколотых по центральной оси.

1125 экземпляров перфорированных дисков обнаружено на поселении ботайской культуры энеолита, из них целые только 15,5 % [Зайтов 1992: 136–137]. Среди предметов имеются экземпляры с процарапанными и пропиленными линиями по одной стороне [Зайберт 2009: 188]. По материалам этого поселения предложено, что диски могли использоваться для различных целей в разных трудовых, бытовых, церемониальных операциях [Зайберт 2009: 256]. И. В. Усачева предполагает, что ведущей, но не единственной функцией перфорированных дисков Северной Евразии неолита — энеолита было выпрямление древков [Усачева 2015: 416].

* Бобров В. В., Веретенников А. В. — Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемеровский государственный университет, Кемерово, РФ (bobrov4545@mail.ru; veretennikov862@gmail.com).

© Бобров В. В., Веретенников А. В., 2026

Рис. 1. Каменная булава (Поселение Автодром-2/1, Барабинская лесостепь)

3. «Каменные булавы», или «перфорированные диски», имеют значительное хронологическое и территориальное распространение, часто встречаются в единичном и фрагментарном виде. Это усложняет интерпретацию в рамках решения проблемы конвергенции и заимствования. Уникальность данных предметов в среде артынской культуры позволяет рассматривать их как продукт не только заимствования, но и обмена. Немаловажно то, что с булавой зафиксирована техника сверления камня в индустрии этой культуры.

Выборнов, Кулькова 2023 — *Выборнов А. А., Кулькова М. А.* Проблемы изучения периодизации неолита-энеолита Нижнего Поволжья // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 6–14. doi: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-6-14.

Зайтов 1992 — *Зайтов В. И.* Каменные перфорированные диски поселения Ботай // Российская археология. 1992. № 2. С. 136–146.

Зайберт 2009 — *Зайберт В. Ф.* Ботайская культура. Алматы: Қазақпарат, 2009. 576 с.

Иващенко, Толпеко 2006 — *Иващенко С. Н., Толпеко И. В.* Культурно-хронологическая атрибуция ранних памятников Усть-Тарского археологического микрорайона // Исторический ежегодник. 2005. Омск, 2006. С. 83–91.

Усачева 2015 — *Усачева И. В.* Выпрямители древков стрел Северной Евразии (неолит-энеолит) // Тверской археологический сборник. Материалы V Тверской археолог. конф. и 16-го и 17-го заседаний науч.-метод. семинара / отв. ред. И. Н. Черных. Тверь, 2015. С. 407–417.

Юракова 2017 — *Юракова А. Ю.* Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: Приложения к дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2017. 149 с.

Работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН по теме: «Динамика культурно-исторических процессов в Сибири и сопредельных районах Центральной Азии от древности до Нового времени: тенденции и локальная специфика» (№ гос. регистрации 126030318256-9).

О заимствованиях и конвергенции по каменным артефактам Волго-Камья

А. А. Василенко*

На территории Волго-Камья в неолите и энеолите скребки являются одной из ведущих категорий орудий. Они изготавливались на пластинах и отщепах, имея сходные формы. В то же время в этих материалах присутствуют артефакты со своеобразными характеристиками. На стоянке Тентексор в Северном Прикаспии выделено 8 экз. скребковидных изделий на массивных сколах [Васильев и др. 1986: 22, рис. 11]. Их толщина составляет от 0,6 до 1,3 см. Продольные края у большинства сколов параллельны, что придает заготовкам форму пластин. Второй специфической чертой является очень крутая, почти отвесная ретушь, нанесенная на продольные грани. Следует обратить внимание, что она заходит далеко на спинку заготовки. Кроме того, на поперечной стороне этих артефактов оформлен крутой ретушью рабочий край концевой скребка. Анализ поздненеолитических материалов орловской и джангарской культур показал отсутствие в них подобных типов.

В поисках аналогий были рассмотрены материалы более северных регионов. На поселении Бачки-Тау II в Нижнем Прибелъе выделяется группа скребковидных орудий (16 экз.) на массивных сколах с крутой ретушью (от 71° до 80°). Их толщина варьирует от 0,7 до 1,3 см, с преобладанием показателей в 0,9–1,1 см [Выборнов и др. 1982: 203, рис. 8]. Поскольку на памятнике представлено два различных культурно-хронологических комплекса, остается неясным, к неолиту или энеолиту относится данная группа орудий.

Севернее данного региона, в Среднем Прикамье, в материалах памятников борского типа (Бор IV–V, Боровое Озеро VI) встречаются аналогичные скребковидные артефакты. Они изготовлены на массивных сколах и имеют почти отвесную ретушь на продольных краях заготовки [Бадер 1961: рис. 62, 64, 65, 78, 89]. Учитывая относительную однородность этих памятников, можно предположить, что и на стоянках низовьев р. Белой эти своеобразные изделия принадлежат к энеолиту.

Таким образом, выделенная специфическая группа орудий представлена как в позднем неолите, так и в раннем энеолите. Возникает предположение, что их появление в Среднем Прикамье связано с заимствованием у более южных соседей. Однако с учетом радиоуглеродных датировок возможна иная интерпретация.

Стоянка Тентексор датируется 6400–5500 лет ВР [Барацков и др. 2012]. Что касается датировок памятников борского типа, то их хроноинтервал определяется от 4200–3900 лет ВР [Выборнов и др. 2019]. Некоторые исследователи предлагают более раннюю датировку борских материалов — около 4500 лет ВР, считая их древнее гаринских [Мельничук 2021: 187–194]. Даже если учитывать минимальную дату для Тентесора, образуется хронологический разрыв почти в тысячу лет. При этом подобные специфические артефакты не представлены в энеолите Северного Прикаспия, то есть они не могут относиться к 5800–4700 лет ВР. Следовательно, появление столь своеобразного типа изделий в энеолите Нижнего Прибелъя и Среднего Прикамья

* Василенко А. А. — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ (vasssssilenko@mail.ru).

© Василенко А. А., 2026

едва ли можно объяснить прямым заимствованием. В таком случае, вероятно, появление в каменном инвентаре Волго-Камья специфических артефактов может быть связано с конвергенцией.

- Бадер 1961 — *Бадер О. Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. М.: Наука, 1961 (МИА, № 99). 198 с.
- Барацков и др. 2012 — *Барацков А. В., Выборнов А. А., Кулькова М. А.* Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Известия СНЦ РАН. 2012. № 3. С. 200–204.
- Васильев и др. 1986 — *Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. В.* Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 6–31.
- Выборнов и др. 1982 — *Выборнов А. А., Горбунов В. С., Обьденнов М. Ф.* Поселение Бачки-Тау II — новый памятник неолита-энеолита Нижнего Прибелья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 195–209.
- Выборнов и др. 2019 — *Выборнов А. А., Лычагина Е. Л., Васильева И. Н., Мельничук А. Ф., Кулькова М. А.* Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского ун-та. 2019. № 1. С. 34–47.
- Мельничук 2021 — *Мельничук А. Ф.* Памятники борского типа в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология Волго-Уралья. Т. 2. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 187–194.

Коллекция каменных орудий стоянки Глубокое Озеро II Чердынского городского округа Пермского края

Н. С. Смертина, К. В. Никулина*

В 2024–2025 гг. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции под руководством Н. С. Смертиной были проведены исследования стоянки Глубокое Озеро II. Памятник расположен в Чердынском городском округе Пермского края, на первой надпойменной террасе восточного берега озера Глубокое, старичном образовании р. Вишера. Стоянка была открыта в ходе разведки, выполненной под руководством Д. А. Майстренко в 2009 г.

В рамках работ последних лет было обследовано раскопками 56 кв. м. В результате проведенных исследований 2024 г. были выполнены разведочный раскоп 16 кв. м, два шурфа 1 × 1 м и две зачистки шириной 1 м каждая. При выполнении работ были уточнены границы памятника. Проведенные работы 2025 г. были сосредоточены на смежной площадке, раскоп был равен 40 кв. м.

Всего за два года раскопок было обнаружено 3458 находок: 80 их них относятся к керамике (2 %), одно изделие из бронзы и 3377 каменных находок (98 %).

Коллекция каменного инвентаря памятника без учета микродебитажа состоит из 613 артефактов (19,38 %). Большинство каменных находок было изготовлено из кремня серых и коричневых оттенков, но также встречаются находки из окремне-лого известняка, кремнистого сланца, кварцитопесчаника, кварца, халцедона, яшмы, трахита и сланца. К отходам производства относятся отщепы (415 экз. / 67,7 %) и сколы (100 экз. / 16,31 %). Другие категории находок представлены отдельностью сырья, пластинами, грузилом, орудиями и их обломками.

Самой интересной группой каменных артефактов, безусловно, являются орудия.

К орудиям и их обломкам относятся 88 предметов (14,35 %). К целым или определенным фрагментам было отнесено 47 артефактов: пять скребков, 40 наконечников и их обломков, грузило.

Скребки были изготовлены из светло-серого, серо-бежевого и темно-серого кремня. В качестве заготовки использовались отщепы. Три скребка имели по одному лезвию, остальные по два. Лезвия располагались на дистальной части заготовки, поперечно и продольно оси. Все скребки были оформлены крутой дорсальной ретушью.

Уникальной находкой является грузило, которое изготовлено из серо-коричневого кварцитопесчаника, имеет подовальную слегка вытянутую форму.

Самой массовой находкой орудия на изученной площадке памятника, бесспорно, являются наконечники (13 экз. / 32,5 %) и их обломки (27 экз. / 67,5 %).

Наконечники в основном изготовлены из кремня, преимущественно серых оттенков, демонстрируют разнообразие в обработке. Большинство из них обработано бифасиальной техникой, но также встречаются экземпляры с краевой ретушью.

* Смертина Н. С. — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Институт гуманитарных исследований УрО РАН (nadiabat@yandex.ru). Никулина К. В. — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (kristina_nikulina_13@mail.ru). Пермь, РФ.

© Смертина Н. С., Никулина К. В., 2026

В коллекции памятника были встречены наконечники треугольной формы. Преобладают предметы с усеченным прямым основанием, однако среди находок есть экземпляры с вогнутым основанием. Отдельные наконечники представлены листовидной формой с округлым и вогнутым основанием. По предварительным исследованиям можно отметить, что наконечники в основном были изготовлены с помощью металлического орудия. Многие из них имеют следы транспортировки, шлифовки, а также переделки.

Анализ коллекции каменных орудий стоянки Глубокое Озеро II позволяет сделать предварительные выводы о технологиях обработки камня и типах деятельности, осуществлявшихся на данном месте в древности. Преобладание отщепов и сколов в составе отходов производства свидетельствует об активном процессе изготовления орудий непосредственно на стоянке. Использование различных видов сырья говорит о том, что древние люди были хорошо осведомлены о местонахождении и свойствах геологических материалов. Наличие скребков, наконечников стрел и грузила говорит о широком спектре хозяйственных занятий, включавших охоту, обработку шкур и, возможно, рыболовство. Особый интерес представляет большое количество наконечников и их обломков, доминирующих в категории орудий. Это подчеркивает значимость охоты в жизни обитателей стоянки. Разнообразие форм наконечников, от треугольных до листовидных, может отражать различные этапы развития технологий или предпочтения разных групп населения.

IV

Системы жизнеобеспечения

Особенности приморской адаптации и процесса неолитизации в прибрежных районах юга российского Дальнего Востока в раннем и среднем голоцене (12–5 тыс. л. н.)

А. Н. Попов*

На территории юга российского Дальнего Востока период раннего и среднего голоцена (12–5 тыс. л. н.) характеризуется взаимодействием мира охотников-собирателей (Приамурье, побережье Японского моря) с земледельческими сообществами соседних территорий (юг Северо-Восточного Китая). Неолитический облик культур региона в это время определяется широким спектром археологических источников.

Для сообществ дальневосточных охотников-собирателей уже в раннем (начальном) неолите возникла необходимость в концентрации населения для решения, скорее всего, задач экономического характера — намеренной добычи значительного количества продукции (избыточного продукта) для дальнейшей обработки с целью не столько немедленного употребления, сколько для дальнейшего сохранения. Сезонность заготовок избыточного продукта, в свою очередь, была обусловлена характером добычи. Исходя из геоморфологической диспозиции большинства памятников, археологических и палеозоологических данных, таким продуктом являлись водные биоресурсы и, прежде всего, рыба: для дальневосточного региона — ежегодный ход огромного количества тихоокеанского лосося, к нересту (приходу) которого был приурочен экономический цикл неолитических охотников-собирателей в раннем и среднем голоцене. При этом территориальную привязанность (оседлость) неолитических групп определил еще один экономический фактор — комплексность жизнеобеспечения при сохранении присваивающей экономики охотников-собирателей с использованием широкого спектра биоресурсов как водного, так и наземного происхождения. Это привело к высокой степени оседлости населения уже на самых ранних этапах неолита в регионе. Свидетельством тому является наличие в раннем неолите (осиповская культура Нижнего Амура) поселений, состоящих иногда из десятков долговременных жилищ типа полуземлянок, ландшафтно связанных с берегами рек, озер, морским побережьем.

Строительство долговременных жилищ, их ремонт, обслуживание, а также необходимость в плавательных средствах (лодки-долбленки, плоты), изготовление охотничьих и рыболовных ловушек требовали большого количества специальных деревообрабатывающих инструментов, поэтому мы фиксируем значительные изменения в каменном инвентарном комплексе в сравнении с верхнепалеолитической эпохой. И главное — появление шлифованных топоров, тесел, стамесок самых разных размеров. При этом комплексность хозяйственного уклада проявилась не только в освоении значительного спектра биоресурсов ограниченной территории, но и в эксплуатации значительно большего разнообразия сырья для изготовления каменных инструментов.

Ярким материальным свидетельством раннего начала неолитизации в регионе является появление керамической посуды, имеющей возраст древнее 13 тыс. л. н.

* Попов А. Н. — Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, РФ (poparchaeo@mail.ru).

© Попов А. Н., 2026

При том на юге российского Дальнего Востока не зафиксировано ни одного признака производящих экономик до окончания периода среднего неолита, наступившего с окончанием голоценового климатического оптимума (около 5 тыс. л. н.).

Для такого сценария неолитизации мы предлагаем применять термин «присваивающий неолит». Экономика развивалась в рамках комплексного хозяйства охотников-собирателей за счет совершенствования приемов охоты и собирательства; расширения спектра добываемых диких видов животных и растений, прежде всего водных; появления специальных приемов приготовления и консервации пищевых ресурсов с использованием керамической посуды.

Развитие технологий в условиях присваивающего неолита позволило благодаря сохранению избыточного продукта более равномерно распределять по времени потребление добытых ресурсов на протяжении года.

Данные экономические сдвиги приводят к неизбежным социальным изменениям, не столь резким, как в сообществах земледельцев и скотоводов, но достаточно заметным. Вероятно, могла иметь место определенная неравномерность в распределении ресурсов, включая избыточный продукт, между социальными группами внутри коллектива, что нашло отражение в особенностях расположения могил и сопровождающего инвентаря в могильнике Бойсмана-2 (бойсманская культура среднего неолита). При этом никакого кризиса присваивающей экономики в амурско-приморском регионе мы не наблюдаем вплоть до окончания голоценового климатического оптимума. Природные возможности раннего и среднего голоцена и особенности приморской адаптации обеспечивали процветание неолитических коллективов охотников-собирателей региона в раннем и среднем неолите, а проникновение земледельческих технологий с юга Северо-Восточного Китая произошло только в эпоху позднего неолита.

Освоение человеком эоловых ландшафтов северо-востока Европы в голоцене

Н. Е. Зарецкая, Е. В. Попов, С. В. Копытов, В. Н. Карманов,
Е. Л. Лычагина, Д. В. Баранов*

Эоловые ландшафты широко распространены на северо-востоке Европы, во внеледниковых областях последних Карско-Баренцевоморского и Скандинавского оледенений [Астахов, Свенсен 2011; Heggen et al. 2012; Zaretskaya et al. 2024], охватывающих территории большей части современных Республики Коми (РК) и севера Пермского края. Наибольшее развитие эоловые образования — континентальные дюны, дюнные поля и покровные пески — получили в приречных областях крупных рек — Печоры, Вычегды и Камы (верхнее течение), являясь компонентом долинного комплекса, надстраивая поверхности поймы и террас и увеличивая их высоту [Zaretskaya et al. 2024; Panin et al. 2025]. Максимум эоловой активности и, соответственно, время образования измененных ею ландшафтов в изучаемом регионе охватывает период с 17 до 7 тыс. л. н. [Heggen et al. 2012; Zaretskaya et al. 2024].

Во время проведения комплексных палеогеографических и археологических исследований было установлено, что археологические памятники голоцена в речных долинах приурочены преимущественно к эоловым формам рельефа [Карманов и др. 2013; Zaretskaya et al. 2024]. В связи с этим цель нашего исследования — выявление закономерностей расселения людей в эоловых ландшафтах и определение роли последних в системе жизнеобеспечения.

Опорные источники исследования — археологические микрорайоны, включающие памятники разных периодов и культур, на которых проведены комплексные исследования: Шиховской (р. Печора), Пезмогский, Ваднюр, Черная Вадья (р. Вычегда), Косинский, Хомутовский (бассейн Верхней Камы).

Приведем здесь три примера из полученных более обширных результатов (с севера на юг).

Шиховский археологический комплекс (левый берег Печоры, Усть-Цилемский р-н РК) с памятниками энеолита — эпохи бронзы и могильником раннего железного века (РЖВ) расположен на поверхности I надпойменной террасы р. Печоры, возвышающейся на 8 м над прилегающей поймой и надстроенной эоловыми образованиями. Выделяются два вида эоловых комплексов: первый сравнительно ровный, сложенный покровными песками, с редкими низкими дюнами; на нем располагаются жилища энеолита и эпохи бронзы; второй — хорошо выраженные дюны высотой до 5 м над фоновым уровнем, на выположенных поверхностях их гребней находятся стоянки и могильник РЖВ и эпохи бронзы, и как исключение — одно жилище энеолита — эпохи бронзы. Возраст дюн и покровных песков, определенный методом оптически стимулированной люминесценции (ОСЛ), лежит в интервале

* Зарецкая Н. Е., Баранов Д. В. — Институт географии РАН, Москва (n_zaretskaya@inbox.ru; dm_baranov@igras.ru). Попов Е. В., Карманов В. Н. — Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Республика Коми (evrovovich@bk.ru; vkarman@bk.ru). Копытов С. В., Лычагина Е. Л. — Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь (sergkopytov@gmail.com; LychaginaE@mail.ru). РФ.

© Зарецкая Н. Е., Попов Е. В., Копытов С. В., Карманов В. Н., Лычагина Е. Л., Баранов Д. В., 2026

16–14 тыс. л. н., поэтому можно утверждать, что древнее население здесь пришло уже на «готовый» закрепленный растительностью эоловый ландшафт, возвышавшийся над старицей Печоры и не затапливавшийся в течение всего года.

Комплекс Черная Вадья — Размановка (левый берег Вычегды, Усть-Вымский р-н РК) расположен на I (так называемой болотной) надпойменной террасе р. Вычегды. Здесь ее поверхность осложнена серией дюн разной высоты, на поверхности двух из которых располагаются стоянки мезолита и раннего неолита; сама терраса сильно заболочена. ОСЛ-даты, полученные по серии образцов песка из дюн, лежат в интервале 17–11 тыс. л. н. [Zaretskaya et al. 2024]; по-видимому, возвышенные поверхности дюн использовались не только как места, которые не заливаются водой во время паводков, но и как возвышенности над окружающими болотами, которые, по нашим данным, начали формироваться не позднее 8 тыс. кал. л. н.

Косинские стоянки эпохи мезолита (Коса I и II) [Демаков и др. 2023] располагаются в пределах надпойменной террасы р. Лолог, недалеко от впадения в р. Косу (крупнейший правый приток Верхней Камы), на обширной эоловой форме, подрезаемой палеоруслем Лолога. Ее возраст определен ОСЛ-методом в интервале 29–16 тыс. л. н. — она формировалась в течение длительного времени на протяжении последнего криохрона. Мезолитические сообщества, заселявшие эту поверхность, ориентировались на старичное озеро в палеорусле Лолога, которое перестало быть активным 10,5 тыс. кал. л. н. [Демаков и др. 2023].

Таким образом, в разные периоды населением разных культур осваивались различные компоненты эолового ландшафта (дюны и междюнные пространства, ложбины, покровные пески), что зависело от сезонности места обитания (или пребывания) и типа памятника по виду протекавшей на нем деятельности.

Особенности (хронологические, региональные и культурные) в заселении эоловых ландшафтов не выявлены или слабо выражены, поэтому традиции их выбора для организации поселений и могильников формировались и развивались в разных речных долинах конвергентно.

Астахов, Свенсен 2011 — Астахов В. И., Свенсен Й. И. Покровная формация финального плейстоцена на крайнем северо-востоке Европейской России // Региональная геология и металлогения. 2011. № 47. С. 12–27.

Демаков и др. 2023 — Демаков Д. А., Лычагина Е. Л., Зарецкая Н. Е., Копытов С. В., Чернов А. В., Лаптева Е. Г., Трофимова С. С., Косинцев П. А. Косинские мезолитические стоянки в контексте истории природной среды Верхнего Прикамья в позднеледниковье и раннем голоцене // Геоморфология и палеогеография. 2023. Т. 54, № 1. С. 74–89. doi: 10.31857/S2949178923010048.

Карманов и др. 2013 — Карманов В. Н., Чернов А. В., Зарецкая Н. Е., Панин А. В., Волокитин А. В. Опыт применения данных палеоруслеведения в археологии на примере изучения средней Вычегды (европейский северо-восток России) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 83–93.

Heggen et al. 2012 — Heggen H. P., Svendsen J. I., Mangerud J., Lohne O. S. A new palaeoenvironmental model for the evolution of the Byzovaya Palaeolithic site, northern Russia // Boreas. 2012. № 41. P. 527–545. <https://doi.org/10.1111/j.1502-3885.2012.00259.x>.

Panin et al. 2025 — Panin A. V., Zaretskaya N. E., Baranov D. V., Utkina A. O., Kurbanov R. N. Architecture of the lower Vychegda River valley, northern European Russia: insights into the Late Pleistocene glacial and proglacial dynamics at the eastern margin of the last Scandinavian Ice Sheet // Earth Surface Processes and Landforms. 2025. doi: 10.1002/esp.70202.

Zaretskaya et al. 2024 — *Zaretskaya N., Panin A., Utkina A., Baranov D.* Aeolian sedimentation in the Vycheгда River valley, north-eastern Europe, during MIS 2-1 // *Quaternary International*. 2024. Vol. 686–687. P. 83–98. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2023.05.022>.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/> (Комплексные исследования археологических памятников в бассейне Верхней Камы).

Е. С. Ткач, А. А. Малютина*

Регион, о котором пойдет речь, — Юго-Восточная Прибалтика — включает в себя территорию Калининградской области России и Северо-Восточной Польши. Впервые выявленные в начале XX в. материалы цедмарской культуры сразу привлекли внимание специалистов. Интерес был вызван в первую очередь уникальностью сохранностью изделий из твердых органических материалов — кости, рога, зубов. Первые исследователи — К. Штади, Ля Бауме, К. Энгель, В. Гэрте — находили аналогии этим орудиям среди материалов Скандинавии — культуры Эртебелле. Это послужило причиной для поиска истоков формирования цедмарской культуры в этом культурном образовании.

В 1970-х гг. исследования на Цедмарском торфянике были возобновлены В. И. Тимофеевым. Полученный им археологический материал, включая изделия из твердых органических материалов, был частично введен в научный оборот [Тимофеев 1981]. По мнению автора, кирковидные орудия могут быть близки материалам неманской культуры, выявленным в кремнедобывающих шахтах Западной Беларуси [Гурина 1976]; аналогии Т-образным топорам в культуре Эртебелле он считает неправомерными [Тимофеев 1981: 119]. В заключение автор ссылается, что «костяная и роговая индустрия поселения Цедмар Д стоит особняком среди других костяных и роговых индустрий, известных в Прибалтике» [Там же].

Последние десятилетия материалы каменного века из твердых органических материалов Западной Прибалтики активно изучаются. Были как открыты новые археологические памятники, созданы типологические колонки артефактов, так и получены новые AMS-даты по каждому из типов.

Задачей нашего исследования явились повторное изучение (технология, где возможно — трасология) артефактов со стоянок Цедмар А и Цедмар Д, а также поиск их аналогий для определения их относительного возраста. Часть артефактов была продатирована AMS-методом, однако в связи с малым содержанием коллагена в кости к настоящему моменту получена только одна дата по изделию из рога (фрагмент топора с частично сохранившимся отверстием) — 3702–3683 calBC [Ткач, Малютина 2025].

Всего коллекция состоит из 161 предмета со следами обработки (45 экз. — Цедмар А, 116 экз. — Цедмар Д). Среди материалов выделены Т-образные топоры и отходы от их производства, наконечники метательного вооружения разных типов, проколки, тесла, скребки, один кинжал, одно шило. Примечательно присутствие крайне ограниченного набора рыболовного инвентаря (стоянки расположены на бывших в то время небольших островах): один гарпун, один рыболовный крючок, одно навершие остря (возможно, остроги) и одно зубчатое острие.

Аналогии роговым изделиям (Т-образные топоры, «кирковидные» орудия) присутствуют среди как мезолитических, так и неолитических материалов. Индустрия, основанная на использовании в качестве ведущей заготовки рога благородного оленя, характерна для центральноевропейских комплексов «дунайского круга» широкого хронологического диапазона — от позднего мезолита до энеолита, а также

* Ткач Е. С., Малютина А. А. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ (evgeniia.tkach@gmail.com; kostylanya@yandex.ru).

© Ткач Е. С., Малютина А. А., 2026

материалов культуры Эртебелле. В качестве особенностей цедмарских материалов можно отметить присутствие в коллекции небольших биконических наконечников с кантиком, которые, по аналогии с литовскими материалами, появляются только в период неолита [Rimkus 2025].

По результатам обработки коллекции можно отметить, что с появлением керамики в костяной и роговой индустрии не происходит резких изменений в технологии их изготовления или в характерных типах. Это может свидетельствовать о поступательном технологическом развитии мезолитического населения, перенявшего (заимствовавшего?) технологию изготовления керамики. Наиболее близкими по хронологии и типологии костяными и роговыми индустриями являются материалы ранней фазы культуры воронковидных кубков и поздненендельской культуры, представленной на восточной группе памятников этой культуры [Grygiel 1986].

Гурина 1976 — Гурина Н. Н. Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л.: Наука, 1976. 178 с.

Тимофеев 1981 — Тимофеев В. И. Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово) Д // Краткие сообщения Института археологии РАН. 1981. Вып. 165. С. 115–119.

Ткач, Малютина 2025 — Ткач Е. С., Малютина А. А. Т-образные роговые топоры цедмарской культуры Юго-Восточной Прибалтики // Археологические открытия. 2025. Вып. 48. С. 147–159.

Grygiel 1986 — Grygiel R. The household cluster as a fundamental social unit of the Lengyel Culture in the Polish Lowlands // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi (Seria Archeologiczna). 1986. Vol. 31. P. 43–334.

Rimkus 2025 — Rimkus T. Conical bone points in northwestern Lithuania: dating and engraving patterns // Acta Academiae Artium Vilnensis. 2025. Vol. 116. P. 69–93. <https://doi.org/10.37522/aaav.116.2025.284>.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФ № 25-78-10059 (Е. С. Ткач) и в рамках выполнения государственного задания ФНИ ГАН № FMZF-2025-0007 (А. А. Малютина).

«На берегу пустынных волн...»: освоение морских кос древним населением Нарвско-Лужского междуречья

Д. В. Герасимов, М. А. Холкина, Р. И. Муравьев*

Освоение кос было частью процесса освоения морского побережья человеком после завершения последнего оледенения. Заселение приморских территорий и адаптация древнего населения к использованию литоральных ресурсов в Балтийском регионе приобрели системный характер лишь после 7300 лет до н. э., с началом среднего голоцена и с наступлением стадии Литоринового моря в истории Балтики. Следы пребывания человека на морских косах фиксируются с начала периода неолита и появления керамики после 5300 лет до н. э. Если и существовали косы, посещавшиеся мезолитическим населением, то в ходе литориновой трансгрессии они были размыты.

В результате многолетних комплексных исследований в Нарвско-Лужском междуречье на границе России и Эстонии было выявлено около 100 памятников каменного века, расположенных на морских палеокосах нескольких генераций.

Сплошное обследование лесопосадочных траншей на участке Галикской палеокосы площадью около 100 га позволило выявить 115 пунктов с подъемным материалом, относящимся к традициям нарвской, гребенчато-ямочной, шнуровой и сетчатой керамики (рис. 1). 49 пунктов группировались в четыре крупных скопления, маркирующих границы и периферию стоянок, тогда как остальные представляют собой единичные находки. Закладка шурфов показала, что культурный слой в местах обнаружения единичных находок не выражен.

Четыре зоны концентрации находок характеризуются разнообразием категорий подъемного материала, обязательным присутствием развалов сосудов. Для нарвской культуры (ранний неолит, 5300–3900 лет до н. э.) наблюдается более дисперсный характер распространения находок: развалы сосудов и скопления каменных изделий отстоят друг от друга на десятки метров, вытянувшись длинной полосой шириной до 200–300 м параллельно береговому валу Литоринового моря на высоте 9–11 м над уровнем моря. Наибольшая концентрация материала приурочена к основанию косы, где, судя по площади и мощности выявленного в шурфах культурного слоя, располагалось крупное долговременное ранненеолитическое поселение.

Материалы культур гребенчато-ямочной (3900–2800 лет до н. э.) и шнуровой керамики (2800–2000 лет до н. э.) образуют четко очерченные концентрации, приуроченные к краю террасы на высоте 6–8 м над уровнем моря. Отдельные находки культуры гребенчато-ямочной керамики есть и выше, на второй террасе.

Два развала сосудов сетчатой керамики (конец II — начало I тыс. до н. э.) зафиксированы в основании косы и на верхнем краю склона ее террасы.

Условия обследования и методика работ позволяют претендовать на высокую степень полноты данных для оценки динамики освоения древней косы. Наиболее

* Герасимов Д. В. — Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (dger@kunstkamera.ru). Холкина М. А. — Санкт-Петербургский государственный университет (tyttokulta@yandex.ru). Муравьев Р. И. — Институт истории материальной культуры РАН (alcesalces243@gmail.com). Санкт-Петербург, РФ.

© Герасимов Д. В., Холкина М. А., Муравьев Р. И., 2026

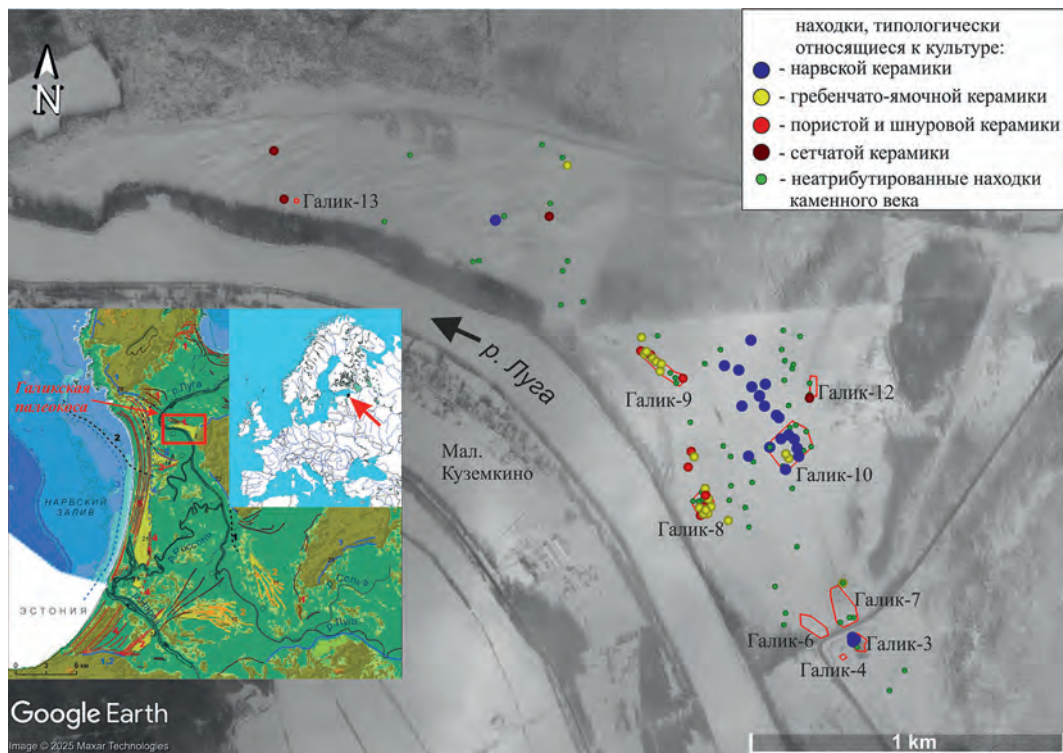

Рис. 1. Археологические находки разных периодов на Галикской палеокосе

интенсивно коса посещалась носителями традиций нарвской и гребенчато-ямочной керамики, то есть в период после пика литориновой трансгрессии 5500 лет до н. э. и до конца IV тыс. до н. э.

Освоение палеокос Нарвско-Лужского междуречья было связано со временем, когда специализированная морская охота играла важнейшую роль в системе жизнеобеспечения древнего населения — об этом свидетельствуют фаунистические данные. Высокая эффективность экономики морских охотников стала основой для увеличения степени оседлости и формирования сложной социальной структуры древнего населения. Такие же процессы наблюдаются в среднем голоцене на фоне потепления и подъема уровня Мирового океана по всему балтийскому и атлантическому побережью, а также на гигантских пресноводных озерах с собственными популяциями ластоногих — Ладоге, Онеге и Древней Сайме. Это позволяет предположить схожие сценарии неолитизации приморских областей Европы, прерванные в западной ее части приходом ближневосточных земледельцев.

Адаптационные стратегии древних сообществ в неолите Северного Прикаспия

Н. С. Дога, Ф. Ф. Гилязов, А. А. Выборнов, М. А. Кулькова*

После максимума аридизации 8200 calBP в Северном Прикаспии сохранялись экстремальные условия, при которых менялся способ приспособления древнего человека. Разливы Каспийского моря в полупустынном ландшафте образовывали озера, лагуны и пр. [Иванов, Васильев 1995]. Пресноводная вода привлекала животных и водоплавающих, которые, вместе с рыбами, становились пищевыми ресурсами для человека.

Практически все стоянки неолита Северного Прикаспия приурочены к берегам древних озер, засолившихся в более позднее время. Судя по датам (7100–7000 BP), первоначальное заселение территории (стоянка Байбек) не отрывалось от берегов реки Б. Кигач — около 10 км и скорее соответствует лагерям охотников. Предпочтение было отдано кулану, так как он более медлительный и с плохим верховым зрением, что облегчало охоту. Сайга была менее предпочтительна.

В качестве орудия охоты применялись эффективные наконечники из сегментов и костяные острия. Рыболовство осуществлялось круглогодично, так как стоянки располагались недалеко от реки. Поэтому, по определениям Е. Ю. Яниш, кроме окуней и щук добывали осетровых.

Освоение данного пространства позволило около 6900 BP перейти к полуоседлому режиму. Это выразилось в сооружении пригодного к зимовкам жилища глубиной до 1 м с очагами и хозяйственных ям-хранилищ на стоянке Байбек. Но параметры постройки свидетельствуют о малочисленности групп населения. Тростник (судя по спорово-пыльцевым данным) использовался в качестве как циновок, так и строительного материала, так как отсутствуют шлифованные или двусторонне оббитые артефакты, предназначенные для обработки дерева.

В 6800 BP на более отдаленной от реки стоянке Каиршак III построено несколько объектов более крупных размеров, чем байбекские, что фиксирует увеличение как продолжительности, так и численности обитателей. Но кости рыб на последнем уже не обнаружены. Сосуды изготавливались из озерного ила, что было наиболее эффективным для тех условий.

Сезонные миграции животных вызывали и подвижки части населения. Это приводило к взаимодействиям, в первую очередь брачным, с обитателями степного Поволжья (стоянки Варфоломеевская и Алгай). Без этого дальнейшее развитие местного населения было бы бесперспективным в силу его малочисленности. Особенно взаимодействие усилилось после 6600 BP в связи с наступлением увлаженности.

Смена климата повлекла за собой распространение разнотравья. И в Северном Прикаспии появляются тур и тарпан (стоянки Тентексор, Таскудук), которые ранее водились только в степи.

* Дога Н. С., Гилязов Ф. Ф., Выборнов А. А. — Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (natalidoga@yandex.com; flatgiljazov12@gmail.com; vibornov_kin@mail.ru). Кулькова М. А. — Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург (kulkova@mail.ru). РФ.

© Дога Н. С., Гилязов Ф. Ф., Выборнов А. А., Кулькова М. А., 2026

Подтверждением контактов служат как морфология посуды, так и способы ее орнаментации. Так, на керамике позднего неолита Северного Прикаспия появляются наплывы на сосудах и накольчатая система орнамента. Они заимствованы от западных и северных соседей. Распространяются и более эффективные способы изготовления наконечников: трапеции со струганной спинкой, обладающие лучшей аэродинамикой, чем сегменты. Фиксируется применение шлифования и сверления.

Наряду с этим происходит сокращение источников сырья, уменьшаются размеры конкреций, что приводит к изменению параметров заготовок и максимальному использованию орудий труда в финале неолита [Дога и др. 2023]. Наличие нескольких жилищ, значительное количество сосудов, предметы искусства свидетельствуют об устойчивой системе жизнеобеспечения.

Система жизнеобеспечения сохранялась до 6200 ВР, после чего началась новая крупная аридизация. Именно она повлияла на слом адаптационного механизма. Носители неолитических культур не смогли ответить на природно-климатический вызов и были ассимилированы пришлым населением.

Дога и др. 2023 — *Дога Н. С., Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Сомов А. В., Гречкина Т. Ю.* Новый памятник неолита в Северном Прикаспии // *Поволжская археология*. 2023. № 3. С. 25–37.
Иванов, Васильев 1995 — *Иванов И. В., Васильев И. Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект, 1995. 260 с.

Рыболовные конструкции на памятнике Караваяха 4 в бассейне озера Воже

Н. В. Косорукова, М. А. Кулькова, В. А. Лукинцева, Т. С. Гринина*

Озеро Воже расположено на севере Вологодской области, относится к бассейну Белого моря. Торфяниковый памятник Караваяха 4 находится на берегу р. Еломы в 18 км от ее впадения в оз. Воже, представляет собой место ловли рыбы — так называемую рыбачью «тоню». В 50 м от него вверх по течению, также на самом берегу находится большой суходольный памятник Караваяха 3, представляющий базовое поселение, функционировавшее от мезолита до раннего железного века или дольше. Вероятно, в древности люди веками жили на слегка более возвышенном участке (Караваяха 3), а в 50 м от него располагались рыболовные конструкции, использовавшиеся, судя по радиоуглеродным датам, в финальном мезолите — раннем неолите [Косорукова, Кулькова 2020].

Место расположения памятника Караваяха 4 представляло собой, по-видимому, полуостров, прорезанный впадавшими в озеровидное расширение двумя узкими неглубокими заливами-ручьями, ныне полностью заторфованными. Подобные ручьи-заливы довольно многочисленны здесь и в настоящее время. В этих заливчиках и вокруг них и были расположены рыболовные конструкции. В ходе раскопок здесь выявлено большое количество вбитых глубоко в материковую глину деревянных столбов/кольев или свай, большая часть которых расположена вдоль краев (стенок) западин от ручьев-заливов, на их склонах. Столбы выявлены также внутри западин и за их пределами, вокруг них. Расстояния между столбами разные, определенной системы в их расположении не прослеживается.

Кроме столбов в слое выявлено большое количество дерева, скопления которого перекрывали западины, располагаясь над ними и вокруг них. Внутри западин дерево залегало в несколько слоев, в том числе различные плашки, нетолстые бревна, жерди, рейки со следами обработки. Некоторые скопления длинных узких реек, вероятно, представляют собой остатки верш. На дне одной из западин выявлен скрученный в несколько слоев забор-мат длиной предположительно 6–8 м из более широких реек (по сравнению с рейками от верш) с симметрично приостренными нижними концами (рис. 1). Также к остаткам конструкций можно отнести три фрагмента рыболовных корзин. Обнаруженные здесь же две деревянные кувалды-колотушки могли использоваться как для забивания свай/столбов, так и для того, чтобы загонять рыбу в корзины или ловушки.

Судя по радиоуглеродным датам, полученным по сваям, данные конструкции функционировали довольно длительное время (более тысячелетия), несомненно, регулярно подправлялись по мере необходимости новыми опорами, поэтому четкую реконструкцию их представить вряд ли возможно. Представляется наиболее вероятным, что конструкции в западинах могли представлять собой мосточки, так как

* Косорукова Н. В., Лукинцева В. А., Гринина Т. С. — Череповецкий государственный университет, Череповец, РФ (natalikcher@mail.ru; marskot7@mail.ru; tatianka.kos@mail.ru). Кулькова М. А. — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, РФ (kulkova@mail.ru).

© Косорукова Н. В., Кулькова М. А., Лукинцева В. А., Гринина Т. С., 2026

А

Б

В

Рис. 1. Каравайха 4. А — фрагмент западины с рыболовными конструкциями; Б — фрагмент забора-мата из реек-лучин; В — концы реек-лучин рыболовного забора-мата

большинство свай/столбов расположено вдоль краев западин. Находясь на мосточках через узкие ручьи-заливы, можно было лучить рыбу при помощи острог, ставить корзины или верши в центре перегородок и доставать из них улов, а также ловить рыбу на удочку. Столбы/сваи за пределами западин, возможно, были необходимы для сооружения подходов и переходов к мосточкам над западинами. Наличие забора-мата из длинных связанных между собой лучин-реек, обнаруженного на дне одной из западин в скрученном виде, свидетельствует, что практиковался и способ ловли рыбы в ловушки из загородок, опирающихся на сваи-столбы.

Аналогии данным деревянным конструкциям, предназначенным для рыболовства, известны на таких памятниках каменного века, как Охта 1, Замостье 2, Сахтыш 1, Сарнате, Сертея I, Мармугино, Векса 3 и др. [Буров 1988; Гусенцова и др. 2024; Лозовский и др. 2013; 2014].

Буров 1988 — Буров Г. М. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // Советская археология. 1988. № 3. С. 145–160.

Гусенцова и др. 2024 — Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е., Кулькова М. А. Памятник эпох неолита и раннего металла Охта 1 в Санкт-Петербурге. СПб., 2024. 300 с.

Косорукова, Кулькова 2020 — Косорукова Н. В., Кулькова М. А. Рыболовные сооружения на стоянке Караваиха 4 в бассейне оз. Воже: новые данные в хронологии и интерпретации // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней. Архангельск, 2020. С. 79–87.

Лозовский и др. 2013 — Лозовский В. М., Лозовская О. В., Клементе-Конте И., Мазуркевич А. Н., Гассьот-Бальбе Э. Деревянные рыболовные конструкции на стоянке каменного века Замостье-2 // Замостье-2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 4–75.

Лозовский и др. 2014 — Лозовский В. М., Лозовская О. В., Мазуркевич А. Н. Деревянные рыболовные конструкции в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань, 2014. С. 285–287.

Сетевые и индивидуальные грузила в рыболовстве эпох неолита — энеолита Восточной Балтики: общее и отличия

Т. М. Гусенцова*

В Восточной Балтике в эпоху каменного века и в энеолите важные сведения о рыболовстве содержат материалы памятников, приуроченных к древним озерам и морским лагунам, на месте которых образовались торфяники. К наиболее распространенным предметам рыболовных снастей относятся сетевые и индивидуальные грузила. Кроме них присутствуют деревянные конструкции для ловли рыбы — заколы, верши; фрагменты сетей; кости рыб и водных животных (тюленей, нерпы).

Для изготовления грузил повсеместно использовались органические материалы — береста, луб и различные породы камня, обусловленные доступностью сырья и функциональным назначением изделий. Широкое распространение получили сетевые грузила, представленные небольшими камешками, обернутыми берестой, и дополнительно перевязанные веревочкой. В Приневье, Карельском перешейке, Южном Приладожье (Охта 1, Комсомольское 3, Подолье 1) грузилами служили камешки размерами 6–8 × 3–5 см, оплетенные в несколько слоев тонкими полосками бересты шириной 9–12 мм (рис. 1: 1–6).

Результаты эксперимента по изготовлению такого грузила (Охта 1), проведенного мастером по работе с берестой (В. И. Ярыш, г. Великий Новгород), показали, что их изготовление было трудоемким и требовало мастерства. Экспериментальное грузило было дополнительно перевязано веревочкой по поверхности и на концах. Показательно, что позднее при раскопках Подолье 1 было найдено грузило, практически совпадающее с образцом, изготовленным мастером (рис. 1: 6). Материал первоначально распаривали, чтобы полоски бересты были мягкими и плотно облегли камень. Наматывалась полоска вдоль и поперек либо по диагонали камня и заканчивалась поперечной полоской, закреплявшей оплетку. Поперечная полоска, как правило, лучше сохранялась и видна на многих найденных грузилах. Скрученные концы бересты достигали длины 1,5–5 см, иногда образуя «косичку» для привязывания к сети. На стоянке Подолье 1 сохранились грузила, обмотанные тонкой веревочкой, в том числе на концах (рис. 1: 5). Образец бересты грузила стоянки Комсомольское 3 датирован концом IV тыс. до н. э. [Герасимов 2006]. Древесина рыболовных загоронок на памятниках датирована второй половиной IV тыс. до н. э. Это время существования культур гребенчато-ямочной керамики позднего неолита, энеолитической пористой и асбестовой керамики [Гусенцова и др. 2024; Гусенцова, Кулькова 2024]. Близкие приемы изготовления грузил, оплетенных берестой или лубом, характерны для стоянок неолита усвятской культуры бассейна Западной Двины — Сертея I, II, Усвяты IV [Долбунова 2014; Kittel et al. 2022] (рис. 1: 7–9). В Прибалтике на неолитических памятниках Сарнате, Швентойи 1, 2/4, 6 грузила не оплетали, а заворачивали в бересту, концы которой закручивали по типу «конфеты», иногда закрепляли поперечной полоской бересты и тщательно обвязывали (рис. 1: 10–12) [Ванкина 1970; Rimantienė 2005: рис. 267].

* Гусенцова Т. М. — АНО НИИ культурного и природного наследия, Санкт-Петербург, РФ (ddut@mail.ru).

© Гусенцова Т. М., 2026

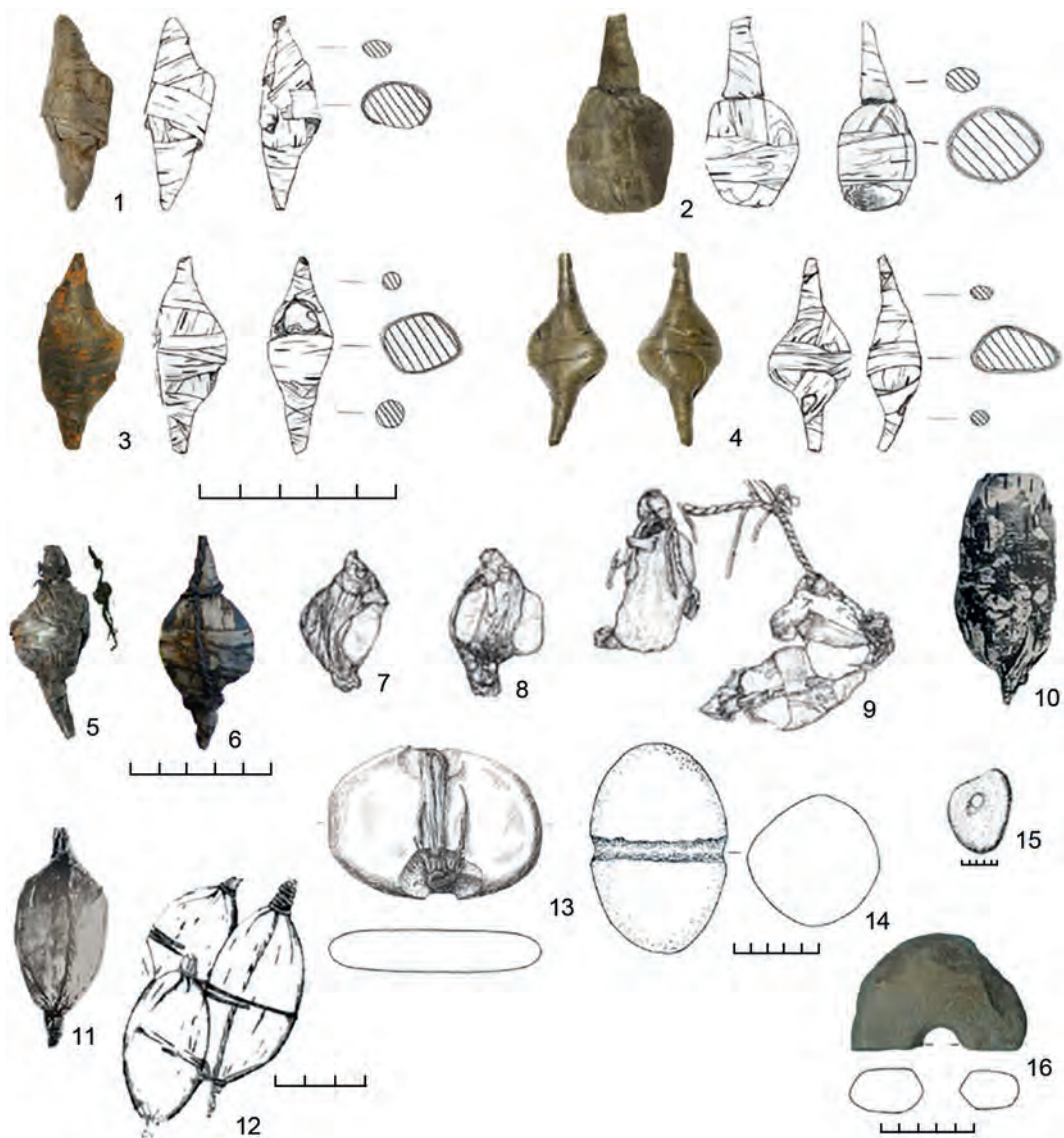

Рис. 1. Сетевые грузила: 1–9 — оплетенные берестой; 10–12 — обернутые в бересту; 13 — галька с выемками; 14 — галька с выбитым желобком; 15–16 — галька и сланец со сверленным отверстием. 1–4, 14, 16 — Охта 1 [Гусенцова и др. 2024]; 5–6 — Подолье 1 [Гусенцова, Кулькова 2016]; 7–9 — Сертя I [Долбунова 2014]; 10–11 — Швянтойи 2/4В; 15 — Швянтойи 6 [Rimantienė 2005]; 12–13 — Сарнате [Ванкина 1970]

Обернутые грузила, привязанные к нижнему краю сети, имели особое назначение, поскольку были бесшумными и не пугали рыбу. Они применялись для «подкидных» сетей, их не ставили стационарно в воду, а волокли. По мнению Р. К. Римантене, при сушке сетей такие грузила могли отвязываться [Римантене 1991: 77]. На место сетей указывают скопления грузил или камешков без сохранившейся бересты.

Для стационарных сетей, устанавливаемых в водоем, использовали другой тип каменных грузил. В Прибалтике применяли уплощенные (морские) гальки

с выемками для привязки к сетям (рис. 1: 13). Объемные гальки с выбитым желобком для обвязки веревкой имеются в Эстонии и Приневье (рис. 1: 14) [Янитс 1991; Гусенцова и др. 2024]. Редкие грузила со сквозными, просверленными отверстиями, изготовленные из галек, найдены в Прибалтике и из сланца в Приневье и Приладожье (рис. 1: 15, 16).

Наиболее отчетливо прослеживаются специфические черты в изготовлении индивидуальных грузил в виде круглых или уплощенных стержней из сланцевых пород с небольшими головками на двух концах, под которыми сделаны неглубокие горизонтальные прорезы для крепления. Они характерны для памятников восточного побережья Финского залива, Приневья, Приладожья и Финляндии. Подобного типа грузила известны на неолитических эстонских прибрежных поселениях и латвийских озерных стоянках [Янитс 1991; Загорска 1991].

Ванкина 1970 — *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинате, 1970. 268 с.

Герасимов 2006 — *Герасимов Д. В.* Каменный век Карельского перешейка в материалах МАЭ (Кунсткамеры) РАН // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 1. СПб., 2006. С. 109–188.

Гусенцова, Кулькова 2016 — *Гусенцова Т. М., Кулькова М. А.* Радиоуглеродное датирование стоянок Подолье 1, 3 (Южное Приладожье), Сосновая гора 1 (восточное побережье Финского залива) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э.: коллективная монография. Смоленск, 2016. С. 388–396.

Гусенцова и др. 2024 — *Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е., Кулькова М. А.* Памятник эпох неолита и раннего металла Охта 1 в Санкт-Петербурге. СПб.: МАЭ РАН, 2024. 300 с.

Долбунова 2014 — *Долбунова Е. В.* Рыболовные конструкции среднего-позднего неолита (Памятник Сергея I, Смоленская область) // Труды IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: ИА АН Республики Татарстан, ИА РАН, 2014. С. 243–246.

Загорска 1991 — *Загорска И. А.* Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 39–64.

Римантене 1991 — *Римантене Р. К.* Озерное рыболовство и морская охота в каменном веке Литвы // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Гурина. Л.: Наука, 1991. С. 65–86.

Янитс 1991 — *Янитс К. Л.* Рыболовство и морской промысел на территории Эстонской ССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 25–38.

Kittel et al. 2022 — *Kittel P., Mazurkevich A., Gauthier E., Kazakov E., Kublitskiy Y., Rzedkiewicz M., Mroczkowska A., Okupny D., Szmańda J., Dolbunova E.* A deep history within a small wetland: 13 000 years of human-environment relations on the East European Plain // *Antiquity*. 2022. P. 1–8.

Rimantienė 2005 — *Rimantienė R.* Akmens amžiaus žvejai prie Pajūrio lagūnos: Šventosios ir Būtingės tyrinėjimai. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus, 2005. 526 p.

Остатки неолитических рыболовных конструкций и приспособлений из торфяников бассейна Западной Двины

А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова, И. В. Аськеев, А. О. Аськеев, С. П. Монахов*

За время многолетних исследований торфяниковых памятников Верхнего Подвинья сформировалась небольшая, но выразительная коллекция различных приспособлений и орудий рыбной ловли. Эта коллекция относится к эпохе неолита конца VI — III тыс. до н. э.

В конце раннего неолита (руднянская ранненеолитическая культура (конец VI — первая половина V тыс. до н. э.) можно реконструировать наличие заколов/запоров, расположенных у оконечностей мысов, вдающихся в водоем, перегораживающих в узких местах озерные котловины. Здесь также находятся остатки вершей, которые были оставлены в прибрежной зоне, где и археологизировались.

В среднем неолите (середина V — IV тыс. до н. э.) на памятниках Верхнего Подвинья фиксируются те же устройства для пассивной рыбной ловли: различные по размерам верши и два типа заколов/запоров. Остатки вершей найдены как в прибрежной зоне, так и в глубоководной части водоема. До нас дошли брошенные или забытые на берегу и в глубоководной части снасти. Они могли устанавливаться вместе с сетями, об этом косвенно свидетельствуют находки поплавков, грузил в непосредственной близости от вершей. Заколы/запоры представлены двумя типами. Первый тип конструкций предположительно можно интерпретировать как *котцы*. Второй тип — это запоры, сделанные из сосновых плашек, которые перегораживали протоки между озерами.

В позднем неолите (III тыс. до н. э.) отмечены остатки немногочисленных конструкций типа вершей для пассивной рыбной ловли. Они найдены в пространстве рядом с жилыми конструкциями. На протоках найдены фрагменты конструкций типа котцы.

Проведенный анализ ихтиофауны позволил сделать следующие основные выводы для периода среднего — позднего неолита. Исследованная фауна рыб представлена в основной массе эвриотпными и лимнофильными видами, предпочитающими стоячую или медленно текущую воду с хорошо развитой мягкой водной растительностью с участками открытой воды. По местам нерестилищ относительно видового состава преобладали эвриотпные и в меньшей степени лимнофилы и реофилы, а по числу костных остатков доминировали эвриотпы и лимнофилы. Распределение как по числу видов, так и по числу костных остатков по отношению к миграциям было следующим: доминировали потамадромные и резидентные виды. Промысел рыб базировался на ловле и использовании практически всех видов рыб, обитавших в водоеме. Размеры добываемых рыб были различны: от самых маленьких в несколько сантиметров до очень крупных особей: щуки и судака более 1 м и сома до 2 м длиной. Возрастной состав для наиболее массовых видов рыб также отличался

* Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В. — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, РФ (a-mazurkevich@mail.ru; katjer@mail.ru). Аськеев И. В., Аськеев А. О., Монахов С. П. — Институт проблем экологии и недропользования АН Республики Татарстан, Казань, Республика Татарстан, РФ (archaeozoologist@yandex.ru, archaeozoologist@yandex.ru, serega-28@inbox.ru).

© Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В., Аськеев И. В., Аськеев А. О., Монахов С. П., 2026

многообразия: от мальков (0), сеголетков (0+) и годовиков (1) до старовозрастных особей. Например, для щуки выявлены особи от 0 до 13–14 лет, судака — от 4 до 18–20 лет, сома — особи от 9 до 30–32 лет, линя — от 0 до 15 лет, плотвы — от 0 до 20 лет, леща — от 1 до 26 лет, золотого карася — от 0 до 12 лет, окуня — от 0 до 20 лет. Предварительный анализ развития годовых колец и приростов на костях (позвонках) и чешуе для щуки, окуня и судака также показал, что до 95 % экземпляров были выловлены в период открытой воды.

Именно рыболовные приспособления ставного типа обеспечивали эффективную и массовую добычу рыбы в весенне-осенний промежуток времени. При сравнении с синхронными остатками рыболовных приспособлений ставного типа с находками в западной части Восточноевропейской равнины можно отметить как общие конструктивные приемы/особенности, так и региональные особенности.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00086-П «Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в VII–III тыс. до н. э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)».

V

Украшения

Морфологическая классификация «фигурного кремня» с территории Приуралья

А. Ю. Смертина*

«Фигурный кремень» — это кремневая скульптура, обработанная в технике ретуши, передающая определенный образ, который был важен для древнего человека. Изделия относятся к категории предметов неутилитарного назначения, так как на большинстве находок нет следов использования в хозяйственной деятельности. Цель исследования — провести морфологическую классификацию «фигурного кремня» с памятников периода неолита — энеолита Приуралья.

Изделия были обнаружены на 41 памятнике. Три предмета были выявлены в погребении (Лобань I, поселение), остальные найдены на поселенческих комплексах. Поселения располагаются на территории Европейского Северо-Востока, Верхнего и Среднего Прикамья, Камско-Вятского междуречья и Нижней Камы (рис. 1).

Кремневая скульптура является довольно редкой категорией находок. Лишь на нескольких памятниках были зафиксированы серии «фигурного кремня»: поселения Мартюшевское II (Европейский Северо-Восток), Бор I, Красное Плотбище (Среднее Прикамье), Юртик (Камско-Вятское междуречье), Каентубинская островная стоянка (Нижнее Прикамье).

В исследовании было учтено 103 изделия. Классификация была выработана с опорой на работы предшественников по другим регионам. Группообразующим признаком послужил образ — объединяющая идея определенной группы, которая делится на подгруппы — сюжеты (разновидности образа).

В ходе работы были выделены следующие группы: фигурные бифасы (40 экз.), зооморфные (27 экз.), орнитоморфные (9 экз.), ихтиоморфные (8 экз.), пресмыкающиеся (3 экз.), символические (3 экз.), антропоморфные (2 экз.) и полиморфные изображения (1 экз.). Фигурные бифасы были разделены на предметы с выступом, креплением и так называемые лунницы. Зооморфные изображения были разделены по сюжетам на: головы животных, образ лося, кабана, медведя и пушного зверя. Орнитоморфные образы — голова птицы, водоплавающая птица и серповидная скульптура с изображением птицы. Ихтиоморфные изображения — рыбы. Пресмыкающиеся включают подгруппы с сюжетами: ящерица и змея. Символические изображения были разделены на древовидные и символические предметы. Антропоморфные образы включают подгруппы: голова человека и полноразмерная человеческая фигура. Полиморфное изображение представлено одним предметом, на котором читается сразу два сюжета — пушной зверь (бобр/выдра) и рыба [Карманов, Гирия 2018: 150, 151]. Десять предметов не были отнесены к какой-либо группе из-за отсутствия определимого образа.

При проведении картографического анализа не было выявлено закономерностей распространения образов «фигурного кремня». Единственной особенностью является отсутствие фигурных бифасов на нижнекамских памятниках.

* Смертина А. Ю. — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ (nnazarowa@mail.ru).

© Смертина А. Ю., 2026

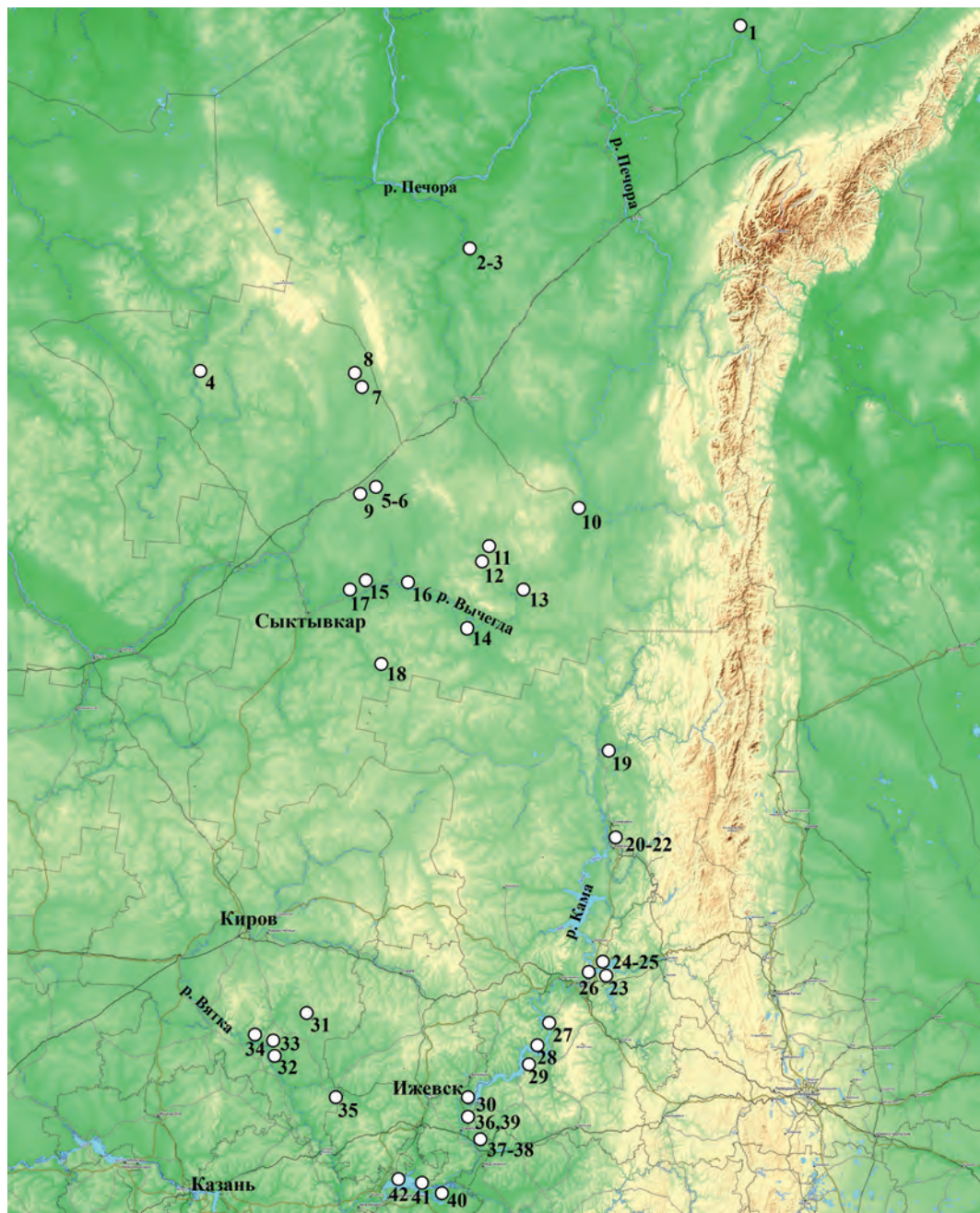

Рис. 1. Республика Коми: 1 — Адзьва V; 2, 3 — Ласта VI, VII; 4 — Кыстырью; 5, 6 — Вис I, II; 7 — Шомшуква II; 8 — Усть-Кедва II; 9 — Синдорское озеро I; 10 — Мартюшевское II; 11 — Ягкодж I; 12 — Вольдинты; 13 — Усть-Тимшер; 14 — Себъяг I; 15 — Угдым I; 16 — Подты I; 17 — Пезмогты 4; 18 — Лопъю. Пермский край: 19 — Хомутовское болото II; 20–22 — Чашкинское озеро II, IV, VI; 23 — Выстелишна; 24, 25 — Бор I, II; 26 — Астраханцевское; 27 — Забойное I; 28 — Кама-Жулановская; 29 — Гагарское III; 30 — Красное Плотбище. Кировская область: 31 — Лобань I; 32 — Аркуль III; 33 — Юртик; 34 — Ботыли IV; 35 — Тархан I. Удмуртская республика: 36 — Рычино III; 37, 38 — Непряхинская VII, X; 39 — Заборное озеро I. Республика Татарстан: 40 — Игимская стоянка; 41 — Каентубинская островная стоянка; 42 — Дубовогривская II

Подводя итоги, можно выделить черты, характерные для «фигурного кремня» Приуралья. В большинстве случаев артефакты встречались на многослойных памятниках. Ввиду этого сложно отметить какие-либо хронологические особенности в выборе образов. Сюжеты кремневой скульптуры отличаются разнообразием. В целом «фигурный кремень» исследуемого региона имеет сходство с коллекциями Восточной Европы [Кашина 2010], Зауралья и Западной Сибири [Сериков 2014: 15–43]. Расположение между этими территориями позволяет выявить общие черты как с западными, так и с восточными традициями создания кремневых скульптур. Однако были выявлены и некоторые отличия. В первую очередь это значительно меньшее число антропоморфных образов в «фигурном кремне» с территории Приуралья. В коллекциях памятников центральной части Восточной Европы, напротив, этот образ является ведущим. На изучаемых памятниках не было отмечено скульптур, изображающих четко выраженных мифологических персонажей. Единственный предмет, который может быть отнесен к данной категории, — полиморфное изображение со стоянки Угдым ІБ. Древние мастера многократно создавали в кремне образы млекопитающих, птиц и рыб. Это вполне характерно для обществ, жизнедеятельность которых была связана с охотой и рыболовством. Изображенные животные имели важное промысловое значение для хозяйства неолита — энеолита.

Карманов Гиря 2018 — *Карманов В. Н., Гиря Е. Ю.* Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым ІБ (Средняя Вычегда, Республика Коми) // *Поволжская археология*. 2018. № 3 (25). С. 139–155.

Кашина 2010 — *Кашина Е. А.* Искусство малых форм неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2005. 225 с.

Сериков 2014 — *Сериков Ю. Б.* Очерки по первобытному искусству Урала: монография. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-пед. акад., 2014. 268 с.

Предметы мелкой пластики с изображениями водоплавающих птиц в среднем неолите Байкало-Енисейской Сибири

И. М. Бердников*

В результате недавних наших исследований, посвященных идентификации комплексов среднего неолита (~7–6 тыс. кал. л. н.) на территории Байкало-Енисейской Сибири, в материальной культуре данного этапа отмечено наличие украшений с изображениями водоплавающих птиц. Они зафиксированы в составе сопровождающего инвентаря таких погребальных комплексов, как Гремячий Ключ, Афонтова Гора (раскопки 1932 и 1977 гг.) в Красноярске (всего 13 экз.) и Усть-Илирский могильник в Приангарье, в устье р. Илир, левого притока р. Ии (5 экз.).

Почти все они представляют собой костяные подвески с изображениями орнито-морфных фигур, которые имеют территориальные отличия. Изделия из красноярских погребений преимущественно плоские, а изображения на них выполнены низким рельефом. Известна лишь одна объемная подвеска (Афонтова Гора, 1932 г.). Подвески из устья р. Илир, напротив, в основном, за исключением одной, объемные. Однако стилистически они очень близки. В первую очередь обращает на себя внимание наличие образа птицы с запрокинутой назад головой, который отмечается на 10 подвесках из красноярских погребений и на двух из Усть-Илирского могильника. Аналогичны друг другу и объемные фигурки птиц, видимо, плывущих (с головой, обращенной вперед), одна из которых обнаружена в упомянутом погребении Афонтовой Горы, другая — в илирском.

Если переходить на уровень таксономической интерпретации, то в ряде изображений угадывается образ крохалея, о чем говорят такие переданные древними мастерами детали, как характерно загнутый кончик удлинённого клюва, хохолок, линия, отделяющая голову от шеи (как граница окраса головы у самца). Они четко фиксируются на двух подвесках из красноярских погребений и на трех из Усть-Илирского могильника. Еще на четырех подвесках из Красноярска головы птиц изображены очень похоже, но более схематично. К семейству утиных, без уточнения рода, можно также отнести указанные выше объемные подвески «плывущих» птиц. Другие изображения, представленные только на подвесках Гремячего Ключа, можно интерпретировать как образы гагары, принимая во внимание своеобразные черты фигур — более длинную шею, форму головы и клюва. Опираясь на наиболее надежные даты (по фауне), полученные для комплексов Гремячего Ключа и Усть-Илирского могильника, возраст их определен в интервале ~6,2–6,0 тыс. кал. л. н.

Еще одна костяная фигурка, близкая по облику охарактеризованным выше объемным подвескам «плывущих уток», известна из материалов раскопок нижних горизонтов североангарской стоянки Сергушкин 1 (пункт А), комплекс которых связан с усть-бельской керамикой и также относится к среднему неолиту.

Образ водоплавающей птицы в искусстве неолита Байкало-Енисейской Сибири получил широкое распространение, видимо, только на среднем этапе данного периода.

* Бердников И. М. — Иркутский государственный университет, Иркутск, РФ (geoarch.isu@gmail.com).

© Бердников И. М., 2026

Это обусловлено, как представляется, проникновением в регион новых групп охотников-собирателей, о чем свидетельствует в том числе появление гончарных традиций, отличных от раннеолитических (усть-бельской и посольской), а также находка наконечника шигирского типа в одном из верхнеленских погребений. Причем источники образу птицы следует искать на территориях к западу от региона, так как данный образ является довольно распространенным в искусстве неолита и энеолита лесной зоны Восточной Европы, Урала и Западной Сибири и представлен в материалах стоянок, поселений и погребальных комплексов в виде изображений на скальных поверхностях, керамических сосудах, изделиях из кости, камня и дерева различного назначения.

Важно также подчеркнуть, что образы водоплавающих птиц в средненеолитическом искусстве Байкало-Енисейской Сибири связаны, по всей вероятности, не с хозяйственной деятельностью, а являются отражением космогонических представлений населения данного этапа, в которых главным сюжетом о сотворении мира был миф о ныряльщике. Об этом свидетельствует не только широкое использование изображения крохалея (утки), который в данном мифе играл роль удачливого ныряльщика за землей, но и дополнение его антагонистическим образом гагары (лживой, коварной, ленивой или пугливой), как на подвесках из комплекса Гремячего Ключа в Красноярске. И для неолита Северной Евразии это, пожалуй, наиболее восточное проявление мифа о ныряльщике в таком варианте, который позднее получил распространение в культуре коренных народов Сибири и Северной Америки.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект FZZE-2026-0005.

Кольцевидные изделия из камня как редкий вид украшений в энеолите Доно-Волжского региона

А. М. Скоробогатов*

Работа посвящена каменным изделиям в виде кольца с разомкнутыми концами, выявленным в погребальных памятниках Доно-Волжского региона степи — лесостепи. Это находки в грунтовых могильниках Голубая Криница, п. 3 [Скоробогатов 2022], Екатериновский мыс, п. 33, 49, 58, 101 [Кочкина и др. 2024], Ивановский [Моргунова 2011], Хвалынский I, п. 107–110 [Агапов и др. 1990]; и на поселении Лебяжинка VI [Королев и др. 2023]. В публикациях такие находки называли подвесками, браслетами, кольцами, кольцами с разомкнутыми концами, кольцами-браслетами. Общая черта — небольшой размер (3–5 см в диаметре) и несомкнутые концы изделий с незначительным расстоянием между дужками. Материал — мягкий камень, как правило, светлых оттенков, легко поддающийся обработке (мергель, известняк).

В закрытых комплексах такие кольца впервые встречаются в могильниках маориупольского типа первой половины V тыс. до н. э. (Екатериновский Мыс, Голубая Криница), позже — в Хвалынском I могильнике. Здесь они сопровождали детские и женские костяки. К западу от Дона и востоку от Поволжья такие изделия из камня для памятников V тыс. до н. э. не обнаружены, как и севернее лесостепи.

В Нальчикском могильнике из 19 каменных браслетов лишь один имел заостренные несомкнутые концы [Круглов и др. 1941: 113, табл. VI: 2], однако это изделие совершенно иного типа, чем в нашей выборке. Встречены похожие изделия, но не более 2,5 см диаметром, и уже явно в качестве височных подвесок, в ранних подкурганских погребениях КМ Бережновка II, к. 9 п. 5, п. 18 [Синицын 1960]. Метрический критерий, с одной стороны, — надежный показатель: так, в Нальчике все браслеты (находившиеся на руках погребенных) были диаметром от 5,0 до 12,5 см [Круглов и др. 1941: табл. 1]. С другой стороны, в могильнике Александровск на правой руке детского костяка находился металлический браслет с внутренним диаметром не более 3,5 см [Братченко, Константинову 1987: рис. 11].

Очевидно, что точное определение этим артефактам следует давать при четком погребальном контексте, когда известно местонахождение предмета при костяке. Пока же можно их называть подвесками, так как неизвестно нахождение каменных изделий такого типа в погребениях на руках индивидов. Достоверно определено местонахождение под нижней челюстью [Кочкина и др. 2024: 50] у взрослого индивида и в районе таза — у детского (рис. 1).

Заметим, что по форме эти находки напоминают медные изделия, изготовленные из металлического жгута округлого сечения, завернутого в кольцо (кольцевидные браслеты). Появляются они в раннем энеолите Восточной Европы, с наибольшей концентрацией на востоке Балкан и в восточной части Карпатского бассейна, позже — в степных могильниках хвалынского-среднепестовской ойкумены [Манзура, Орлова 2010]. Однако повторимся, что сейчас у нас нет доказательств использования изделий из камня в качестве браслетов. Связывать каменные подвески только с половозрастными

* Скоробогатов А. М. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ (a.m.skorobogatov@mail.ru).

© Скоробогатов А. М., 2026

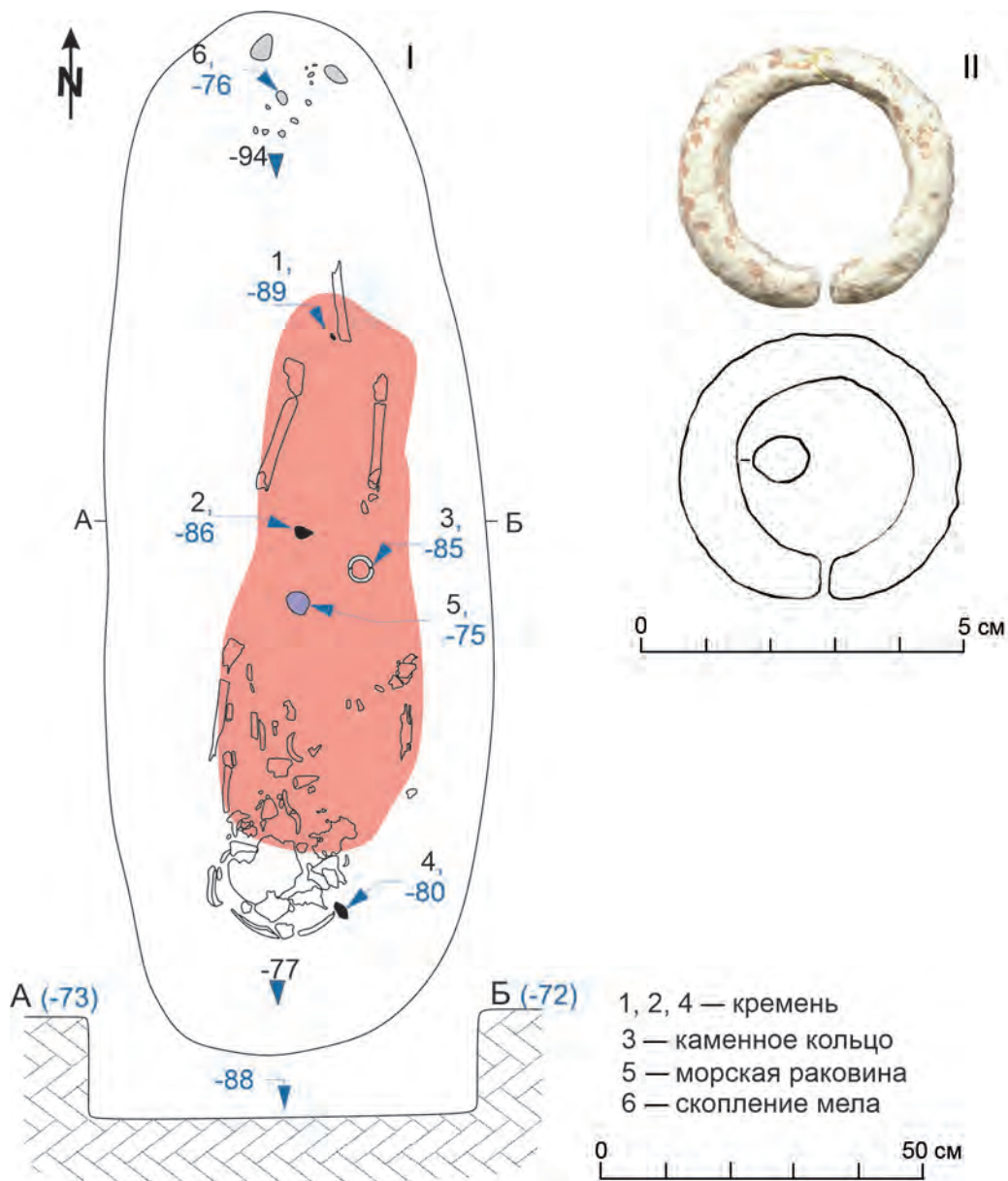

Рис. 1. Голубая Криница. Чертеж (I) погребения № 3 и кольцо из мергеля (II)

характеристиками их владельцев пока тоже преждевременно — из массы женских и детских погребений они встречаются у единичных индивидов. Использование мягкого материала (мергель) практически исключает их утилитарное назначение (например, в качестве ременных пряжек). Таким образом, перед нами — редкий вид неутилитарных изделий, сопровождающих единичных представителей погребенных индивидов населения эпохи энеолита V тыс. до н. э. степи и лесостепи Доно-Волжского региона.

Агапов и др. 1990 — Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 159 с.

- Братченко, Константинеску 1987 — *Братченко С. Н., Константинеску Л. Ф.* Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова Думка, 1987. С. 17–31.
- Королев и др. 2023 — *Королев А. И., Шалалани А. А., Трофимов А. Г.* Итоги раскопок поселения Лебяжинка VI в 2022 году // Археологические открытия в Самарской области 2022 года. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина, 2023. С. 13–14.
- Кочкина и др. 2024 — *Кочкина А. Ф., Королев А. И., Сташенков Д. А., Хохлов А. А.* Грунтовый могильник раннего энеолита Екатериновский мыс в Самарском Поволжье: материалы и исследования. Самара: Самарский гос. социально-педагог. ун-т, 2024. 328 с.
- Круглов и др. 1941 — *Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В.* Могильник в г. Нальчике // МИА. № 3. М., 1941. С. 67–135.
- Манзура, Орлова 2010 — *Манзура И. В., Орлова Т. А.* Культура браслетов в поздней преистории Европы (дунайская линия развития) // Terra cognoscibilis: Культурное пространство между Балканами и Великой Степью в эпоху камня — бронзы. Одесса: СМЛ, 2010. С. 69–135.
- Моргунова 2011 — *Моргунова Н. Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.
- Синицын 1960 — *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. № 78. Т. II. М., 1960. С. 10–168.
- Скоробогатов 2022 — *Скоробогатов А. М.* Голубая Криница — грунтовый могильник мариупольского типа на Среднем Дону // Самарский научный вестник. Самара, 2022. Т. 11, № 1. С. 165–173.

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

Р. В. Смольянинов*

Девять погребений с украшениями встречены только на двух грунтовых могильниках Верхнего Подонья: Васильевский Кордон 17 и Васильевский Кордон 27. Оба они находятся на пойменных останцах правого берега р. Воронеж (левый приток р. Дон) в нескольких сотнях метров друг от друга в Добровском муниципальном округе Липецкой области. Все погребения относятся к энеолитическому времени: восемь к среднестоговской и одно, возможно, к волосовской (погребение 14 могильника Васильевский Кордон 17) [Смольянинов 2017: 963, 964] культурам.

Памятник Васильевский Кордон 17 исследован на площади в 380 кв. м. Всего выявлено 29 погребений и шесть древних сооружений неолито-энеолитического времени (VI–IV тыс. до н. э.).

Погребение 1. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на ССВ. Над черепом обнаружена медная пронизка длиной 9 мм. Слева от головы и у таза погребенного обнаружено два кремневых наконечника. По кости человека получена дата — 4836 ± 80 BP (3790–3493 calBC) (SPb-2068)**.

Погребения 4 и 5 расположены в общей подквадратной яме размером $2,4 \times 2,4$ м, которая углублена в материк на 0,2–0,4 м. С ЮВ части яма имеет выступ размерами $0,73 \times 0,60$ м.

Костяк погребения 4 ориентирован головой на СВ. Погребенный лежит на спине, ноги согнуты в коленях, несколько завалены вправо. Руки погребенного скрещены запястьями в области живота, левая рука лежит поверх правой, череп повернут влево. Останки принадлежат юноше 16–18 лет. Помимо другого погребального инвентаря, слева от таза погребенного, несколько выше костяка, были обнаружены две подвески из клыков хищного животного с просверленными отверстиями. По костям погребенного получена дата — 4500 ± 85 BP (3375–2920 calBC) (SPb-2769).

Погребение 5 ориентировано головой на СВ. Погребальная яма этого захоронения углублена относительно дна ямы погребения 4 на 0,15–0,20 м. Костяк взрослой женщины 35–40 лет залегает на дне ямы, вытянутый на спине. Кости рук скрещены запястьями в области живота, кости правой руки лежат поверх левой. Помимо другого погребального инвентаря, в районе лба погребенной обнаружено небольшое медное изделие. По костям погребенной получены даты: 4129 ± 70 BP (2888–2566 calBC) (SPb-2769); 5101 ± 40 BP (3978–3795 calBC) (UBA-39975).

Погребальный комплекс 2 состоит из трех погребений 8–10, захороненных в одной округлой яме размером $1,90 \times 2,15$ м, максимальной глубиной, врезанной в материк на 0,12 м. Трое погребенных лежали на спине, ориентированные головой на В.

Женское погребение № 8 было с подогнутыми коленями, которые завалены на юг. Руки согнуты в локтях, ладони находились на животе. Возле коленей погребенной находились 13 нашивок на одежду из просверленных клыков хищного животного.

* Смольянинов Р. В. — Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования», Липецк, РФ (rws17@yandex.ru).

© Смольянинов Р. В., 2026

** Все калибровки радиоуглеродных дат выполнены в программе OxCal 4.4 Interface: version: 177.

Мужское центральное погребение 9 было с подогнутыми коленями, которые завалены на юг. Руки согнуты в локтях, ладони находились на животе. Между ног погребенного найден один более крупный клык со сверлиной. Еще один мелкий клык животного (отверстие не сохранилось) находился рядом с подколенной выемкой правой ноги погребенного мужчины.

Женское погребение 10 украшений не содержало.

По костям погребенных получены даты: погребение 8 — 4932 ± 55 BP (3806–3633 calBC) (SPb-2769), 5083 ± 80 BP (4001–3701 calBC) (SPb-2067); погребение 9 — 4175 ± 85 BP (2921–2560 calBC) (SPb-1527), 5197 ± 34 BP (4055–3952 calBC) (UBA-39978); погребение 10 — 5166 ± 37 BP (4050–3939 calBC) (UBA-39980).

Погребение 14 представляет из себя вытянутый скелет, ориентированный по линии ССВ — ЮЮЗ, головой на ССВ. Левая рука лежала вытянуто вдоль тела, кисть на животе. Помимо другого погребального инвентаря, возле левой руки погребенного найдены две янтарные пуговицы диаметром 15,0 мм, в сечении — 5,5 мм. Вдоль длинной стороны пуговицы в ней было просверлено V-образное отверстие для пришивания. Вторая пуговица сильно разрушена. Возле головы слева и справа обнаружено два медных изделия. Изделие 1 — пластинка удлинненно-овальной формы максимальными размерами $10 \times 3 \times 1$ мм. Изделие 2 — пластина длиной 83 мм, шириной от 1 до 2 мм. Также в районе таза погребенного, справа, найден клык животного, возможно подвеска, с несохранившимся основанием. По костям погребенного получена дата — 4511 ± 85 BP (3378–2922 calBC) (SPB-1525) [Смолянинов 2017: 963, 964].

Погребение 20 представляет из себя скелет, вытянутый на спине, ориентированный по линии ВСВ — ЗЮЗ, головой на ВСВ. Руки согнуты в локтях, ладони лежат на животе погребенного. Он был захоронен в яме удлинненно-овальной формы размером $1,90 \times 0,57$ м. Максимальная глубина ямы — 0,05 м. Сразу чуть ниже тазовых костей выявлено скопление нашивок из 13 просверленных резцов лося. На полностью сохранившихся резцах этих просверленных отверстий было по два. По костям погребенного получена дата — 4584 ± 80 BP (3530–3077 calBC) (SPb-1523).

Были также обнаружены костяные изделия — фигурные пронизи Н-образной формы из трубчатой кости среди погребений 25–28 [Скоробогатов, Смолянинов 2025: 163, 164]. Погребения плохой сохранности, поза костяков не прослеживается. Они разрушены при копке погребальной ямы погребения 22, датируемой по кости человека — 4950 ± 80 BP (3953–3631 BC) (SPb-2064). Вероятно, наши находки являются более древними. Подобные предметы характерны для погребальных комплексов степной зоны Днепро-Донского междуречья, с наибольшей локализацией в степном Поднепровье и Приазовье [Ковалева 1984: рис. 5]. И. Ф. Ковалева отмечала, что в качестве исходной формы таких пронизей могли служить пластины из клыка кабана с прорезями для закрепления нити [Ковалева 1984: 35].

Памятник Васильевский Кордон 27 исследован на площади 323 кв. м. На нем удалось выявить шесть древних сооружений и четыре погребения эпохи энеолита среднестоговской культуры.

Погребение 4. Погребенная по данным генетики женщина [Scott et al. 2022], по определению антрополога С. В. Васильева — мужчина [Смолянинов и др. 2023], лежал(а) в прямоугольной яме вытянуто на спине, головой на СВ. Возраст 20–25 лет. Размеры ямы — $1,40 \times 0,82$ м, глубина — не более 0,1 м в слое серой супеси. Руки лежали на животе. Южная часть ямы плохо фиксировалась, так как была разрушена котлованом постройки 6. Помимо другого погребального инвентаря, погребение было усыпано 138 глиняными дисковидными бусинами диаметром от 5 до 10 мм,

толщиной 2–3 мм. В глазнице найдено медное кольцо диаметром 3 см, из проволоки, круглой в сечении 3 мм, а в юго-восточном углу могильной ямы было зафиксировано охристое пятно. В верхней части таза в месте соединения с позвоночным столбом лежала медная пронизка, круглая в сечении, диаметром 4 мм, длиной 14 мм.

По кости погребенного человека получены две радиоуглеродные даты: 4654 ± 65 BP (3633–3331 calBC) (SPb-2871); 4823 ± 31 BP (3649–3528 calBC) (Hela-4623) [Scott et al. 2022].

Ковалева 1984 — Ковалева И. Ф. Север Степного Поднепровья в энеолите — бронзовом веке: Учебное пособие. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1984. 116 с.

Скоробогатов, Смольянинов 2025 — Скоробогатов А. М., Смольянинов Р. В. Материальные свидетельства степных влияний в энеолите Донской лесостепи. Уфимский археологический вестник. 2025. Т. 25. С. 159–168.

Смольянинов 2017 — Смольянинов Р. В. Волосовская культура на Верхнем Дону? // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / А. П. Деревянко, А. А. Тишкин (отв. ред.). Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. С. 963–964.

Смольянинов и др. 2023 — Смольянинов Р. В., Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Юркина Е. С. Неоэнеолитические погребальные комплексы с предметами вооружения на Верхнем Дону // Прочнее меди. Сборник статей... / Университет Высшая антропологическая школа; составитель и ответственный редактор Л. В. Дергачева; редколлегия: Д. А. Топал [и др.]. Кишинэу: Stratum Plus, 2023 (Blitz Poligraf). С. 219–241.

Scott et al. 2022 — Scott A., Reinhold S., Hermes T., Kalmykov A.A., Belinskiy A., Buzhilova A., Berezina N., Kantorovich A. R., Maslov V.E., Guliyev F., Lyonnet B., Gasimov P., Jalilov B., Eminli J., Iskandarov E., Hammer E., Nugent S. E., Hagan R., Majander K., Onkamo P., Nordqvist K., Shishlina N., Kaverzneva E., Korolev A., Khokhlov A. A., Smolyaninov R. V., Sharapova S. V., Krause R., Karapetian M., Stolarczyk E., Krause J., Hansen S., Haak W., Warinner C. Emergence and intensification of dairying in the Caucasus and Eurasian steppes // Nature Ecology & Evolution 66. 2022. doi: 10.1038/s41559-022-01701-6.

Исследование проведено в рамках реализации гранта Фонда Президентских грантов.

Подвески из кости и зубов животных в материалах мезолитического торфяникового памятника Погостище 15

В. А. Лукинцева, Н. В. Косорукова, С. А. Воронков, Т. С. Гринина*

Памятник Погостище 15 — это мезолитическая торфяниковая стоянка, расположенная на периферии бывшей деревни Погостище в Кирилловском районе Вологодской области. Находки, связанные с эпохой мезолита, залегают в слое сапропеля на глубине примерно 1,0–1,6 м от дневной поверхности.

Одной из интереснейших категорий находок являются подвески, изготовленные из различных материалов, преимущественно из зубов и костей животных. Подвески, встреченные в материалах памятника Погостище 15, представлены разными формами и типами. Основными материалами для их изготовления служили зубы и кости животных.

Так, абсолютное большинство представлено подвесками с нарезками для привязывания из зубов животных: резцов лося, зубов хищных животных (волка, куницы), резцов бобра, реже — из коренных зубов хищных животных. Технология изготовления подобных подвесок довольно проста — в верхней части зуба наносились кольцевые или полукольцевые канавки. Такие канавки пропиливались перпендикулярно оси зуба. Подвески из резцов бобра изготавливались несколько иначе: у таких изделий обычно две нарезки, которые расположены друг напротив друга, иногда одна чуть выше другой. Нарезки прорезались резцом или острым краем пластины, так как резцы бобра более хрупкие и пропиливание канавок могло привести к их повреждению.

В большом количестве встречены подвески подпрямоугольной, реже подквадратной формы с отверстием в верхней части изделия. Такие украшения изготавливались из расколотых ребер животных, тщательно застругивались. Отверстие выполнялось односторонним сверлением.

Подвески из зубов животных широко представлены в материалах памятников каменного века лесной зоны. Подвески подпрямоугольной формы со сверленным отверстием нередко встречаются в материалах памятников каменного века лесной зоны — на памятниках бутовской культуры [Жилин 2001: рис. 1: 23, 28, 68] и культуры Веретье [Ошибкина 1997, 2017].

Менее многочисленны подвески с нарезками, изготовленные из обломков расколотых трубчатых костей животных. Обработка подобных изделий такая же минимальная, как и у подвесок из зубов: на небольших обломках трубчатых костей пропиливалось две нарезки — друг напротив друга. Встречены экземпляры, у которых одна сторона пришлифована. Подобные изделия также встречаются в материалах культуры Веретье.

Кроме того, на памятнике обнаружено еще два типа подвесок, для которых так и не найдены аналоги в материалах других памятников бутовской культуры и культуры Веретье, материалы которых наиболее схожи с костяным инвентарем стоянки Погостище 15.

* Лукинцева В. А., Косорукова Н. В., Гринина Т. С. — Череповецкий государственный университет (marskot7@mail.ru, natalikcher@mail.ru, tatianka.kos@mail.ru). Воронков С. А. — Череповецкое музейное объединение, Музей археологии (voronkov.stanislaw149@gmail.com). Череповец, РФ.

© Лукинцева В. А., Косорукова Н. В., Воронков С. А., Гринина Т. С., 2026

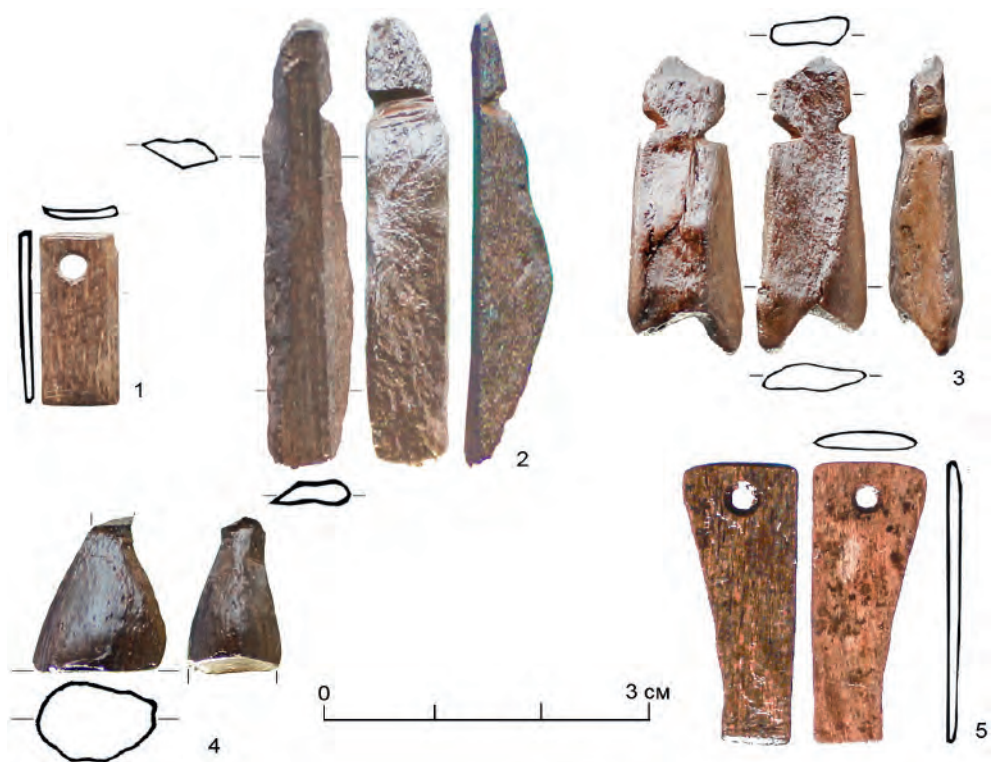

Рис. 1. Подвески из кости с мезолитического торфяникового памятника Погостище 15:
 1, 5 — подвески со сверленным отверстием, 2 — подвеска с нарезкой,
 3 — подвеска с раздвоенным концом, 4 — подвеска подконусовидной формы

Всего тремя экземплярами представлены вытянутые подвески с круглым основанием, по форме напоминающие неправильные конусы. Вероятно, эти изделия сделаны из расколотых трубчатых костей, которым придана подконусовидная форма с помощью строгания, нарезки пропилены.

Также представлены две подвески с раздвоением на конце. Подвески имеют подпрямоугольную форму, а в нижней трети они Л-образные. В верхней подпрямоугольной части пропилены две нарезки друг напротив друга. Раздвоение кончика достигалось при помощи выстиругивания, что свидетельствует о целенаправленности такого приема.

Подвески использовались для украшения головных уборов, костюмов и поясов, подвески с нарезками могли носить в составе ожерелий. Разнообразие типов подвесок не только говорит о мастерстве в использовании разных материалов, но и отражает эстетические представления тех времен, а возможно, и различные предпочтения в стиле украшений.

Жилин 2001 — Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 326 с.

Ошибкина 1997 — Ошибкина С. В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.

Ошибкина 2017 — Ошибкина С. В. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры Веретье). М.: ИА, 2017. 139 с.

Орнаментация неолитических костяных изделий: критерии сходства и различия

А. И. Юдин*

Анализ орнаментов на костяных орудиях и изделиях позднего каменного века, несомненно, добавляет информацию о культурных контактах и генезисе неолитических культур, но затруднен малым количеством находок. Трудно объяснить, почему в одних культурах изделия из кости насчитываются сотнями, а в других единичны. Причем здесь дело даже не в сохранности культурного слоя. Например, условия залегания и формирования слоев на стоянках Варфоломеевская и Алгай одинаковы, но на первой получена уникальная коллекция орнаментированных изделий, а на второй такие отсутствуют почти полностью, хотя состав категорий находок из кости совпадает.

Тем не менее на памятниках, где имеется достаточное количество материалов, можно провести первичную классификацию для сопоставлений с другими культурами и понимания возможности контактов, отразившихся в орнаментации, подобно тому, как это выполняется при анализе керамики.

В степной зоне европейской территории страны есть две культуры с относительно достаточным количеством материалов — ракушечная [Цыбрий 2008] и орловская [Юдин 2003]. Орнамент носит преимущественно геометрический характер. Рассмотрение орнамента по элементам показало, что их можно разделить на три основные группы.

Группа 1. Базовые элементы. Простейшие элементы, которые могут входить в состав композиций или наноситься как самостоятельная единица. Это прямые линии или несколько линий; короткие насечки по краям предметов или на плоскости; зигзаг или несколько зигзагов; ряды просверленных ямок или овальные насечки; беспорядочная штриховка (рис. 1: 1, 2). Эти элементы орнамента в разных сочетаниях встречаются на всех памятниках с костяной индустрией и поэтому малоинформативны.

Группа 2. Простые композиции, встречаемые достаточно часто на памятниках разных культур. Эти композиции можно назвать мультикультурными. Они не обязательно неолитические и встречаются на протяжении мезолита — энеолита: треугольники, ромбы, крестовидные фигуры или многократное повторение элементов из группы 1 (рис. 1: 4, 5).

Группа 3. Оригинальные композиции, указывающие на конкретную культуру. Например, меандры с заштрихованными свободными участками пока встречены только на Варфоломеевской стоянке (рис. 1: 8). Аналогично в ракушечной культуре — орнамент в виде ряда линзовидных фигур (рис. 1: 7) в других культурах не известен. В сурской культуре это пластины с поселения Кизлевый-5, а также пластина с заштрихованными лентами с о-ва Сурской (рис. 1: 9) [Тубольцев 2005]. Очень характерным сочетанием простейших элементов орнамента отличаются браслеты из мариупольского могильника Васильевка 2 (рис. 1: 10) [Телегин 1991].

* Юдин А. И. — АНО Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, Саратов, РФ (aleyudin@yandex.ru).

© Юдин А. И., 2026

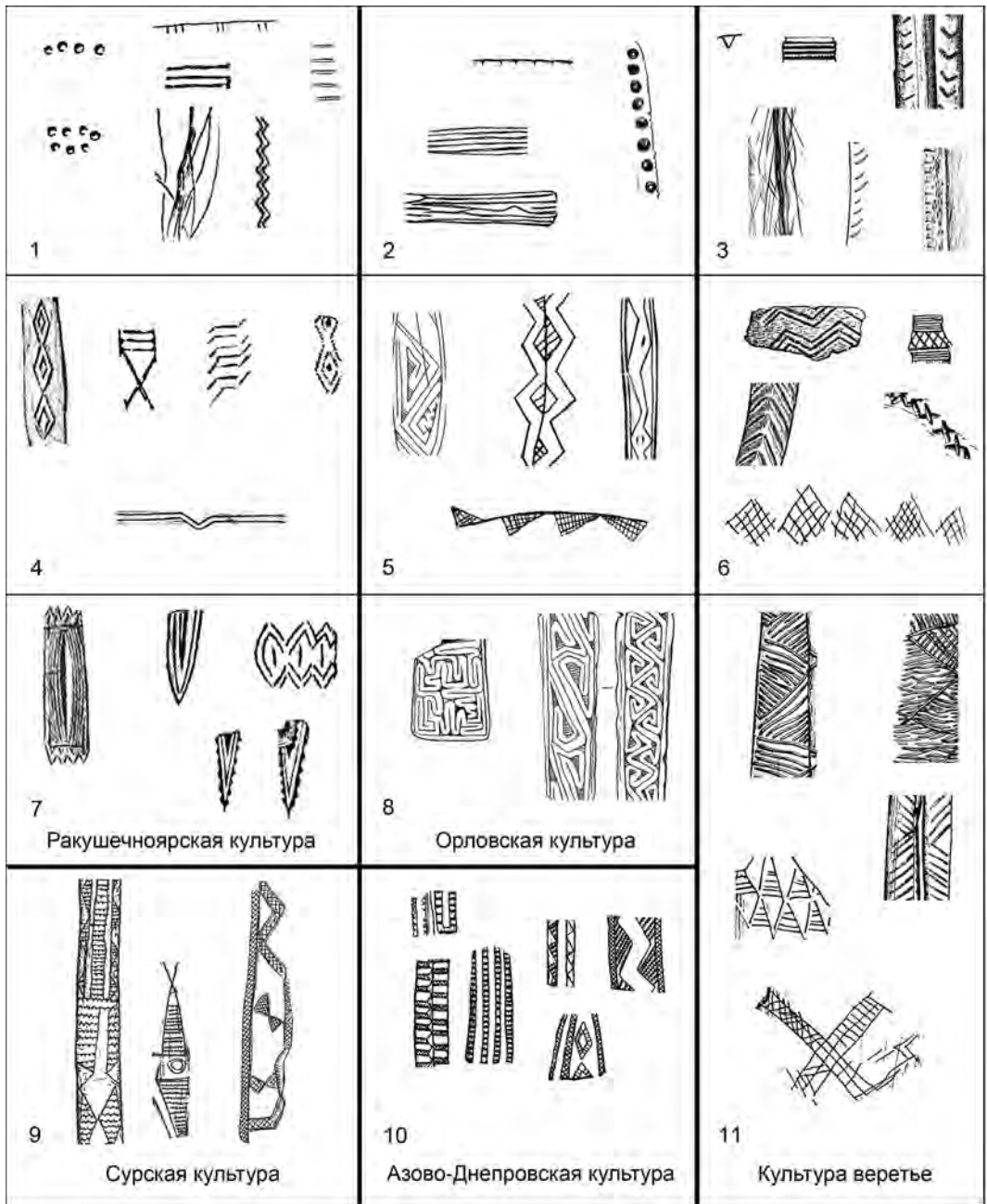

Рис. 1. Три основные группы орнаментов

Подобную градацию вполне можно применить и для памятников лесной зоны. Например, мезолитическая культура веретье отличается разнообразием орнаментированных костяных предметов [Ошибкина 2017]. Здесь также есть простейшие элементы, композиции из них и сложные геометрические композиции, присущие только данной культуре (рис. 1: 3, 6, 11).

Таким образом, при сравнении орнаментов между разными культурами, первую группу можно не учитывать — ее простейшие элементы имели повсеместное

распространение. Третья группа орнаментов характеризует конкретную культуру, и какие-либо сопоставления будут корректны только в рамках этой культуры.

Для решения вопросов культурных заимствований, контактов или миграций имеет смысл сравнивать орнаментальные композиции только второй группы.

Ошибкина 2017 — *Ошибкина С. В.* Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). М.: ИА РАН, 2017. 140 с.

Телегин 1991 — *Телегин Д. Я.* Неолитические могильники мариупольского типа (Свод археологических источников). Киев: Наукова думка, 1991. 96 с.

Тубольцев 2005 — *Тубольцев О. В.* Неопубликованные материалы по раннему неолиту Надпорожья // Старожитності степової України і Криму. 2005. Т. XII. С. 28–49.

Цыбрий 2008 — *Цыбрий В. В.* Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов н/Д.: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. 205 с.

Юдин 2003 — *Юдин А. И.* Костяные предметы искусства из коллекции Варфоломеевской стоянки // Российская археология. 2003. № 4. С. 9–24.

Круглые костяные изделия с центральным отверстием и насечками по краю в материалах финала каменного века лесной зоны Восточной Европы

Е. А. Турина, Е. А. Кашина, А. А. Малютина, М. М. Чернявский*

Наше внимание привлек ряд находок из материалов раскопок поселений лесной зоны Восточной Европы, объединенный морфологическим сходством, — это плоско-выпуклые круглые, подовальные и подпрямоугольные предметы (редко — плоские) с просверленным (с двух или с одной стороны) или прорезанным отверстием в центре, с короткими частыми (перпендикулярными или слегка наклонными) насечками по окружности (рис. 1). На сегодняшний день их известно уже около 50 экз. До настоящего времени эти материалы никем не осмысливались как единое явление, хотя предпосылки для такого предположения имеются.

Предметы были изготовлены чаще всего из фрагментов стенки трубчатой кости крупного млекопитающего (некоторые, возможно, из рога), в единичных случаях материалом служила тонкая плоская костяная заготовка (возможно из компактной части реберной кости млекопитающего), а также часть рыбьего позвонка крупной породы. Предметы происходят со следующих памятников: Асавец 2 (2 экз., Республика Беларусь), Абора 1 (около 33 экз.), Ича (4 экз., Латвия), Тамула 1 (1 экз., Эстония), Усвяты IV (1 экз., Псковская обл.), Великодворье I (4 экз., Московская обл.), Черная Гора (3 экз., Рязанская обл.).

Для всех изделий предварительно предполагается довольно узкая датировка: конец IV — III тыс. до н. э. (особенно поздними, возможно, были материалы с Асавца 2 и Усвят IV). Зона этих находок может быть условно разделена на две части: западную (культуры пористой керамики стран Балтии, усятская, северобелорусская (?) культуры) и восточную (волосовская культура). Это не первый случай, когда идентичные бытовые предметы выразительных форм и предметы искусства малых форм встречаются на близких по времени памятниках от Литвы и Беларуси до Нижней Оки: среди них, например, ретушеры с головой птицы, крюки из предчелюстной кости лося и т. д. [Черняўскі 2007; Малютина 2023; Kashina et al. 2023; неопубликованные данные].

Кроме того, согласно мнению и подсчетам Ю. Б. Серикова [2020], украшения с зубчатым краем как фигуративных, так и геометрических форм на территории лесной зоны Восточной Европы и Сибири известны в основном в позднем неолите и энеолите. Таким образом, изучаемая нами группа может являться частью надрегionalного культурного тренда.

Некоторые исследователи называли такие изделия орнаментами, однако исследовательница древней керамики Н. Ю. Петрова убедительно показала [2012], что следы, оставляемые зубцами «колесика», слишком малозаметны, а получившиеся

* Турина Е. А. — Музей Москвы, Москва, РФ (katyaturinal@gmail.com). Кашина Е. А. — Государственный исторический музей, Москва, РФ (eakashina@mail.ru). Малютина А. А. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ (kostylanya@yandex.ru). Чернявский М. М. — Институт истории НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь (maxchar@gmail.com).

© Турина Е. А., Кашина Е. А., Малютина А. А., Чернявский М. М., 2026

эталонные отпечатки не имеют никакого сходства со всем спектром элементов и мотивов волосовских орнаментов на посуде.

А. А. Малютина, непосредственно исследовав в своей диссертации [2023] предмет из Усвят IV, не менее убедительно доказала, что он не был использован как орнаментир для керамики. Он имеет заполированную и линейные следы, характерные для украшений и предметов искусства, возникшие от ношения на одежде, теле, волосах, с равномерным распространением по всем участкам рельефа, а также выраженный блеск и многочисленные хаотичные тонкие короткие и длинные царапины, что в сумме можно выразить кратким определением «неутилитарный износ».

В рамках данного доклада Е. А. Туриной и А. А. Малютиной будут изложены результаты трасологического анализа семи предметов с поселений Великодворье I и Черная Гора (коллекции ГИМ). Будут представлены результаты анализа следов изготовления этих изделий, их сходства и различия, а также будут изучены следы их возможного использования и крепления через центральное отверстие. Также планируется проведение экспериментальной программы.

Малютина 2023 — *Малютина А. А.* Производство и функции изделий из твердых органических материалов в неолите Днепро-Двинского междуречья: Автореферат канд. дис. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 25 с.

Петрова 2012 — *Петрова Н. Ю.* Реконструкция волосовских гребенчатых и рамчатых орнаментиров (по материалам поселения Великодворье I) // *Образы времени. Из истории древнего искусства* / В. Белоцерковская (ред.). М.: ГИМ, 2012 (Труды ГИМ. Вып. 189). С. 51–56.

Сериков 2020 — *Сериков Ю. Б.* К вопросу о функциональном и сакральном назначении подвесок с зубчатым краем // *Народы и религии Евразии*. Барнаул, 2020. 1 (22). С. 89–106.

Чарняўскі 2007 — *Чарняўскі М. М.* Касцяныя і рагавыя вырабы на паселішчах Крывінскага тарфяніку (неаліт — бронзавы век). Мінск: Беларус. навука, 2007. 75 с.

Kashina et al. 2023 — *Kashina E., Simonenko A., Zhilin M.* Pressure flakers of the forest hunter-gatherer-fishers of East-European Late Neolithic Age and their remote counterparts // *Open Archaeology*. 2023. 9. 20220349. 2023. P. 1–18.

Рис. 1. Два круглых плоско-выпуклых костяных изделия со сверлиной в центре. Поселение Великодворье I (Московская обл.), середина — конец IV тыс. до н. э., волосовская культура

Сланцевые подвески на поселениях с гребенчато-ямочной керамикой (по материалам разведочных работ в Марийском Поволжье)

Е. Г. Шалахов*

Впервые информацию о широком бытовании у неолитического населения Марийского Поволжья сланцевых подвесок в своих печатных работах стал публиковать известный подвижник и исследователь первобытной археологии Волго-Камья В. В. Никитин (1940–2024). Источниковая база по проблематике изучения древних украшений сформировалась с началом планомерных раскопок стоянок и поселений эпохи неолита, предпринятых во второй половине 1970-х гг. [Никитин 2015: 19].

Совместные разведочные работы Марийской археологической экспедиции и автора данного доклада в 2000–2007 гг. позволили собрать значительную коллекцию каменного производственного инвентаря и керамики, а также предметов неугилятарного назначения (украшения и мелкая пластика) на памятниках «лесного» неолита, размытых Чебоксарским водохранилищем [Никитин 2011: 102, 105, 112, 114, 117; 2015: 158, 169; Шалахов 2017: 221].

Летом 2001 г. в осыпях Сутырской I стоянки, неоднократно изучавшейся в конце XX в. [Большов 2000: 28], вместе с небольшими фрагментами стенок сосудов, украшенных по внешней поверхности гребенчато-ямочным орнаментом, сколами и отщепами кремня, поднято плоское каменное изделие полуовальной формы размерами 3,9 × 2,7 см с незавершенной односторонней сверлиной диаметром 0,5 см. Широкие грани заготовки хорошо отшлифованы. В качестве сырья, по мнению С. В. Большова, использован зеленый сланец явно не местного происхождения.

Разведочные исследования на Сутырском IV поселении осуществлены осенью 2000 г. Собрана коллекция кремня (скобле-режущие орудия, черешковые наконечники стрел с треугольным и листовидным пером). Керамический комплекс памятника в сборах представлен фрагментами стенок и доньшек от сосудов с гребенчато-ямочной и накольчатой орнаментацией. Наши с В. В. Никитиным сборы в последующие несколько лет вновь позволили получить богатый подъемный материал (свыше 100 единиц), состоявший из ножевидных пластин, в том числе с односторонней боковой ретушью, нуклеусов, скребков, проколов и ножей на отщепах кремня. Кроме того, в коллекции присутствует серия рубящих орудий.

В ноябре 2005 г., при спаде уровня воды в зоне затопления Чебоксарского гидроузла, на месте Сутырского IV поселения была поднята подвеска овальной формы из серого сланца — со сверлиной в верхней части изделия (рис. 1). Размеры индивидуальной находки — 4,0 × 2,5 см. Диаметр сквозного отверстия составляет 0,5 см. Все грани предмета до блеска отшлифованы древним мастером. Аналогии подобным изделиям встречены при стационарных раскопках жилищ Майданской стоянки, Мазарского I поселения и Сутырского II поселения. Все указанные памятники находятся на территории Марийского Поволжья [Никитин 1991].

* Шалахов Е. Г. — Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино, Республика Марий Эл, РФ (shalahof@yandex.ru).

© Шалахов Е. Г., 2026

Таким образом, сланцевые подвески со сверлиной для шнура являлись довольно распространенным типом украшений, бытовавших на сезонных охотничьих стоянках и долговременных поселениях, оставленных носителями культуры керамики с гребенчато-ямочным орнаментом. Открытым остается вопрос о том, кто принес на берега Волги и Ветлуги традицию ношения сланцевых подвесок. Возможно, это носители льяловской культуры — пришлые группы охотников и рыбаков из Волго-Очья. Вещи типа Льялово выявлены в неолитических комплексах Марийского Поволжья в ходе недавних полевых работ и уже введены в научный оборот [Никитин, Никитина 2004: 30, 31].

Рис. 1. Сланцевая подвеска с Сутырского IV поселения. Подъемный материал 2005 г.
Фото автора

Большов 2000 — *Большов С. В.* Сутырская I стоянка // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 2000. С. 28–37.

Никитин 1991 — *Никитин В. В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III — начало II тысячелетия до н. э.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1991. 152 с.

Никитин 2011 — *Никитин В. В.* Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011 (Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IX). 470 с.

Никитин 2015 — *Никитин В. В.* Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015 (Археология Поволжья и Урала: материалы и исследования. Вып. 3). 276 с.

Никитин, Никитина 2004 — *Никитин В. В., Никитина Т. Б.* К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 150 с.

Шалахов 2017 — *Шалахов Е. Г.* Глиняная скульптурка медведя с Сутырского археологического комплекса: в поисках аналогий случайной находке // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири / отв. ред. А. С. Вдовин, Н. П. Макаров. Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2017. С. 221–223.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИА — Институт археологии

ИИМК — Институт истории материальной культуры

НАН — Национальная академия наук

НЦ — Научный центр

РАН — Российская академия наук

МарНИИЯЛИ — Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории

СО — Сибирское отделение

ФИЦ — Федеральный исследовательский центр

УрО — Уральское отделение

Конференция
Конвергенция или заимствования?
Сходства и различия в материальной культуре и культурных процессах
голоцена Евразии (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2026 г.)

**КОНВЕРГЕНЦИЯ ИЛИ ЗАИМСТВОВАНИЯ?
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ ГОЛОЦЕНА ЕВРАЗИИ**

Материалы конференции

Корректор: М. А. Иванова
Верстка: Е. В. Новгородских

Издательство ИИМК РАН
191181, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, лит. А, каб. 307
Тел.: +7 (812) 571-50-92

Подписано к использованию 05.05.2026.
Объем 9,18 Мбайт. Электрон. текстовые дан. Заказ 0110

ISBN 978-5-6052468-7-9

9 785605 246879 >